ПАТРИК ДЕ ВИТТ

БРАТЬЯ SISTERS

ШОРТ-ЛИСТ БУКЕРА 2011

Братья Sisters
Патрик де Витт

Аннотация
Патрик де Витт. Братья Sisters
Часть первая. Беда с конями
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Часть вторая. Калифорния
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Небольшое отступление
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Часть третья. Герман Керм Варм
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42

Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Еще одно небольшое отступление
Глава 60
Глава 61
Эпилог
Выражаю признательность

Аннотация

Таинственный и могущественный Командор приговорил несчастного Варма к смерти. Неприятная миссия выпадает на долю братьев Систерс — Илая и Чарли, они не привыкли обсуждать поручения. Для Чарли кровопролитие — это жизнь, а Илай со временем начинает задаваться вопросом — зачем он убивает? Два брата, две судьбы, но будущее у них одно. Что же победит: злое начало Чарли или простота и добродушие Илая?

«Братья Систерс» — классический вестерн, не лишенный юмора. Динамичный, но местами жесткий сюжет погрузит вас в атмосферу того времени и заставит пройти все испытания, выпавшие на долю братьев.

Море крови, море виски, море оружия и дикого веселья взорвут ваш мир.

Патрик де Витт
Братья Sisters

Моей матери
1851 год, Орегон-сити

Часть первая
Беда с конями

Глава 1

Я сидел у особняка Командора и ждал. Чарли, мой братец, пошел внутрь за новым заданием.

Было холодно, и вроде даже собирался снег. От нечего делать я принялся разглядывать коня Чарли, Шустрика. Моего звали Жбан. Мы с братцем не суеверные, но кони достались нам как часть гонорара, будучи уже обремененными кличками. Предыдущие скакуны — без имен — сгинули в огне во время последней миссии, и, в принципе, кони нам были нужны. Впрочем, я предпочел бы получить весь гонорар деньгами и обзавестись лошадью без имени, судьбы и привычек. К своему прошлому коняге я успел сильно привязаться, и порой мне снились кошмары о том, как он гибнет: как брыкается, охваченный пламенем, как лопаются у него от жара глаза. За сутки он мог покрыть шестьдесят миль, скакал как ветер, и я не смел поднять на него руки кроме как для того, чтобы потрепать по холке или помыть. Стараясь не вспоминать, как бедолага погиб в горящем сарае, я все же не мог отгородиться от всплывающих временами в моей голове образов.

Жбан неплох, но подошел бы другому, менее

непоседливому ездоку. Тучный, с провислой спиной, в сутки он может покрыть не больше полусотни миль. Его частенько приходится стегать плетью. Кто-то бьет лошадь с чистой совестью, кто-то и с удовольствием, я — скрепя сердце. Теперь Жбан, небось, считает меня злым хозяином и сокрушается про себя, мол, жизнь его — жестянка.

Ощутив на себе взгляд, я поднял голову. Чарли смотрел из окна на верхнем этаже и махал рукой. Желая развеселить меня, он скорчил рожу. Я не улыбнулся, и брат, недовольный, отошел в глубь комнаты. Он точно видел, как я засматриваюсь на его коня. И к тому же еще утром я предложил продать Жбана и вскладчину купить нового скакуна. Чарли согласился, но позже за обедом сказал, дескать, давай для начала выполним задание, а после можно и о новом коне подумать. Глупости! Ведь Жбан не подходит для работы, он обуза и все нам испортит.

Чарли не заметил, как испачкал усы в подливке.

— После задания, Эли, — ответил он. — Так будет лучше.

Ну еще бы, на Шустрика жаловаться не приходится: он ни в чем не уступает старому, безы-

мянному коню Чарли. И вообще братец себе коня выбрал, пока я валялся в постели с простреленной ногой. Жбан мне сразу не понравился, а Чарли Шустриком доволен. Вот такая у нас беда с конями.

Глава 2

Чарли взобрался на Шустрика, и мы поехали в салун «Царственный боров». Последний раз Орегон мы посещали месяца два назад, и за это время на главной улице выросло аж пять новых лавочек. Все они процветали.

— Интересные дела творятся, — заметил я.

Чарли не ответил.

В «Борове» мы заняли дальний столик и, как обычно, заказали бренди. Когда принесли бутылку и два стакана, Чарли сам налил мне. Ого, жди дурных новостей!

— На сей раз главный — я, — произнес братец.

— Кто тебе сказал?

— Командор и сказал.

Я осушил стакан.

— И что с того?

— А то, что ты меня во всем слушаешься.

— Как насчет денег?

— Мне причитается больше.

— Я про свою долю: она не изменилась?

— Тебе положено меньше.

— Бессмыслица какая-то.

— Командор говорит: будь в нашей паре глав-

ный, предыдущая миссия прошла бы гладко.

— Все равно бессмыслица.

— Ошибаешься, братик.

Он налил мне еще стакан. Я выпил и подумал вслух:

— Повысить долю главному — это понятно, это хорошо. Но сократить долю подчиненного… Паршиво. На прошлом задании мне ногу продырявили, а лошадь сгорела.

— И мой конь сгорел. Командор дал новых.

— Паршиво. И хватит мне подливать, я не безрукий.

Отняв у братца бутылку, я спросил, в чем состоит новое задание. Нам предстояло выследить и убить в Калифорнии одного старателя по имени Герман Кермит Варм. Чарли достал из кармана письмо, составленное лазутчиком Командора Генри Моррисом, этим франтом. Он частенько выезжал вперед нас на разведку.

> *Тщательно изучив Варма, спешу сообщить касательно его привычек и характера следующее. По натуре одиночка, однако засиживается в салунах Сан-Франциско. Читает ученые книги и труды по математике, делает на полях заметки.*

Книги свои скрепляет ремешком, совсем как школяр, за что его частенько дразнят. Смеху добавляет низкий рост, но берегитесь — тут Варма лучше не задирать. Он тот еще драчун. И хотя он почти всегда проигрывает, вряд ли кто-то из противников согласится вновь встать против Варма. В бою он, к примеру, не брезгует пустить в ход зубы. Из прочих деталей внешности отмечу: лысину, буйную рыжую бороду, длинные руки и брюхо, выпирающее подобно животу беременной. Моется Варм редко, спит где придется: в сараях, у порогов, а иногда и на улице. В беседе резок и скуп на слова. За поясом носит карманный кольт-драгун. Пьет редко, но если случается приложиться к бутылке, то выпивает ее залпом. За виски платит золотой пылью, которую носит всегда при себе в кожаном мешочке на шнурке. (Мешочек прячет в многочисленных складках одежды.) Ни разу за время, проведенное мной в городе, Варм не покидал его пределов, и я не знаю, собирается ли он вновь на свой прииск, что расположен в десяти милях к востоку от

Сакраменто (отметил на карте). Вчера в салуне Варм, обратившись ко мне по имени, вежливо попросил прикурить. Ума не приложу, откуда ему известно мое имя, ведь я следил за ним очень скрытно. Задав же сей вопрос самому Варму, я был облит словесными помоями и поспешил уйти. Мне, признаться, дела нет, но я выяснил у местных, что он человек необычайно сильного ума. Да, признаю: сей тип, мягко говоря, странный.

Рядом с картой золотого прииска Моррис пририсовал корявый портрет Варма. Впрочем, сядь этот Варм за один со мной стол, я ни за что бы не признал в портрете оригинал. Я поделился соображениями с Чарли, и братец ответил:

— Моррис ждет нас в отеле в Сан-Франциско. Укажет на Варма. Тут-то мы и вступим в игру. Говорят, милое дело — прикончить кого-нибудь в Сан-Франциско. Местные постоянно заняты: либо сжигают город дотла, либо восстанавливают его.

— Почему Моррис сам не прикончит Варма?

— Каждый раз я слышу от тебя этот вопрос и каждый раз отвечаю: это не его дело. Убивать — наша работа.

— По-моему, глупо нанимать этого дармоеда,

оплачивать ему расходы. Он будто бы следит за Вармом, а потом выясняется, что это Варм следит за ним.

— Моррис — не дармоед, братик. Он ошибся в первый раз и признает свой промах. Его провал больше говорит о самом Варме.

— Мужик то и дело засыпает прямо на улице. Моррису ничего не стоит подкрасться и застрелить его во сне.

— Забываешь: Моррис — не убийца.

— Тогда зачем послали его? Лучше б Командор еще месяц назад отправил за Вармом нас.

— Месяц назад мы выполняли другую работу. Помни: Командор много чем занимается. Его много что интересует, и с делами он разбирается по очереди. Командор любит повторять: поспешишь — людей насмешишь. И то верно, ему все удается!

Чарли с таким обожанием процитировал Командора, что меня аж заворотило.

— Нам до Калифорнии добираться две недели. Зачем тратить время?

— Затем, что это наша работа.

— Что, если мы не застанем Варма на месте?

— Застанем.

— А вдруг?

— Никаких «вдруг», черт тебя подери!

Когда пришло время собираться, я напомнил:

— Главный платит.

Обычно мы делим расходы пополам, и Чарли обиделся. Вот скупердяй, весь в отца.

— Только в этот раз, — предупредил он.

— Прояви щедрость, достойную главного.

— Командор тебе никогда не нравился, а ты не нравишься ему.

— Он нравится мне все меньше и меньше.

— Вот сам ему и скажешь, если станет совсем невтерпеж.

— Когда мне станет невтерпеж, ты, Чарли, узнаешь первым. Не сомневайся, вы оба узнаете.

Спорить мы могли до бесконечности, однако я предпочел вернуться в гостиницу через улицу от салуна. Спорить не люблю, особенно с братцем: Чарли бывает не сдержан и ядовит на язык.

Ночью у гостиницы он с кем-то пересекся. Неизвестные спросили, как его зовут. Чарли ответил, и незнакомцы тотчас отстали. Я к тому моменту уже выпрыгнул из постели и натягивал сапоги — хотел бежать на помощь. Потом услышал, как Чарли поднимается по лестнице, и юркнул обратно в кровать. Просунув голову в дверь, братец позвал меня. Я не ответил, притворясь спящим.

Тогда он ушел к себе, а я еще долго лежал во тьме, размышляя о семейных раздорах. Кровь — не водица, да, но она и не мед.

Глава 3

Наутро пошел дождь, и дорога раскисла под непрекращающимся потоком холодных капель. Чарли мучился с похмелья, и я пошел в аптеку купить ему лекарство от тошноты. Мне продали порошок, синий, как яйца малиновки, и без запаха. Вернувшись в гостиницу, я приготовил тинктуру на кофе. Знать не знаю, чем я рисковал отравить братца, главное — Чарли быстро поправился и сумел оседлать Шустрика. Мало того, он оживился до неприличия, стал подозрителен.

Отъехав от города миль на двадцать, мы сделали привал на пустыре. Прошлым летом здесь стояла чаща, но в грозу она сгорела. Пообедав, мы приготовились ехать дальше и тут в сотне ярдов к югу заприметили мужичка. Он вел под уздцы лошадь. Если б он ехал верхом, мы бы и не обратили на него внимания, а так удивились.

— Сходи-ка посмотри, что с ним, — велел Чарли.

— Ну, раз главный приказывает… — сострил я.

Чарли не ответил. Понятно: шутка отрастила бороду, больше так язвить не буду.

Сев на Жбана, я выехал навстречу незнакомцу.

Приблизившись, заметил, что мужичок плачет, и спешился. Сам я высокий, упитанный, на лицо не из самых приятных, поэтому, желая успокоить мужичка, произнес:

— Я не причиню вам зла. Мы тут с братцем обедали. Приготовили слишком много, всего не съедим. Может, разделите с нами трапезу?

Незнакомец утер лицо ладонью и хотел ответить — уже раскрыл рот, — но, вновь заревев, не сумел издать ни единого внятного звука.

Тогда я произнес:

— Вижу, вы чем-то расстроены и свой путь желаете продолжать в одиночестве. В таком случае прошу простить за беспокойство и желаю удачи.

Запрыгнув на Жбана, я поехал в обратную сторону и вдруг заметил, что Чарли целится в мою сторону. Обернувшись, я увидел, как ревун скачет за мной вслед. Настроен он был дружелюбно, и я жестом попросил Чарли убрать оружие. Поравнявшись со мной, мужичок сказал:

— Пожалуй, приму ваше приглашение.

Когда мы вернулись к бивуаку, Чарли взял лошадь нытика под уздцы и предупредил:

— Больше так ни за кем не скачите. Я было подумал, что вы гонитесь за моим братом, и чуть не пристрелил вас.

Ревун только отмахнулся, мол, не стоит о нем беспокоиться. Удивленный, Чарли взглянул на меня и спросил:

— Это кто такой?

— Он жутко расстроен, вот я и позвал его на обед.

— У нас одни лепешки.

— Я еще напеку.

— Отставить, — Чарли оглядел ревуна с головы до пят. — По-моему, он в трауре.

Откашлявшись, незнакомец укорил нас:

— Очень некультурно, знаете ли, говорить о человеке так, будто он — пустое место.

Чарли растерялся, не зная, то ли смеяться, то ли врезать наглецу.

— Он что, чокнутый? — спросил у меня братец.

— Попрошу вас впредь следить за речью, — предупредил я ревуна. — Мой братец приболел.

— Ничего я не болен, — возразил Чарли.

— И еще он стесняется проявлять щедрость, — добавил я.

— С виду он и правда болен, — заметил незнакомец.

— Дьявол! Говорю же: я не болен!

— Болен, — напомнил я. — Слегка.

Терпение Чарли достигло предела. Я же тем

временем вложил в руки нытику несколько лепешек. Взглянув на них, мужичок судорожно вздохнул и вновь расплакался. Он кашлял и дрожал как осиновый лист.

— Вот таким я его и встретил, — объяснил я Чарли.

— Что с ним не так?

— Он не сказал.

Я обратился к ревуну:

— Сэр, да что с вами такое?

— Они ушли! — пуще прежнего расплакался незнакомец. — Все ушли!

— Кто? — поинтересовался Чарли.

— Без меня ушли-и! Я тоже хочу-у! С ними! Ну почему меня не взяли?!

Выронив лепешки и взяв лошадь под уздцы, он побрел прочь. Через каждые десять шагов он останавливался и, запрокинув голову, вновь принимался реветь. Мы же с братцем собрали вещи.

— Я так и не понял, что с ним, — признался Чарли.

— Сошел с ума от горя.

К тому времени как мы взобрались в седла, мужичок скрылся из виду. Причина его слез так и осталась для нас тайной.

Глава 4

Ехали молча, думая каждый о своем. У нас с Чарли есть негласный договор: не гнать лошадей сразу после еды. При нашей профессии трудностей в жизни и так хватает, поэтому маленькими радостями не брезгуем: какие-никакие, а приятность и утешение.

— В чем провинился этот Герман Варм? — спросил я.

— Взял что-то у Командора.

— И что же?

— Скоро узнаем. Главное — потом убить его.

Чарли ехал чуть впереди, я — сзади. У меня назрел один вопрос, и хотелось обсудить его с братцем. Давно хотелось, еще до прошлого задания.

— Странно. Ты не находишь, Чарли? Командор вселяет ужас в сердца людей, и все равно находятся глупцы, которые крадут у него.

— У Командора много денег. Деньги привлекают воров. Что тут странного?

— А как? Как воры у него крадут? Командор — тип осторожный, свое богатство бережет.

— И дела у него в каждом уголке страны. Нель-

зя быть в двух местах одновременно, не говоря уже о сотне. Вот так он и становится жертвой обстоятельств.

— Жертвой обстоятельств?!

— Что, нет? Для защиты своего состояния Командор просто вынужден прибегать к услугам таких людей, как мы.

— Жертва обстоятельств! Ну не смешно ли?

Я даже решил спеть балладу в честь бедняжечки Командора:

За вуалью цветов скрыты слезы его,
Дошла весть из града большого.

— Да будет тебе! Хватит!

Невеста ушла гулять далеко
в лучах заката златого.

— Тебе просто завидно, что меня назначили главным.

Он в чувствах ошибся и платит с лихвой,
приняв улыбку за милость.

— Вот только попробуй еще раз заговорить со мной об этом.

Ее окрутил молодец удалой,

пропала любовь, какая не снилась.

Чарли невольно улыбнулся.

— Что это за песня?

— Так, подслушал где-то.

— Грустная.

— Все лучшие песни грустные.

— Так говорила матушка.

Помолчав, я поправил Чарли:

— Грустные, от которых взаправду грустно.

— Ты весь в нее.

— Зато ты нет. Впрочем, и на отца ты не особо похож.

— Я весь в себя.

Этой невинной фразой Чарли дал понять, что разговор окончен. Он отъехал еще дальше вперед, и я посмотрел ему в спину. Братец знает, если ему смотрят в затылок. Вот он пришпорил Шустрика и поскакал быстрее, я — следом. Мы ехали как обычно, с привычной скоростью, не спеша, и все же казалось, будто я гонюсь за Чарли, боясь отстать.

Глава 5

Зимой, даже поздней, дни короткие. Вскоре мы остановились в сухой лощинке на привал. В штампованных приключенческих романах есть такие сцены: два грозных всадника после дневного перехода усаживаются перед костром и травят байки, поют сальные песенки о смерти и выпивке. На деле же, когда целый день мозолишь зад в седле, больше всего охота упасть и уснуть. Так я, собственно, и поступил: улегся спать, толком даже не поев.

Утром, когда я натягивал сапоги, что-то кольнуло меня в левый большой палец. Перевернув сапог, я постучал по пятке. Думал, выпадет лист крапивы. Но нет, из сапога на спину шлепнулся здоровенный мохнатый паук. В глазах у меня тут же помутилось, сердце принялось бешено колотиться. Пауков, змей и прочих ползучих тварей я жутко боюсь, и Чарли, помня об этом, пришел мне на помощь. Кончиком ножа он поддел и отшвырнул его в костер. Паука скукожило, и он задымился, что твой бумажный катышек. И поделом ему!

По спине пробежались мурашки, и я заметил:

— Силен был, скотина.

Меня охватил жар, пришлось лечь. Чарли обеспокоился, сказал, что цвет лица у меня нездоровый, и поскакал в ближайший город за доктором.

Доктор — было видно — ехать с Чарли не хотел. Или хотел, но не очень: всякий раз, когда братец отходил подальше, я, будто сквозь туман, слышал, как медик его проклинает. Мне вкололи какое-то лекарство или противоядие, от которого стало хорошо-хорошо, закружилась голова. Я словно выдул добрую порцию бренди: хотелось простить всех и все, выкурить целую гору самокруток. Потом я заснул мертвецким сном и продрых целые сутки.

Следующим утром, когда я проснулся, Чарли по-прежнему сидел у костра.

— Что тебе снилось? — улыбнувшись, спросил он. — Вот прямо сейчас?

— Меня будто поймать хотели.

— Ты орал: «Я в домике! Я в домике!»

— Не помню.

— «Я в домике!»

— Помоги встать.

С помощью Чарли я поднялся. Ноги будто подменили ходулями. Побродив немного по стоянке,

я умял полноценный завтрак: бекон, кофе, лепешки. Немного тошнило, но пища-таки осталась в желудке. Решив, что здоровье позволяет продолжить путь, я взобрался в седло, и мы с братцем проехали в спокойном темпе часов пять. Всю дорогу Чарли спрашивал, как мое самочувствие, и всякий раз приходилось выдумывать достойный ответ. На самом деле я понятия не имел, как себя чувствую. И если уж совсем по правде, то чувствовал я себя словно не в своем теле. То ли из-за яда, то ли из-за поспешного излечения.

Ночь прошла в лихорадке и спазмах, а наутро Чарли, едва взглянув мне в лицо и успев еще пожелать доброго дня, завопил благим матом. Я спросил, в чем дело, и он вместо ответа поднес оловянное блюдце на манер зеркала.

— Что не так? — спросил я.

— Ты на голову свою посмотри, дружище.

Привстав на каблуках, Чарли присвистнул.

Левая половина моего лица — от темечка до шеи — чудовищно разбухла. Ближе к плечу опухоль сужалась, левый глаз напоминал слегка приоткрытую щелку. Чарли же, успокоившись, принялся, по обыкновению, шутить: сказал, что я похож на помесь человека с собакой, и бросил мне палку. Беги, мол, за ней.

Ощупав изнутри рот языком, я понял, что источник опухоли — зубы и десны. Потрогав пальцем нижнюю челюсть, я взвыл от боли — та пронзила меня от макушки до пят и волной прокатилась обратно.

— У тебя в щеке, поди, галлон крови плещется, — предположил Чарли.

— Ты откуда врача привозил? Айда к нему, пусть режет.

Чарли покачал головой.

— Лучше к нему на прием не ходить. В прошлый раз мы не сошлись в цене. Моему визиту доктор обрадуется, спору нет, а вот лечить тебя снова не станет. Напоследок он сказал, что в нескольких милях к югу есть другое поселение. Туда нам и дорога. Если ты, конечно, осилишь.

— Выбирать не приходится.

— Как всегда в жизни, братец.

Даже по ровному, плотному склону поросшего деревьями холма мы спускались медленно.

Я ощущал непонятную радость, словно участвовал в каком-то аттракционе, ровно до тех пор, пока Жбан не оступился. Лязгнув челюстью, я взвизгнул от боли и тут же рассмеялся над самим собой. Чтобы зубы не так больно щелкали друг о друга, я подложил прослойку из табака. Рот сей

же миг наполнился густой коричневой слюной, сплюнуть которую не было сил. Поэтому я просто подался вперед, сливая через неплотно сжатые губы бурую жидкость прямо на шею Жбану.

Зарядил небольшой снегопад; хлопья приятно холодили лицо.

Чарли объехал меня кругом, жадно пялясь на опухоль.

— Даже из-за спины видать, — заметил он. — Скальп и тот вздулся, похож на волосатый шар.

Объехав стороной город, в котором Чарли нашел злополучного доктора, мы через несколько миль увидели следующий — безымянную дыру протяженностью в четверть мили, где жила едва ли сотня человек. Однако с дантистом повезло: мы нашли его почти сразу. Сидя на крылечке своей лавки, доктор по фамилии Уоттс мирно попыхивал трубкой.

Завидев нас, он улыбнулся.

— Ну и работенка у меня! Радуюсь, когда болезнь вот так вот уродует человека.

Он пригласил меня в небольшую и обставленную со знанием дела комнатку. Усадил в мягкое кожаное кресло, до того новое, что под моим весом оно заскрипело и ахнуло, выпуская воздух. Достав поднос, полный сверкающих инструмен-

тов, доктор принялся спрашивать, как я забочусь о зубах. Ни на один вопрос я не дал удовлетворительного ответа, хотя дантист не особенно этим опечалился. Казалось, ему просто за счастье спрашивать.

Выслушав мою догадку (якобы причина опухоли — укус паука или противоядие), Уоттс ответил, дескать, этому нет медицинского подтверждения.

— Человеческое тело настоящее чудо, — произнес он. — Разве можно анатомировать чудо? Может, вы правы, и опухоль от укуса или так называемого противоядия, а может, ни от того и ни от другого. Какая вообще разница, почему вам худо? Верно?

Я согласился, а Чарли напомнил:

— Я говорил Илаю, док, что у него в башке галлон крови плещется.

Расчехлив блестящий ланцет, Уоттс откинулся на спинку стула. Посмотрел на меня, как на бюст страшного урода, и заявил:

— Предлагаю выяснить, так ли это.

Глава 6

В жизни Реджинальд Уоттс пережил все возможные провалы и неудачи. Рассказывал о них он, однако, без горечи и сожаления. История собственных бесчисленных промахов и падений, казалось, забавляет его.

— Не далось мне честное дело, не далось и бесчестное. Не повезло в любви, не повезло и в дружбе. Что я только ни пробовал — всякий раз меня постигала неудача. Ну, вот вы, назовите наугад любое ремесло. Первое, что вспомнится.

— Земледелие, — сказал я.

— Однажды я обзавелся фермой, выращивал сахарную свеклу в сотне миль к северу отсюда. Денег не выручил, да и свекла не уродилась. Просто кошмар какой-то… Следующее ремесло? Называйте.

— Судоходство.

— Я купил долю в одном предприятии — грузоперевозки по реке Миссисипи. Выручка у них неприлично высокая… была, пока я не появился. Стоило пароходу отправиться во второй свой рейс с моими денежками на борту, как он пошел ко дну. Более того, меня посетила светлая

мысль — отказаться от страховки судна, дабы сэкономить на будущее хоть какую-то сумму. Название парохода, «Барвинок», показалось мне вульгарным, и я настоял на новом, «Пчеломатка». Нас постиг полнейший провал, разорение. Если не ошибаюсь, товарищи инвесторы меня едва не линчевали. Я спасся тем, что повесил на двери дома предсмертную записку и, как последний трус, бежал из города. Бросил хорошую женщину. Столько лет прошло, а я все о ней вспоминаю. — Помолчав немного, доктор покачал головой. — Что-нибудь еще назовете? Хотя нет, постойте. Устал я рассказывать о неудачах.

— Нет, это мы устали, — возразил Чарли. Он сидел в углу и читал газету.

— Похоже, здесь вы процветаете, док, — заметил я.

— Едва ли, — ответил дантист. — За последний месяц вы — мой третий клиент. Казалось бы, в этой части света люди сильно страдают зубными болезнями, но я, похоже, и на этом поприще потерплю неудачу. Еще месяца два такого «процветания», и банк прикроет мою лавочку. — Он поднес к моему лицу шприц, с длинной иглы которого капало. — Будет немного больно, сынок.

— Ай! — вскрикнул я.

— Гд е вы учились зуболечению? — спросил Чарли.

— В очень престижном месте, — ответил доктор и с хитрецой улыбнулся.

— Если не ошибаюсь, врачей готовят несколько лет, — припомнил я.

— Лет? — Уоттс рассмеялся.

— Сколько же тогда?

— Лично я просто изучил карту нервной системы и дождался, пока доставят купленные в кредит инструменты.

Я взглянул на братца — тот лишь пожал плечами и вернулся к чтению. Тогда я потрогал собственное распухшее лицо и… поразился, не ощутив касания.

— Ну не прелесть ли! — сказал Уоттс. — Я могу все зубы у вас изо рта повыдергать, а вы ничегошеньки не почувствуете.

Чарли глянул на меня по-над газетой.

— У тебя и правда башка онемела? — спросил он.

Я кивнул.

— Гд е вы раздобыли это зелье, док? — спросил братец у Уоттса.

— Об этом я скажу только коллегам, — ответил дантист.

— В нашей профессии оно бы тоже сгодилось. Продайте нам немного.

— Оно, знаете ли, на дороге не валяется.

— Заплатим прилично.

— Вынужден отказать.

Посмотрев на меня пустым взглядом, Чарли вновь уткнулся в газету.

Уоттс тем временем проткнул мне щеку в нескольких местах, и наружу потекли разноцветные гуморы. Кое-что в голове еще оставалось, но Уоттс успокоил: дескать, самая гнусь вышла и остатки опухоли пройдут сами по себе. Потом он выдернул два особенно скверных зуба, и я рассмеялся. Больно не было ну ни капельки! Поерзав на месте, Чарли встал и вышел — отправился в салун через улицу.

— А вы, однако, трусишка! — прокричал Уоттс ему вслед.

Доктор зашил мне щеку, напихал в рот ваты и после отвел к мраморной раковине. Там он явил, прямо сказать, настоящее чудо: деревянную щеточку с прямоугольной головкой, увенчанной грязно-белой щетиной.

— Зубная щетка, — провозгласил доктор. — Чистите ею зубы, и ваше дыхание всегда будет свежим. Вот, смотрите, как это делается.

Показав, как правильно использовать диковинный инструмент, Уоттс дыхнул мне в лицо. Запахло мятой. Он протянул мне точно такую же — только новую — щетку и мешочек душистого зубного порошка. Сказал: в подарок. Я воспротивился было, но Уоттс заверил, что производитель прислал ему целый ящик этого добра. Тогда я заплатил два доллара за удаление зубов, и Уоттс принес бутылку виски, чтобы отметить, как он сказал, взаимовыгодную сделку. В общем-то, доктор оказался мужиком приятным, и тем более стало жаль, когда вернулся Чарли и навел на него пушку.

— Я предлагал сделку, — произнес братец, красный от выпитого бренди.

— Интересно, в чем еще мне не повезет? — печально произнес Уоттс.

— Вот уж не знаю, — ответил Чарли. — Да мне, собственно, плевать. Эли, забери у него обезболивающее. А ты, Уоттс, найди веревку и быстро. Вздумаешь хитрить — продырявлю тебе мозг.

— Порой кажется, что одна дырка в голове у меня уже есть. — Обращаясь ко мне, Уоттс сказал: — Эта погоня за деньгами и удобствами совсем меня измотала. Берегите, милый мой, зубы, содержите рот в чистоте, и ваши слова станут звучать

еще слаще. Верите мне?

Чарли заткнул его, врезав по уху.

Глава 7

Мы ехали весь день и весь вечер, пока у меня не закружилась голова. Не желая на ходу свалиться с лошади, я предложил Чарли остановиться и разбить стоянку. Братец согласился, но с условием, что для сна мы подыщем укрытие — собирался дождь.

Чарли уловил в воздухе запах дыма, и вскоре мы наткнулись на однокомнатную хижину: из трубы вился белесый дымок, в единственном окошке плясало слабое пламя. На стук в дверь вышла старуха, завернутая в лоскутное одеяло и рванье. С подбородка у нее свисали длинные седые волосы, а во рту чернели кривые зубищи. Чарли, комкая в руках шляпу, голосом театрального трагика поведал о наших злоключениях. Старуха взглянула устрично-серыми глазами на меня, и в тот же миг я весь похолодел. Не говоря ни слова, женщина вернулась в хижину. Скрипнули по полу ножки стула.

— Что скажешь? — спросил у меня Чарли.

— Поехали отсюда.

— Она же оставила для нас дверь открытой.

— Не нравится мне эта старушенция.

Чарли поддел сапогом кусочек снега.

— Она хранит огонь в очаге. Чего тебе еще надо? Мы же не жить к ней приехали.

— И все равно, поехали отсюда.

В этот момент женщина прокричала:

— Дверь!

— С меня хватит пару часиков посидеть у огня, — сказал Чарли.

— Больной я, а не ты! Едем дальше.

— Нет, остаемся.

По дальней стене хижины поползла тень старухи. Показавшись в дверном проеме, женщина вновь прокричала:

— Дверь! Дверь! Дверь!

— Видал? — произнес Чарли. — Нас приглашают.

Да, приглашают на ужин, где главным блюдом станем мы. Впрочем, я настолько ослаб, что когда Чарли за руку потащил меня в хижину, я не сопротивлялся.

Внутри имелись стул, стол и грязный тюфяк. Мы уселись напротив каменной печи прямо на покореженные доски пола. Жар от огня приятно грел лицо и руки, и на какое-то время я даже порадовался смене обстановки. Старуха же сидела за столом, завернутая в тряпье, под которым не

было видно лицо. Перед ней на столе лежала горка тускло-красных и черных не то бисерин, не то камушков. Старуха ловко выхватывала из кучи по одной штучке и нанизывала ее на тонкую проволоку для бус или еще какого-то изысканного предмета украшений. Рядом стояла лампа, под колпаком трепетал слабый желто-оранжевый огонек. С его кончика срывался хвостик черного дыма.

— Мы вам очень обязаны, мэм, — произнес Чарли. — Мой брат болен и не может спать под открытым небом.

Старуха не ответила, и Чарли вслух подумал:

— Не глуха ли она?

— Нет, я не глуха, — ответила старуха и зубами перекусила проволоку.

— Я лишь высказал предположение, — поспешил оправдаться Чарли. — И вовсе не хотел никого оскорбить. Напротив, слух у вас отменный, острый! И, позвольте заметить, у вас чудесный дом.

Отложив недоделанное украшение, женщина обернулась к нам, но и на сей раз я не сумел разглядеть ее лица из-за пляшущих теней от тряпок.

— Думаете, я не поняла, что вы за люди? — Она

указала кривым пальцем на наши оружейные пояса. — Бесполезно, не притворяйтесь.

Чарли тут же переменился, точнее вновь стал собой.

— Ну хорошо, — сказал он. — Кто же мы, по-вашему?

— Убийцы, я права?

— Раз носим оружие, значит, убийцы?

— За вами следуют мертвые.

Волосы у меня на затылке зашевелились. Глупо, конечно, но я не осмелился обернуться. Чарли же продолжил как ни в чем не бывало:

— Боитесь, что и вас укокошим?

— Я ничего не боюсь, — ответила старуха. — И уж тем более не опасаюсь ваших пуль и слов. — Она посмотрела на меня. — Но ты боишься, что я тебя убью?

— Я очень устал, — невпопад ответил я.

— Ну так ложись, — велела женщина.

— А вы где устроитесь?

— Мне сегодня сна не видать — к утру надо закончить работу. После, меня здесь, по большей части, не станет.

Лицо Чарли сделалось каменным.

— Дом не ваш, верно?

Старуха напряглась и вроде даже перестала

дышать. Потом она откинула с головы тряпки, и в слабом свечении лампы я увидел ее лысый череп: лишь тут и там торчали редкие пучки жиденьких седых волос да темнели вмятины, как на боках переспелого плода.

— Каждое сердце звучит по-своему, — сказала она, обращаясь к Чарли. — Точно так неповторим и звон каждого колокола. Твое сердце, юноша, стучит угнетающе, мне больно слышать его биение. И больно заглядывать тебе в глаза.

Долгое время Чарли и ведьма молча смотрели друг на друга. Глядя попеременно на их лица, я не мог сказать: кто из двоих о чем думает? Наконец старуха укрыла череп тряпьем и вернулась к работе, а Чарли растянулся прямо на полу. Я, испугавшись ведьмы, устроился рядом с братцем, не на тюфяке. Безопаснее было держаться друг друга.

Страх страхом, а болезнь так ослабила меня, что я очень скоро заснул. Во сне я очутился в точной копии ведьминой хижины, правда, стоял и смотрел сверху вниз на себя спящего. Старуха поднялась из-за стола и приблизилась ко мне и Чарли. Я, спящий, заворочался и вспотел. Чарли же спал как убитый. Женщина тем временем наклонилась к моему братцу и руками раздвинула

его губы. Из складок ее одежд в рот Чарли потекла какая-то черная дрянь, и я — не спящий, а бодрствующий — закричал, чтобы ведьма перестала, ушла, не трогала моего братца. С криком же я и пробудился.

Чарли лежал рядом и смотрел на меня. Он так спал, с раскрытыми глазами, чего я вечно пугался. Старуха по-прежнему сидела за столом. Горка бусин перед ней заметно уменьшилась, значит, времени прошло прилично. Ведьма смотрела в темноту дальнего угла. Что там увидела? Она все смотрела и смотрела, не отворачивая головы, и я, плюнув, снова лег. Сон пришел почти моментально.

Глава 8

Проснувшись утром, я не застал рядом Чарли. Потом обернулся, заслышав шаги, и увидел братца. Он стоял у выхода и смотрел на пустырь перед хижиной. День выдался ясный. Лошади топтались на месте, привязанные к корням перевернутой коряги: Шустрик чего-то вынюхивал в подмерзшей траве, а Жбан дрожал и пялился в пустоту.

— Старуха ушла, — произнес Чарли.

— Скатертью дорога.

Поднявшись, я было направился к выходу (хотел справить малую нужду), но Чарли — какой-то осунувшийся, словно и не спал совсем — преградил мне путь.

— Уйти-то ушла, но и нам кой-чего оставила на память.

Братец указал на дверной проем, поперек которого висела нить бусин. Тут же вспомнились старухины слова: «После меня здесь по большей части не станет». По большей части… однако не полностью.

— Что скажешь? — спросил я у Чарли.

— Это уж точно не для красоты повешено.

— Она повесила, а мы снимем, — ответил я и потянулся к бусам.

Тут Чарли перехватил мою руку и сказал:

— Не трогай, Эли!

Мы отошли от двери, чтобы обдумать варианты действий. Лошади, заслышав наши голоса, обернулись и теперь смотрели в сторону дома.

— Под бусами не пройти, — сказал Чарли. — Остается выбить окно и вылезти на улицу.

Я похлопал себя по животу, который, надо сказать, всегда отличался изрядной полнотой, и заметил, что в маленькое отверстие мне не пролезть. Чарли ответил, дескать, попытка не пытка. Я же парировал: застрять в дырке и тужиться, влезая обратно в дом, — именно что пытка. И поэтому я даже пробовать не стану.

— Ну, — произнес Чарли, — тогда я вылезу один. Дождись меня: добуду инструменты и расширю для тебя проход.

Сказав так, он установил под окном колченогий стул и забрался на него. Выбил стекло рукояткой револьвера, подтянулся и вылез. Потом мы встретились у дверного проема: он снаружи, я внутри. Он улыбался, я нет.

— Ты смотри-ка, — пробормотал Чарли и принялся стряхивать с живота осколки стекла.

— Не нравится мне твой план, — признался я. — Ты сейчас поскачешь искать добрую душу, которая одолжила бы инструменты. Только зря по лесу промотаешься, а мне томиться в этой халупе… Что, если ведьма придет?

— Она пробовала навести на нас порчу, так зачем ей теперь возвращаться?

— Тебе легко говорить.

— Я себе верю. И потом, что прикажешь делать? Если есть другой план — делись, сейчас самое время.

Нет, иного плана предложить я не мог. Чарли отправился к лошадям, чтобы принести мне еды.

— Сковородку прихвати! — крикнул я вслед братцу.

— Какую водку скоро прихватит? — переспросил он.

— Ско-во-род-ку! — повторил я. — Чтобы жарить!

Я жестами изобразил, как жарю еду над огнем, и Чарли кивнул. Все необходимое он пропихнул мне через окно и, пожелав приятного аппетита, оседлал Шустрика и поехал в сторону леса. Глядя ему вслед, я вдруг ощутил себя жалким, ненужным. Вдруг Чарли не вернется за мной?

Собрав остатки бодрости, я решил хотя бы

временно обустроиться в хижине. Ни дров, ни хвороста на растопку ведьма не оставила, зато угли в очаге тлели достаточно жарко. Тогда я взялся за старухин стул: раскурочил его в несколько ударов о пол. Ножки, сиденье и спинку сложил в очаге в форме перевернутой буквы V, окропил маслом из светильника. Прошло совсем немного времени, и стул вспыхнул. Хорошо. Отрадно смотреть, как языки пламени лижут беззащитное дерево. Стул изготовили из добротного дуба, он даст много тепла. Маленькая победа, как любила говорить в таких случаях матушка.

Отойдя к двери, я выглянул наружу. На небе ни облачка. День стоял один из тех редких, когда небеса, окрасившись голубым и пурпуром, кажутся выше и глубже обычного. С крыши целыми ручейками стекала талая вода, и я выставил в окно руку с кружкой. Очень скоро кружка наполнилась, стала холодной. На поверхности воды плавали тонкие осколки прозрачного льда. Когда я пил, они покалывали и немного жгли губы. Было приятно смыть гнилостный привкус запекшейся крови. Отпив еще воды и погрев на языке, я стал перекатывать ее во рту. Хотел промыть рану и… Что это? Во рту у меня что-то бултыхалось! Наверное, кусочек надрезанной кожи. Подумав

так, я сплюнул. На пол шлепнулось нечто черное, продолговатое. Я присел, вгляделся и обмер: неужели док Уоттс сунул мне в рот пиявку?! Я подковырнул штуковину пальцем. Да нет же, это просто кусочек ваты. (Дантист приложил ее к десне.) Успокоившись, я отправил вату в очаг. Пузырясь и дымя, оставляя след из крови и слюны, она сползла по пламенеющей ножке стула.

Глядя на исходящее паром поле, я испытал прилив радости. Все же повезло пережить столько несчастий: меня укусил паук, потом разбухла башка, и чуть не прокляла ведьма… Набрав полные легкие прохладного воздуха, я крикнул в пустоту:

— Жбан! Я застрял в хижине подлой ведьмы-цыганки!

Конь поднял голову. Его челюсти двигались, пережевывая ломкую траву.

— Жбанчик! Ну помоги же в час нужды!

Потом я приготовил себе скромный завтрак: бекон с мамалыгой и кофе. Кусочек хряща забился в дырку на месте вырванных зубов, и пришлось попотеть, чтобы выковырять его оттуда. Из потревоженной ранки пошла кровь, и тут я вспомнил о подарке дантиста. Вытащил из кармана жилетки зубную щетку, порошок и аккуратно разложил

мудреное хозяйство на столе рядом с кружкой. Уоттс не говорил: ждать или не ждать, пока десна заживет. Можно ли чистить зубы с кровоточащей десной? Наверное, можно, если осторожно.

Смочив щетку в воде, я насыпал на щетинки порошка и приступил к делу.

— Вверх-вниз, вперед-назад, — припомнил я правила чистки, открытые мне доктором Уоттсом.

Роняя с губ пахнущую мятой пену, я поскреб и язык. Подошел к окну и, привстав на цыпочки, сплюнул алую от крови воду. Дыхание мое сделалось свежим, во рту чувствовались прохлада и приятное покалывание. Великолепно! Теперь каждый день буду чистить зубы щеткой и порошком!

Я стоял у двери и, постукивая щеткой по переносице, думал ни о чем или сразу о нескольких пустяках, как вдруг из лесу вышел медведь и побрел прямиком к Жбану.

Глава 9

Это был гризли, здоровенный и сильный. Скорее всего, только проснулся и вылез из берлоги. Завидев его и учуяв звериный запах, Жбан взбеленился, но как ни скакал он на месте, как ни брыкался, ему не удавалось освободиться. Уздечка прочно держала его привязанным к корню.

Я наскоро опустошил барабан револьвера в сторону гризли. Без толку. Стрелял в панике, и ни одна пуля не попала в цель. Медведь даже ухом не повел. К тому времени как я вынул второй револьвер, он подобрался к Жбану. Я выстрелил дважды и промахнулся. Медведь одним ударом в глаз повалил коня и занял такую позицию, что выстрелить и не попасть в Жбана я просто не мог. Что ж мне, стоять и смотреть, как хищник убивает несчастное животное? С диким воплем я ступил за проклятый порог и кинулся в самую гущу драки, чем на секунду смутил гризли. Медведь не мог сообразить: то ли ему дальше расправляться с Жбаном, который и так валялся без чувств, то ли заняться непонятным и жутко крикливым двуногим зверьком? Заминки хватило: две пули я всадил медведю в морду, две в

грудь, и он рухнул замертво.

Я не понял: жив мой конь или нет. Он вроде не дышал. Но стоило обернуться на зияющий дверной проем хижины, как у меня затряслись руки, чуть подогнулись ноги, и все тело охватила мелкая дрожь.

Глава 10

Я вернулся в хижину. Проклятая, не проклятая — какая теперь разница. Чарли о том, что я покидал ее пределы, говорить не стану. Внимательно прислушавшись к ощущениям в теле, я ничего подозрительного не заметил. Разве что продолжалась, понемногу стихая, мелкая дрожь во всех членах. Нервы, поди. Жбан так и не шевельнулся. Жив он там? Нет? Вот ему на нос сел поползень, и мой коняга вскочил и, шумно дыша, затряс головой.

Я прилег на влажный, комковатый и пахнущий сажей тюфяк. Расковыряв в нем дырку, я увидел траву и землю. Вот, значит, на чем ведьмы спят. Я улегся на полу у огня и проспал час, а когда проснулся, Чарли громко звал меня по имени. От души орудуя топором, братец рубил оконную раму.

Глава 11

Я выбрался наружу, и мы с Чарли присели у тела медведя.

— Я как заметил этого джентльмена, — произнес братец, — сразу тебя окликнул. Ты не ответил, и тогда я подошел к хижине. Смотрю, ты на полу лежишь. Паршивое, доложу тебе, чувство: хочешь войти, а не можешь.

Когда братец спросил, что же на самом деле произошло, я ответил:

— Да ничего особенного. Вышел из лесу медведь и саданул Жбана по голове. Конь свалился, а я хорошенько прицелился и завалил мишку.

— Со скольки выстрелов?

— Опустошил два барабана. Из одной пушки попал дважды и столько же из второй.

Чарли осмотрел тушу.

— Из двери стрелял? Из окна?

— К чему тебе знать подробности?

— Так, просто спрашиваю, — пожал плечами Чарли. — Ты у нас меткач, братец.

— Повезло, — отмахнулся я и, желая сменить тему, спросил, откуда у Чарли топор.

— Позаимствовал у старателей, что двигаются

на юг.

Заметив ободранную костяшку кулака, я спросил у братца, откуда ссадина.

— Ну, — ответил Чарли, — мужички долго сомневались: давать мне инструменты или нет. Как бы там ни было, топор им больше не пригодится.

Сказав это, Чарли вернулся в хижину через проделанное им отверстие. Я поначалу не понял зачем, но тут изнутри пошел дым. Из окна полетели моя сумка и сковорода, сразу следом за ними вылез сам Чарли. На его лице играла широченная улыбка.

Когда мы тронулись прочь от проклятой хижины, она уже вовсю полыхала, объятая ревущим пламенем. Горела и туша медведя — Чарли облил ее маслом из светильника и поджег. Зрелище вышло впечатляющее, хоть и грустное. Я только рад был поскорее двинуться в путь.

Странное дело: я ради нежеланного питомца переступил порог злополучного дома, тогда как Чарли не захотел сделать того же ради своей плоти и крови. Так и живем…

Глава 12

Глаз у Жбана покраснел, опух и остекленел. Сам же конь вел себя странно: правишь влево — идет вправо; то остановится сам по себе и глядит куда-то, а то и вовсе боком пойдет…

— Кажется, от удара Жбан головой повредился, — заметил я Чарли.

Братец ответил:

— Оглушило его. Погоди немного, пройдет.

В этот момент Жбан головой чуть не снес дерево и с диким ржанием помочился.

— Экий ты неженка, — упрекнул меня Чарли. — Почаще тыкай Жбана пятками в бока, и будет у тебя конь шелковый.

— Прошлый конь обходился без понуканий.

Чарли покачал головой.

— Не начинай снова, я тебя умоляю.

— Мой прошлый конь был умнее многих людей, которых я знаю.

Чарли снова покачал головой, давая понять, что больше он про коней говорить не желает. Тем временем мы достигли стоянки бывших старателей, точнее мертвых переселенцев, которые старателями так и не стали и уже никогда ими

не станут. Я насчитал пять тел. Все они лежали порознь, лицом вниз. Чарли, не забывая опустошать карманы и сумки покойников, рассказал, как все случилось.

— Вот этот жирный строил из себя крутого. Я-то хотел миром дело уладить, а он решил перед дружками выпендриться. Ну, я и выстрелил ему прямо в рот. Тут все и разбежались, поэтому и лежат далеко друг от друга. Я стрелял им в спины. — Чарли присел возле стройного тела. — Вот этому на вид не больше шестнадцати. Что ж, сам виноват, не надо было связываться с компанией горячих голов.

Я не ответил, и тогда Чарли взглянул на меня. Я, все также молча, пожал плечами.

— Ты чего это? — спросил братец. — Не забывай: в том и твоя вина.

— С какой стати? Я же говорил: едем дальше. Это тебе приспичило остановиться в доме старухи.

— Из-за твоей болячки, смею напомнить!

— Болячка-то из-за укуса паука!

— То есть во всем виноват паук?

— Это ты сказал.

Обращаясь к мертвецам, Чарли произнес:

— Добрые люди, в вашей безвременной кончине повинен паук. Жирный, мохнатый паучище,

что искал теплое местечко, — вот кто принес вам погибель.

На это я ответил:

— Братец, я лишь хочу сказать, что мне жаль. Жаль этих бедолаг. Вот и все.

Я мыском сапога перевернул одно тело. Из-под обмякших губ выпирали просто огромные резцы.

— Ты посмотри, какой красавчик, — съехидничал Чарли, пытаясь унять грызущую его совесть. Сплюнув, он бросил себе за спину комок земли. — Сидели бы дома, нечего в Калифорнию ездить. Удачу они, понимаешь, ищут.

— Старателей можно понять. Им не хватает приключений.

— Что ж, эти на свой зад приключений нашли. — Братец вновь запустил руку в карманы убитых. — Вот у этого брегет на цепочке. Красота. Ух, тяжелые часики. На, потрогай. Хочешь, бери себе.

— Оставь хозяину.

— Если ты возьмешь хоть что-нибудь, мне станет легче.

— А мне хуже. Либо себе эти часы забирай, либо хозяину оставь. Мне они ни к чему.

Коней Чарли тоже убил: туши животных лежа-

ли на дне оврага за лагерем. Все бы ничего, но два коня на вид показались мне славными, куда лучше Жбана. Я указал братцу на это обстоятельство, и он хмуро ответил:

— Да, кони хороши, а еще они заклейменные. Надо быть дураком, чтобы въехать в Калифорнию на коне мертвеца, которого там давно ждут.

— Никто этих людей не ждет. И ты не хуже меня знаешь: укрываться и прятаться лучше всего именно в Калифорнии.

— С меня довольно разговоров о твоем коне, Эли.

— Даже не надейся. Я еще не раз о нем вспомню.

— Тогда хватит о нем на сегодня! Пора поделить барыши.

— Ты всех убил, оставь себе.

— Я убил их, пытаясь вызволить тебя из проклятой хижины, — недовольным тоном напомнил Чарли.

И все же брать монеты я отказался.

— Подумаешь, какой брезгливый, — произнес братец. — Не хочешь — не бери, принуждать не стану. Все равно мне надо разжиться новой одеждой. Как думаешь, Жбан дотянет до ближайшего городка? Со скалы по пути не сиганет? Эй, ты чего

такой смурной? Подумаешь, повздорили! Что теперь, и над шутками смеяться не надо?

Я невольно и совсем слегка улыбнулся.

— Ну да, — продолжил Чарли. — Коль поссорился с братом, так все, конец, и смех долой. Разве это дело — после ссоры хохотать? Нет, конечно, и ты сам знаешь. Давай, припомни все обиды из детства. Ненавидь меня, воспылай гневом.

Наконец мы взобрались в седла. Стоило ткнуть Жбана пятками в бока, и он улегся на землю.

Глава 13

До ближайшего городка мы добрались к ночи. Думали, что фактория закрыта, но, подъехав ближе, заметили: дверь не заперта, а из трубы вьется дымок. Постучались и вошли.

Внутри было тепло и тихо. Стоял сильный запах новой одежды. На полках тесными стопками лежали рубашки, брюки, исподнее, шляпы… Чарли несколько раз топнул каблуком, и тут же из-за тяжелой занавеси черного бархата выбежал расторопный старичок в мешковатом исподнем. На приветствия он не ответил, только заметался вдоль прилавка, зажигая свечи от сосновой лучины. Наконец комнату залил теплый желтоватый свет, и старичок, опустив руки на прилавок, выжидающе уставился на нас, моргая и улыбаясь.

— Мне бы новую одежду справить, — сказал Чарли.

— Желаете сменить гардероб полностью? — спросил старичок.

— Перво-наперво хочу рубашку.

— Шляпа у вас тоже потрепанная.

— Так что у вас с рубашками? — спросил Чарли.

Прикинув на глаз его размеры, старичок быстренько достал прямо из-за спины приставную лестницу. Слазил наверх и спустился с небольшой стопкой рубашек. Выложил ее на прилавок перед Чарли и, пока мой братец рассматривал товар, хозяин спросил у меня:

— А вы, сэр, чего изволите?

— Сегодня я ничего не хочу.

— Но и на вас шляпа потрепана.

— Мне так нравится. Люблю свою шляпу.

— Судя по блеску, вы с ней давно не расстаетесь.

Потемнев лицом, я укорил старичка:

— Нехорошо делать людям подобные замечания.

Блестящими черными глазками старик напомнил мне крота или какое-то другое землеройное животное, шустрое и упертое.

— Я вовсе не хотел вас оскорбить! — поспешил он исправиться. — Всему виной рабочая привычка. Стоит увидеть человека в поношенном одеянии, как мне становится его жаль.

Пока старичок смотрел на меня большими невинными глазами, его руки, жившие, казалось, собственной жизнью, выложили на прилавок три новые шляпы.

— Вы что, не слышите? — спросил я. — Мне ничего не надо.

— Да вы только примерьте! — предложил он, доставая из-под прилавка зеркало. — Хоть займете себя чем-нибудь, пока ваш друг выбирает рубашку.

Шляпы он выставил черного, шоколадного и темно-синего оттенков. Я положил свою рядом с ними. Да-а, совсем износилась. Делать нечего. Я сказал, что так и быть, примерю одну.

— Полотенце! — резко выкрикнул старик.

Тем же путем, что и он, в комнату вошла беременная страшнулька, совсем юная. Она швырнула мне исходящее паром полотенце. Оно обжигало. Я принялся перебрасывать его из руки в руку, пока не остыло.

— Соблаговолите отереть руки и лоб, сэр, — произнес старик. — Нашу одежду много кто примеряет, и нельзя, чтобы вещи засалились.

И пока я вытирал указанные части тела, старик подошел к Чарли. Тот в это время застегивал на себе рубашку из черного хлопка на перламутровых защелкивающихся пуговицах.

— Как вам идет! — воскликнул продавец.

Оценивая, как сидит рубашка, Чарли, словно девица, повертелся перед высоким зеркалом.

Потом посмотрел на меня и, ткнув пальцем себе в грудь, вопросительно вскинул брови.

— Симпатичная, — сказал я.

— Беру, — заявил братец.

Старик же, водрузив мне на голову шляпу шоколадного цвета, спросил:

— А что скажете на это? Идет вашему другу?

Присмотревшись ко мне, Чарли попросил надеть на меня черную. Старичок ловко сменил шляпы, и Чарли, кивнув, вынес вердикт:

— Шляпы здесь отменные, братец. Бери, не думай. Ну и, — обратился он к владельцу фактории, — пока ты их не убрал, можно мне примерить синюю?

— Полотенце! — вновь криком позвал продавец.

В лавку вошла та же беременная дурнушка. Швырнула Чарли дымящееся полотенце и скрылась, не говоря ни слова.

Утирая лоб, Чарли улыбнулся и спросил:

— Твоя женщина, старче?

— Моя, — гордо ответил тот.

— И дитя у нее в брюхе твое?

Старик сердито нахмурился.

— Сомневаетесь в качестве моего семени?

— До твоего семени мне дела нет.

— Каков нахал!

Чарли примирительно поднял руки.

— Ну что ты, что ты! Я вовсе не хотел тебя обидеть. На самом деле я восхищен и желаю вам с женой жить долго и счастливо.

На том старик забыл обиду, а мы с лихвой искупили вину перед ним приобретениями: я взял шляпу и рубашку, а Чарли оделся с головы до ног. Старик отправился спать дальше, разбогатев на сорок долларов. Он был даже доволен, что мы разбудили его в глухую ночь.

Одетые с иголочки, мы поехали дальше.

— Чистое у него дельце, — заметил я братцу.

— Да уж, почище убийств, — согласился Чарли.

— Я и сам подумываю остепениться, осесть где-нибудь. Разве у того старичка не милая лавка? Всюду лампы, новой одеждой пахнет…

Чарли покачал головой.

— Я бы от скуки свихнулся. Сидишь, ничего не делаешь, а эта немая снует туда-сюда: забежит в лавку, убежит, забежит — убежит… На сотый выход я бы пристрелил ее. Или сам удавился бы.

— По-моему, мирное ремесло. Бьюсь об заклад, старик спит спокойно по ночам.

— Да и ты спишь, как младенец, — убежденно произнес Чарли.

— Нет, не сплю. И ты не спишь.

— Да я сплю как убитый!

— Ты хнычешь и стонешь.

— Брехня!

— Нет, правда, Чарли.

— Брехня… — повторил Чарли и шмыгнул носом.

Мои слова заставили его задуматься. Он захотел проверить: правду ли я говорю, но гордость не позволяла просить о помощи. Радость его куда-то улетучилась, и братец старательно отворачивался от меня. Вот так. Кого угодно можно обидеть и в любой момент. Не знаешь, когда тебя охватят грусть и печаль.

Глава 14

На ночь мы остановились в клоповнике на южной окраине города. Мест почти не было, и пришлось нам с Чарли против обычая заселиться в одну комнату. Сев перед умывальным тазом, я достал приспособления для чистки зубов. Чарли, который прежде не видел ни щетки, ни порошка, спросил, что это. Я ответил и показал, как им пользоваться. Сплюнул пену и, причмокнув, глубоко вдохнул через рот.

— Очень освежает.

Подумав, Чарли выдал:

— Чушь собачья. Забава для дурачков.

— Думай что хочешь. Только старый добрый доктор Уоттс обещал: если прилежно чистить зубы, в них не заведется гнили.

Чарли предпочел остаться при своем мнении и вдобавок заметил, дескать, с пеной у рта я точь-в-точь как бешеный зверь. На это я ответил: уж лучше каждый день ненадолго уподобляться бешеной зверюге, чем смердеть, как таковая, всю свою жизнь. На этом споры о чистоте зубов закончились. Братцу же разговор о докторе Уоттсе напомнил об украденном обезболивающем,

и Чарли извлек из седельной сумки пузырек и шприц. Сказал, что хочет испытать. Набрав лекарства в шприц, он вколол его себе в щеку. Чувствуя, что зелье начинает действовать, братец принялся щипать себя за щеки и корчить рожи.

— Будь я проклят, — сказал он и жестом велел ударить его по лицу.

Я отвесил ему легкую пощечину.

— Ни черта не чувствую, — сказал Чарли.

— У тебя морда обвисла, — заметил я.

— Ударь меня еще раз, только сильнее, — попросил он.

Я ударил.

— Здорово, — сказал Чарли. — Давай, врежь напоследок еще разок. Чтобы — ух! — от души. Понял?

Я наградил его шлепком с размаху, да таким, что у самого рука заболела.

— Ну, этот-то ты почувствовал, — заметил я. — Аж волосы дыбом встали, и, спорю, даже искры из глаз посыпались.

— Какие искры, братец! — изумленно проговорил Чарли. — Отдача от удара, не более. Надо подыскать применение этому средству.

— Отправляйся по городам, ищи невезучих и позволяй за деньги бить тебе морду.

— Я серьезно, братец. В этом пузырьке волшебное зелье, оно невозможное делает возможным. Надо лишь покумекать, и оно принесет нам выгоду.

— Погоди, вот перестанет твое чудо действовать — по-другому запоешь.

Губы у Чарли совсем обвисли.

— Ой, флюни, — сказал он и втянул обратно серебристую ниточку, повисшую с подбородка.

Пожав плечами и отложив в сторону пузырек со шприцем, Чарли огласил свое желание пойти в салун через улицу и выпить. Когда он позвал меня с собой, я прикинул: смотреть, как братец надирается до поросячьего визга, мне неохота, но и торчать одному в пустой комнате с ободранными обоями, терпеть сквозняк, пыль и запах предыдущих постояльцев еще хуже. Нет звука тоскливее, чем скрип кроватных пружин под бессонным путником.

Глава 15

Утром голова ныла от боли. Не из-за похмелья. Нет. Из-за усталости и недосыпания. Хотя и бренди, пожалуй, внес свою лепту. Я умылся над тазиком и, раскрыв окно, почистил зубы. Ветерок приятно холодил голову, и в то же время в нем ощущалось тепло — первый признак весны, внушающий спокойствие и чувство, что все идет правильно, по порядку. Я решил проверить, как день начинается для Чарли. Оказалось, еще хуже, чем для меня.

— Я и сам проснулся дурной, — сказал я. — Сейчас мне, правда, получше. Должно быть, зубной порошок лечит не одни только зубы.

— Скажи, пусть приготовят ванну, — прокаркал Чарли из-под горы пледов и простыней. — Хочу ядреный кипяток.

— Ванна стоит четвертак.

Про деньги я сказал, потому что видел вчера табличку с ценами в вестибюле. Дома у нас ванна стоит пять центов. Чарли про дороговизну и слышать не желал.

— Плевать! Пусть дерут хоть двадцать пять долларов, я приму ванну. Только ею и спасусь этим

утром, если вообще спасусь. Воду надо разогреть так, чтобы в ней и цыпленка можно было сварить. Да, кстати, сбегай для меня за лекарством в аптеку.

— Ты у нас главный, а так часто надираешься. Что Командор подумает?

— Хватит языком чесать, — умоляюще произнес Чарли. — Найди хозяйку. Запомни: ванна, кипяток ядреный!

— Схожу в аптеку и вернусь.

— Умоляю, быстрее!

Хозяйка сидела за стойкой в вестибюле и штопала наволочку. Вчера я почти не обратил на нее внимания, но сегодня отметил ее округлые плотные формы, молодое, симпатичное, хоть и бледное, личико. Волосы женщины липли к вспотевшему лбу. Рука, вооруженная длинной иглой, быстро ходила туда-сюда. Желая привлечь к себе внимание, я постучал по крышке стойки. Женщина раздраженно обернулась.

— Мой брат перепил бренди, и ему плохо. Нужна горячая ванна.

— Тридцать центов, — монотонно ответила женщина.

Я глянул на табличку: за ванну по-прежнему полагался четвертак. Не успел я озвучить сомне-

ния, как хозяйка пояснила:

— Это вчера ванна стоила четвертак. Сегодня тридцать центов. Скоро цена поднимется еще на пятерку.

— Ох и заработают рисовальщики ценников, — заметил я.

Поглощенная шитьем, женщина не ответила. Я добавил:

— Лучше мне поспешить, а то за ценами вашими не угонишься.

Женщина даже не улыбнулась. Ишь ты! Дабы позлить ее, занятую такую, я выложил на стойку двадцатидолларовую монету. Хозяйка долго смотрела на крупную деньгу, потом схватила и, сунув в карман засаленного фартука, выудила оттуда же сдачу. При этом она нисколечко не пыталась скрыть неприязнь ко мне. Тогда я счел за благо предупредить ее.

— Знаете, мэм, в отличие от меня мой братец не столь сдержан, а по утрам так и вовсе злой ходит. Он ждет горячую ванну, и лучше бы вам поторопиться. Поверьте на слово: мой братец в гневе страшен.

— Будет ему кипяток, — ответила женщина.

Сунув подушку под мышку, она отправилась на кухню, где исходили паром котлы. Когда хозяйка

проходила за бисерную занавесь, то пригнулась, и я заметил, что юбка у нее застряла промеж ягодиц. Изящным, машинальным движением женщина оправила юбку. Впрочем, как вы понимаете, было поздно. Я увиденным остался доволен и принялся насвистывать бодрую мелодийку.

Выйдя из гостиницы, отправился на поиски аптеки или врача. Однако не о лекарстве я думал. Мозги упорно возвращались к мыслям о женщинах и любви. Прежде я не заводил длительных связей, разве что на ночь, да и то со шлюхами. Правда, и с продажными девками я старался быть вежливым, общительным… чтобы, уходя от них, вновь почувствовать одиночество и горький привкус притворной дружбы. Уже год или около того я к шлюхам не наведываюсь — надоело разыгрывать близость. Не в моем положении думать о чувствах, однако всякий раз, проходя мимо стеклянных витрин лавок и глядя на свою тушу, я гадал: полюбит ли кто-нибудь и когда-нибудь вот такого?

Отыскав наконец аптеку, я прикупил пузырек морфина. Когда вернулся в отель, то встретил хозяйку. Та топала вниз по лестнице. Под мышкой она несла металлический кувшин, а бок у нее темнел от пролитой воды. Решив, что неплохо

бы нам с ней поприветствовать друг друга, я снял шляпу и худо-бедно изобразил на лице улыбку. И только тогда заметил, что женщина тяжело дышит и явно кипит негодованием. Я спросил: в чем дело. Хозяйка ответила (довольно громко), дескать, братец мой — варвар и, даже варясь в кипятке преисподней, он не отмоется. Тогда я поинтересовался, что он натворил, но женщина, не отвечая, прошла мимо. Внизу зашелестела бисерная занавеска, громыхнул о стену кувшин.

Я немного постоял на лестнице, вслушиваясь в наполняющие гостиницу звуки: шаги невидимых ног, скрип половиц и дверных петель, приглушенные голоса, смех и детский плач. В стене напротив я заметил свечу. Зажег ее и потушил спичку, ткнув ею в столбик воска. Глянул наверх и увидел, что дверь в нашу с Чарли комнату распахнута. Войдя, я удивился: Чарли лежал в ванне и в полный голос беседовал… со мной, хотя он знал, что меня нет в комнате. Говорить, сидя в ванне, мой братец приучился еще в детстве. Юркнув в комнату и подкравшись к уборной, я прислушался.

— Главный я и точка, понял? Ты? Ты даже с лошадью без посторонней помощи не управишься. И вообще ты дохляк. Дохляк, дохляк. Болезни

и беды прямо липнут к тебе. Не будь ты моим кровным родственником, я бы давно бросил тебя. Ага, Командор так мне и сказал: «Брось его». Но я ему в ответ: «Нет, ни за что». Командору моя преданность по душе. С ним я не пропаду, ведь он уверяет: «За преданность платят той же монетой». Да, так он и сказал. Командор в меня верит. Он не предаст меня, братец, не сумлевайся. Что, смешно? Да? Смейся, смейся, вечно ты так. Но прежде ответь на вопрос: в тебя кто-нибудь верит?

Он окунулся в воду и поскребся. В этот момент я постучал в дверь уборной. Вошел, неловко запинаясь, и зачем-то откашлялся.

— Чарли, я тебе лекарство принес.

Я храбрился, стараясь говорить как ни в чем не бывало, однако тон моего голоса все-таки выдал боль. Чарли в этот момент наполовину вылез из ванны: красный от пояса и ниже, словно в малиновых кальсонах, братец блевал в плевательницу. Его бока судорожно сжимались, как будто выдавливали из себя ядовитую желчь.

Задыхаясь, Чарли поднял палец и сказал:

— Погоди.

Он продолжил блевать, а я подвинул стул и присел подле ванны. Колени у меня дрожали, и

я тщетно желал забыть обращенные ко мне злые слова. Наконец, устав ждать, я поставил пузырек с морфином на стул и указал на дверь, дескать, меня ждет неотложное дело. Занятый хворью, Чарли и не заметил, как я ушел.

Глава 16

Пойти было некуда. Да я и не желал никого видеть — еще заметят мою удрученную мину. Поэтому я просто стоял в коридоре, переминаясь с ноги на ногу, глубоко дыша и пытаясь очистить разум от любой сознательной мысли. Свеча в мое отсутствие успела погаснуть. Должно быть, сквозняком задуло. Хотя нет, спичка пропала. Тогда я вновь зажег фитилек и воткнул спичку в воск.

Хотелось поговорить, неважно с кем. С хозяйкой? Может, тайно оставить записку? Но у меня при себе нет ни бумаги, ни чернил. Да и что я скажу? «Дорогая мисс, прошу, умойтесь и будьте любезны со мной. У меня есть деньги. Дать их вам? Все равно не знаю, что с ними делать»?

Просидев минут двадцать на ступеньках, я вернулся в комнату. Чарли в новой рубашке и без штанов сидел на кровати. Он держал в руке новый сапог и любовно гладил его. Морфина вылакал целую треть: уголки глаз обвисли, и сам братец выглядел довольным, как свинка в праздник.

— Как головка, Чарли?

— Болит, но из-за лекарства мне все равно. — За-

глянув внутрь сапога, он торжественным тоном произнес: — Экий талантище вложен!

Меня передернуло от омерзения.

— Видел бы ты себя со стороны, — сказал я.

Веки Чарли опустились и приподнялись, словно занавески на окнах. Пожав плечами, братец выдал:

— Иногда слабина… простительна.

— Когда думаешь сниматься с места?

Дальше Чарли говорил с закрытыми глазами.

— В таком виде я никуда не поеду. День-два ничего не решат. Эта бабенка сказала: завтра утром состоится дуэль. Посмотрим поединок и свалим.

— Как скажешь.

Приподняв веки самую малость, Чарли произнес:

— Какой-то ты странный. Разговариваешь иначе.

— Все по-прежнему.

— Ты подслушивал? Пока я сидел в ванне? — Я не ответил, и братец полностью раскрыл глаза. — Я вроде слышал, как ты скребешься под дверью. Такова цена за грех подслушивания.

Внезапно Чарли согнуло, и у него из горла на пол хлынула желтая струя. Когда Чарли вновь на меня посмотрел, с лица у него текло, а влажные

губы изогнулись в дьявольской усмешке.

— Чуть в сапог не наблевал! Представляешь, братец, если б я не промазал? Вот была бы печаль.

— Оставлю тебя.

— Что? Нет, ты останься. Мне же плохо! Ну прости, если обидел. Подумаешь, сболтнул лишнего! Я не нарочно.

— Лучше я побуду один. Допивай лекарство и ложись спать.

Я развернулся к двери, но Чарли, то ли не замечая моего ухода, то ли притворяясь, что не видит моей спины, продолжил:

— Должно быть, бренди был отравлен. — Он сблевал, не раскрывая рта. — Еще ни разу мне не было так хреново после пьянки.

— Я пил с тобой и не отравился.

— Так ты и выпил-то граммульку.

— С пьяной головы на трезвую не перекладывай.

— Значит, я пьяница, да?

— С меня на сегодня хватит. Пойду займусь швами на щеке. Увидимся позже, братец, и держись от салунов подальше.

— Уж не знаю, не знаю… Я ведь горький пьяница! Меня брат родной бросил!

Чарли задирал меня, подстрекая на драку и разжигая в себе гнев. Думал с его помощью унять чувство вины. Нет уж, черта с два. Я отправился вниз (заметив по пути, что свеча горит и спичку не тронули) и нашел хозяйку на месте. Сидя за стойкой, она читала письмо и улыбалась. Должно быть, вести пришли добрые: женщина поприветствовала меня если не тепло, то хотя бы не столь холодно, как прежде. Я попросил ножницы и зеркало, в ответ на что она предложила постричь меня за пятьдесят центов. Я отказался, объяснив, что инструменты нужны для более мрачных процедур. Женщина стала напрашиваться со мной в комнату: хотела посмотреть, как я буду удалять швы. Я ответил, что, мол, хотел бы побыть немного отдельно от братца.

— Понимаю вас, — ответила хозяйка.

Она спросила, где же я тогда собираюсь проводить операцию. Я признался, что пока не решил. Тогда она пригласила меня к себе.

— Что, дел больше нет? — поинтересовался я. — Еще утром вы едва нашли для меня минутку.

Зардевшись, женщина объяснила:

— Простите, если была резка с вами. На прошлой неделе помощница оставила меня, и я несколько ночей кряду не спала, думала, как бы

удержаться на плаву. Да еще случилась болезнь в нашей семье.

Постучав пальцем по письму, она кивнула на лист бумаги.

— Так все обернулось добром? — спросил я.

— Беда миновала, хоть и не полностью.

Сказав так, она впустила меня за стойку и провела сквозь бисерную занавеску в свой сокровенный мирок. Бисерины, касаясь лица, приятно щекотали кожу, и я прямо-таки затрепетал от счастья. Мне подумалось: это происходит взаправду, я живой, и я живу.

Глава 17

Будь у меня время, я бы вообразил ее комнату совсем иной, однако времени не было, и воображать я ничего не стал. Впрочем, отмечу, что в комнате у хозяйки я не увидел ни цветов, ни украшений, ни шелка, ни парфюмерии — ничего утонченного, что велит ставить и вешать в комнатах тонкая душа женщины. Ни томиков поэзии, ни предметов ухода за красотой, ни тщеславия, ни кружевных подушечек с вышивкой по мотивам ободряющих поговорок, тех, что велят крепить свой дух в час невзгод или спасают от монотонности серых будней бодрым словцом. Ничего подобного. Напротив, комната напоминала скорее некое убежище с низким потолком, без окон и, соответственно, дневного света. А так как лепилась комната к кухне и прачечной, то и пахло здесь жиром, водой и заплесневелыми мыльными хлопьями.

Заметив недоумение у меня на лице, хозяйка тут же смутилась и тихим голосом выразила мысль, дескать, комната не производит на меня благоприятного впечатления. Само собой я поспешил изо всех сил уверить ее, будто комната дарит

ощущение полной надежности и уединенности, ибо настолько она замкнута. Поблагодарив за вежливость, хозяйка тем не менее заметила, что хвалить ее скромное обиталище вовсе не обязательно. Она и сама понимала: комната бедная. Однако терпеть лишения осталось недолго. Приток старателей в последнее время усилился, и дело идет в гору.

— Еще полгода, и я переберусь в комнату поприличнее.

М-да, есть к чему стремиться.

— Полгода — срок изрядный, — заметил я.

— Я и меньшего ждала куда дольше.

— Хотелось бы как-то ускорить ваше продвижение.

— Впервые слышу подобное от незнакомца.

Сказав так и проводив меня к сосновому столику, женщина водрузила на него зеркало. С привычной смесью любопытства и жалости я изучил собственное выпуклое и раздутое лицо. Хозяйка тем временем принесла ножницы. Погрев их лезвия между ладоней, я слегка наклонил зеркало и приметился к крохотному узелку на черном шве. Надрезал его и стал вытягивать нить из щеки. Было совсем не больно. Я лишь ощутил легкое жжение (как бывает, когда тянешь нить

между сжатых ладоней). Похоже, со снятием швов я поторопился: выходившие нитки были покрыты кровью. По кусочкам, кидая обрывки на пол, я вынул их все. Пахли нитки просто ужасно, и я поспешил их сжечь.

Покончив с одним делом, я решил похвастаться хозяйке зубной щеткой. Стоило извлечь ее из кармана жилетки, как женщина пришла в восторг: оказалось, она и сама недавно взяла за привычку чистить зубы. Женщина быстренько сбегала за собственной щеткой, и мы приготовились почистить зубы вместе: встали над умывальным тазиком и с полными пены ртами улыбнулись друг другу. Потом возник неловкий момент: ни я, ни хозяйка не знали, о чем говорить дальше. Я присел на кровать, а она стала коситься на дверь, мол, пора и честь знать.

— Присядьте рядом, — сказал я. — Хочу поговорить с вами.

— Мне нужно работать.

— Я ваш клиент. Развлекайте меня, иначе напишу жалобное письмо в торговую палату.

— Ну, будь по-вашему, — ответила женщина. Улыбнулась и, подобрав юбки, присела рядом. — Так о чем же вы хотите поговорить?

— Да обо всем на свете. Как насчет того письма,

что вызвало у вас улыбку? Кто заболел у вас в семье?

— Мой брат Пит. Мул лягнул его в грудь, но мама пишет, что он быстро поправляется. Еще говорит, что на груди у него хорошо виден отпечаток копыта.

— Вашему брату повезло. Нелепо было бы погибнуть от копыта мула.

— Смерть есть смерть.

— Ошибаетесь. Смерть бывает разная. — Я стал перечислять по пальцам: — Смерть быстрая и медленная. Ранняя и поздняя. Храбрая и трусливая.

— Как бы там ни было, брат мой еще не до конца оправился. Я напишу письмо с приглашением: пусть приезжает и поработает со мной.

— Вы с ним близки? — спросил я.

— Мы двойняшки. Всегда чувствуем друг друга. Порой мне стоит лишь подумать о Пите, и он словно появляется в комнате. В ночь, когда его лягнули, я пробудилась, и на груди у меня алела метка. Поди, чудно́ звучит?

— Вы правы.

— Должно быть, я во сне сама себя ударила.

— Вот как…

— А тот мужчина, с которым вы делите комна-

ту… Вы с ним правда братья?

— Да, он мне брат.

— Ну ни капли на вас не похож. По-моему, он не дурной человек. Просто ленится быть добрым.

— Ни я, ни он добрыми быть никак не можем. Но братец мой лентяй еще тот, вы не ошиблись. В детстве он изводил мать тем, что не мылся.

— А какая она, ваша матушка?

— Она была очень умная и всегда печальная.

— Когда же она умерла?

— Она вовсе не умерла.

— Вы же сказали: она была умная и печальная.

— Сказал. Если по правде, то она просто не желает нас видеть. Мы с братцем сильно огорчили ее, избрав свою стезю. Матушка велела возвращаться домой, лишь когда мы подыщем иной путь зарабатывать на жизнь.

— И чем же вы занимаетесь?

— Мы Эли и Чарли Систерс.

— Вот это да, — выдохнула женщина. — Подумать только…

— Мой батюшка мертв. Его убили вполне заслуженно.

— Мне все ясно, — сказала женщина, вставая.

Я схватил ее за руку.

— Как ваше имя? У вас, поди, есть жених? Есть

или нет?

Женщина, бочком продвигаясь к двери, ответила, дескать, ей пора работать. Я же, встав и надвигаясь на нее, спросил: можно ли украсть поцелуй? На это женщина повторила, что ни минуты свободной нет, пора возвращаться к обязанностям. Мне не терпелось выведать, что она чувствует ко мне, если вообще что-то чувствует. На мой вопрос женщина ответила, что она еще не так хорошо меня знает, но ей нравятся мужчины стройные. Ну или хотя бы не столь грузные, как я. Говорила она это вовсе не со зла, однако замечание ранило. И когда хозяйка все-таки выскользнула из комнаты, я остался и долго смотрел в зеркало на себя, так неожиданно ворвавшегося в мир отношений между мужчиной и женщиной.

Глава 18

Весь день и весь вечер я старался не попадаться на глаза Чарли. После ужина вернулся в гостиницу и застал его спящим. На полу валялась пустая бутылочка из-под морфина. Утром мы позавтракали у себя в комнате. Точнее, завтракал Чарли. Я же решил поумерить аппетит, дабы скорее придать животу более или менее подобающий вид. Чарли выглядел вялым, но довольным, он желал помириться со мной. Ткнув в мою сторону столовым ножом, он сказал:

— А помнишь, как у тебя веснушки вылезли?

Мириться с братцем я не спешил и поэтому, покачав головой, задал встречный вопрос:

— Знаешь, из-за чего дуэль?

Чарли кивнул.

— Один из спорщиков адвокат. Он не боец. Имя его Уильямс. Он стреляется с одним наемным работником с ранчо. Слава у того дурная, а зовут его Стэмм. Говорят, он убьет Уильямса, не иначе.

— Так в чем суть их ссоры?

— Стэмм нанял Уильямса, дабы взыскать с одного ранчеро плату. Дело дошло до суда, и Уильямс продул. Как только судья огласил вердикт,

Стэмм вызвал своего адвоката на дуэль.

— Адвокат, значит, прежде не убивал?

— Джентльмены как будто все мастера пострелять, однако прежде я среди них мастеров-то и не встречал.

— Бой, выходит, не равный. Я бы не стал смотреть дуэль и поехал дальше.

— Как хочешь, братец. — Чарли достал из кармана часы. Те самые, что снял с убитого старателя. — Время-то всего девять утра. Поезжай вперед на Жбане, я догоню. Через час отправлюсь следом, сразу после поединка.

— Тогда я в путь.

К нам постучалась хозяйка — пришла забрать грязную посуду. Я пожелал ей доброго утра, и она вполне тепло ответила, а проходя мимо, даже коснулась моей спины. Чарли тоже ее поприветствовал, но на сей раз женщина притворилась, будто не слышит его. Она попеняла за нетронутый завтрак, и я, похлопав себя по животу, ответил, что намерен похудеть во имя любви.

— Вот, значит, как? — произнесла женщина.

— Это вы о чем? — поинтересовался Чарли.

Женщина переоделась: сменила грязную блузу на чистую, из красного льна и с глубоким вырезом, открывающим шею и часть плеч. Чарли

спросил, не пойдет ли она смотреть поединок, и хозяйка, ответив утвердительно, посоветовала:

— Вам бы поспешить. Улицы в нашем городе быстро заполняются. Оглянуться не успеете, как лучшие места будут заняты. Так просто вам их не уступят.

— Я, пожалуй, останусь и посмотрю поединок, — сказал я.

— Ишь ты, — удивился Чарли.

Втроем мы вышли на улицу и отправились к месту дуэли. Проталкиваясь через толпу, я с удовольствием заметил, что женщина держит меня за руку. До чего же приятно. Сразу начинаешь чувствовать себя этаким важным кавалером. Чарли замыкал шествие, насвистывая нарочито невинную мелодийку. Наконец мы нашли, где встать.

Женщина оказалась права: борьба за лучшие места развернулась нешуточная. Какой-то мужик толкнул мою спутницу — пришлось его припугнуть. Чарли громко провозгласил:

— Бойтесь, добрые горожане, Бешеного Джентльмена!

Наконец пришли дуэлянты. В этот момент кто-то ударил меня в спину. Я обернулся, готовый выразить недовольство и жалобу. Передо мной

стоял мужик с мальчиком лет семи-восьми на плечах. И вот этот малец пинал меня в спину.

— Буду признателен, если ваш сын перестанет бить меня ногами, — сказал я.

— Он разве пинал вас? — спросил мужик. — Врете вы все, я не припомню.

— Еще как пинал, — ответил я. — И если пнет снова, отвечать станете вы.

— Неужели вы серьезно? — произнес мужик, всем своим видом выказывая негодование, будто я вздумал чудить и несу околесицу.

Я хотел, глядя ему прямо в глаза, предупредить, какую опасность сулит подобное обращение с незнакомцами, однако мужик даже не смотрел на меня. Он все заглядывал мне через плечо на место дуэли. Злой, я отвернулся. Моя спутница вцепилась мне в руку, стараясь успокоить. Куда ей! Я до того распалился, что не утерпел и вновь обернулся к мужику.

— Кстати, а что это вы мальцу такие страсти показываете?

— Я уже видел, как убивают, — заявил мальчик. — Видел, как индейцу вспороли брюхо. Кишки вылезли, как толстая красная змея. Еще я видел за городом мужика, повешенного на дереве. Язык у него распух и вылез изо рта, вот так.

Малец изобразил страшную рожу висельника.

— И все же, это неправильно, — сказал я, но мужик не ответил. Его сын продолжал корчить рожу.

Я отвернулся и стал смотреть, как дуэлянты занимают позиции. Различить их оказалось нетрудно. Работник, Стэмм, в коже и порядком ношенном хлопке, лицо имел обветренное и небритое. На поединок он вышел без секунданта и, свесив по бокам руки, взирал на толпу мертвым взглядом. Адвокат, Уильямс, носил пошитый на заказ серый костюм. Волосы его разделял срединный пробор, а усы были навощены и тщательно уложены. Позволив секунданту, одетому не менее щегольски, снять с себя пиджак, Уильямс на глазах у почтенной публики выполнил несколько приседаний. Затем достал воображаемый револьвер и, направив его в сторону Стэмма, «выстрелил». В толпе раздались смешки, однако адвокат оставался невозмутим. Стэмм же, как мне показалось, вышел на дуэль пьяным или же пьянствовал накануне.

— Вы за кого болеете? — спросил я у хозяйки.

— Стэмм — подонок. Про Уильямса я ничего не знаю, но и он с виду гад.

Подслушав нас, мужик с сыном на плечах за-

явил:

— Мистер Уильямс не гад. Он джентльмен.

— Так вы с ним приятели? — спросил я, оборачиваясь.

— Да, и я этим горжусь.

— Ну, надеюсь, вы успели с ним попрощаться. Минута, другая, и приятель ваш — труп.

Покачав головой, мужик произнес:

— Он не боится смерти.

Вот же глупость! Я не выдержал и рассмеялся.

— И что с того, что он не боится?

Мужик не стал отвечать, лишь отмахнулся. Малец же, напротив, смотрел на меня с должным страхом во взгляде.

— Твой папаша, — сказал я ему, — намерен показать тебе зло. Готовься, скоро увидишь.

Мужик ругнулся вполголоса и, проталкиваясь через толпу, пошел искать себе другое место.

Секундант Уильямса тем временем спросил у Стэмма:

— Сэр, где ваш свидетель?

— Не знаю, а на кой он мне? — ответил тот.

Уильямс и секундант пошептались, затем свидетель адвоката спросил у Стэмма: можно ли проверить его револьвер. Стэмм ответил: валяй, мол, и секундант Уильямса, осмотрев оружие,

кивнул в знак одобрения. После он спросил: не желает ли мистер Стэмм осмотреть револьвер мистера Уильямса. Стэмм ответил, дескать, нет, не желает. Дуэлянты сошлись лицом к лицу. Уильямс храбрился, но по глазам было видно, что к смерти он не готов. Адвокат зашептал на ухо свидетелю, и тот спросил у Стэмма:

— Мистер Уильямс все еще предлагает вам извиниться.

— Не дождешься.

— Что ж, пусть так.

Секундант Уильямса развернул дуэлянтов спинами друг к другу и, велев разойтись на двадцать шагов, начал отсчет. У адвоката лоб блестел от испарины, а револьвер в руке дрожал. Стэмм же, судя по выражению на лице, как будто вышел до ветру. На счет «двадцать» поединщики развернулись и выстрелили. Уильямс промазал, зато пуля Стэмма вошла ему в грудь точно по центру. Лицо адвоката тут же исказила нелепая гримаса: смесь удивления, боли и вроде бы даже обиды. Уильямс пошатнулся и выстрелил в толпу. Раздались крики. Пуля пробила голень молодой женщине, и бедняжка валялась на земле, корчась от боли и зажимая рану. Заметил адвокат сей позорный промах или нет, не знаю — обернувшись, я застал

его уже мертвым.

Стэмм, спрятав оружие в кобуру и вновь свободно свесив руки, отправился в сторону салуна. Свидетель Уильямса стоял над телом убитого и беспомощно озирался. Я же осмотрелся в поисках мужика с мальцом на плечах (думал выразить свое презрение), однако нигде их не заметил.

Глава 19

Извинившись, хозяйка отправилась по делам. Я, собрав вещи, хотел попрощаться, но нигде в гостинице ее не нашел и решил оставить прощальный подарок: спрятал пять долларов под одеялами. Она найдет их и, всякий раз вспоминая обо мне, будет думать о брачном ложе. Ну, или просто о ложе. Чарли, увидев такие дела, похвалил за благородность, однако усомнился, что подарок дойдет по назначению: мол, постели в гостинице грязные и будут собирать грязь дальше, поскольку хозяйка даже не думает их менять.

— И денежки твои достанутся следующему постояльцу.

— А вдруг она найдет монету? — предположил я.

— Не найдет. И вообще пять долларов жирновато будет. Оставь лучше… ну, доллар, прямо на стойке внизу. Дамочка выстирает наконец платьишко, и еще останется напиться до бесчувствия.

— Ты просто ревнуешь и завидуешь, потому что у тебя самого нет подруги.

— Эта старая кошелка — твоя подруга? Ну,

поздравляю. Жаль, не можем представить ее матушке. То-то бы она обрадовалась нежному цветочку.

— Я лучше помолчу, чем с дураком спорить.

— Да уж, да уж… Хозяйка твоя плюется и утирает нос рукавом. Даму ты себе нашел что надо.

— Я с тобой не разговариваю.

Сказав так, я подхватил сумки и покинул комнату, оставив Чарли собирать пожитки. Выйдя на улицу, я поприветствовал Жбана и спросил, как у него дела. Конь вроде как оправился, но вот с глазом, похоже, была беда. Жаль бедолагу… Выглядел он бодрым, и я потянулся погладить его по шее. Однако стоило коснуться морды Жбана, как тот отпрянул. Мне стало стыдно: вроде конь, а к ласке не приучен. Надо обращаться с ним понежнее. И как раз когда я обещал Жбану быть добрым хозяином, из гостиницы вышел Чарли. Смеясь надо мной, он заметил:

— Нет, вы только посмотрите. Любитель живности! Не ровен час, подбросит монету в кормушку хворой скотинке. С него станется, друзья мои.

Приблизившись, Чарли пощелкал пальцами с обеих сторон от морды Жбана — конь прянул ушами. Братец, довольный результатом проверки, пошел к Шустрику.

— Впредь до конца пути спать будем под открытым небом, — сказал он. — Хватит разнеживаться в гостиницах.

— Мне-то что?

— Я хочу сказать: если тебе вдруг опять поплохеет, дальше поеду один.

— Поплохеет? Занятно слышать это от человека, который своим пьянством уже дважды не давал продолжить путь.

— Ладно, ладно. Не повезло. С кем не бывает! Вели мы себя не лучшим образом, однако впредь беремся быть примерными. Все, согласен?

— Тогда не говори никому, как мне поплохело в дороге.

— По рукам, братец.

Оседлав Шустрика, он посмотрел вперед на дорогу мимо витрин лавок — вдаль. В этот момент раздался легкий стук. Я поднял взгляд и увидел в окне нашей комнаты хозяйку: она стучала в стекло оставленной мной монеткой. Поцеловав ее, женщина приложила к окну ладонь. Чарли посмотрел на меня холодно и невыразительно. Я в ответ скрестил руки на груди. Братец, пришпорив коня, поехал прочь, а я помахал женщине рукой. Она шепнула несколько слов — каких именно, я не разобрал. Видно, поблагодарила.

Я последовал за братцем, вспоминая на ходу, как звучал голос женщины в пустоте комнаты, где она трудилась, не разгибая спины. Пусть те пять долларов хоть ненамного и ненадолго, но сделают ее счастливее. Я твердо вознамерился сбросить двадцать пять фунтов жира и при случае написать хозяйке любовное письмо: пообещаю скрасить ее земную жизнь со всем старанием, на какое способен мужчина.

Глава 20

По пятам за нами шла снежная буря, последняя этой зимой. Однако мы успели за день и за вечер покрыть приличное расстояние и на ночь устроили стоянку в большой пещере. Потолок ее был прокопчен кострами тех, кто ночевал здесь прежде. Чарли приготовил ужин: бобы, свинину и лепешки. Правда, съел я только бобы, остальное тайком скормил Жбану. Спать лег голодным, а посреди ночи и вовсе проснулся и увидел у входа в пещеру коня без всадника. Фыркая, он переминался с ноги на ногу. Вороной и блестящий от пота, конь задрожал, и я поспешил накрыть его своим пледом.

— Что такое? — спросил Чарли, приподнимаясь на локте.

— К нам конь забрел.

— А ездок?

— Ездока нет.

— Придет — разбудишь, — сказал Чарли и снова улегся у костра.

В коне было семнадцать ладоней росту, сплошные мускулы; ни клейма, ни седла, ни подков, однако грива ухоженная. Конь не отпрянул, когда

я погладил его. Предложенную лепешку есть он не стал. Только надгрыз ее с краю. Видимо, сытый.

— Куда же ты скакал в такую ночь? — вслух подумал я и повел было конягу в глубь пещеры, где ютились Шустрик и Жбан. Он, однако, воспротивился и вернулся ко входу в пещеру. — Хочешь меня без одеяла оставить?

Я вернулся к костру и, подбросив хворосту, свернулся рядом калачиком. Впрочем, без пледа заснуть не смог и остаток ночи вспоминал проигранные споры, но так, что я всегда выходил из них победителем.

Утром же я решил оставить вороного коня себе. Передав Чарли кофе, я поделился с ним планами.

— Бери коня, — кивнул братец. — В Джексонвилле его и подкуешь. И Жбана там же продадим, авось да выручим деньжат, хотя… вряд ли. Его скорее сразу отправят на бойню. Деньги — какие ни дадут — бери себе, полностью, без остатка. Пришлось тебе со Жбаном помучиться. Вот свезло так свезло, новый конь сам тебя отыскал. Как назовешь его? Жбанов сын?

Я ответил:

— Жбан еще может послужить на ферме. Ка-

кой-нибудь пахарь его с радостью купит.

— Я бы не стал никого обнадеживать, — предупредил Чарли и, обращаясь к Жбану, произнес: — Тушеная конина или живописное пастбище да в компании грудастой фермерской дочки? — Братец обернулся ко мне и уверенно прошептал: — Тушеная конина.

Вороной конь спокойно позволил надеть на себя сбрую и седло. Жбан, когда я накидывал ему на шею петлю, опустил голову. Взглянуть ему в глаза мне не хватало смелости. Не успели мы проехать и двух миль, как нам на дороге попался мертвый индеец.

— А вот и предыдущий хозяин, — заметил Чарли и спешился.

Мы перевернули труп на спину. Индейца как будто свело страшной судорогой: рот перекошен, голова неестественно запрокинута, хребет сломан.

— Да разве индейский конь примет седло и сбрую? — произнес я.

— Значит, его угнали из табуна белых.

— Конь не заклеймен и не подкован.

— Загадка, что и говорить. — Чарли указал на труп индейца. — Может, его спросишь?

Ран у краснокожего не нашлось, и, глядя на его

крупное телосложение, мы с братцем решили, что в поездке у него в потрохах случился приступ. От неожиданной боли индеец упал и свернул себе шею.

— Седок брякнулся, а конь продолжал идти, — предположил Чарли. — И, скорее всего, направлялся краснокожий в пещеру, ту самую, где мы ночевали. Представь, что бы он с нами сотворил, застав на своей стоянке…

Вороной конь наклонился и, обнюхав индейца, потыкался в него мордой. Я шкурой чувствовал, как Жбан на меня смотрит. Ну все, хватит, пора в путь.

Вороной поначалу не хотел никуда идти, но вскоре, когда труп пропал из виду, он поскакал довольно резво, хотя и земля под ним была неровной, и в хвосте на привязи плелся Жбан.

Пошел проливной дождь, однако холод не ощущался. Напротив, я даже вспотел и, чувствуя жар и аромат конского пота, радовался. Каждый шаг вороного был четок и быстр, грациозен. Такие кони — прирожденные скакуны. Да, нехорошо так думать, но вот избавлюсь от Жбана, и будет мне облегчение.

Обернувшись, я посмотрел на изувеченного коня. Тот изо всех сил пытался выдержать темп.

Глаз у него слезился и совсем заплыл кровью. Голову Жбан держал кверху и немного вбок, словно плывя и стараясь не захлебнуться.

Глава 21

Когда мы приехали в Джексонвилль, мне захотелось проверить: исполнит ли братец обещание спать под открытым небом? Нет, не сдержит он слова. Это я понял, видя, как жадно он всматривается в горящие теплым светом окна первого же попавшегося нам по пути салуна. Мы завели лошадей в стойло, и я попросил местного конюха подковать вороного коня и заодно оценить Жбана. Он поднес фонарь к морде последнего, осмотрел больной глаз и сказал, что даст оценку завтра при дневном свете.

В центре городка мы с Чарли разошлись: он хотел выпить, а я поесть. Договорились встретиться в гостинице.

Дождь перестал, и на небе появилась крупная полная луна, вслед за ней и звезды. Я вошел в скромный ресторанчик и присел за столик у окна. Положив руки на стол, я полюбовался на них в свете луны: такие неподвижные и бледные, собственные пальцы казались чужими. Тут подошел паренек и, поставив на стол горящую свечу, нарушил картину.

Я изучил висящее на стене меню. Спать нака-

нуне я ложился голодным, позавтракал скудно, и теперь в кишках у меня крутило и урчало. В местном же меню блюда — все как на подбор — предлагались питательные, жирные. И когда подошел официант с карандашиком и нагнулся, готовый записать заказ, я спросил:

— Нет ли чего полегче?

— Вы не голодны, сэр? — спросил официант.

— Есть хочу, аж ноги подгибаются, но хотелось бы чего-то не столь нажористого, как пиво, говядина или картофель с маслом.

Официант постучал карандашиком по блокноту.

— То есть вы хотите есть, но не желаете наесться?

— Хочу заморить червячка.

— В чем же разница?

— Мне надо поесть, но только не тяжелую пищу. Понятно?

— Как по мне, — ответил официант, — смысл питания в том, чтобы наесться.

— Хотите сказать, у вас больше ничего нет? Только то, что в меню?

Извинившись, официант ушел и вскоре вернулся с поварихой, явно недовольной. Еще бы, у нее дел невпроворот, а тут я притащился и отвлекаю

барскими запросами.

— В чем беда, сэр? — поинтересовалась она, вытирая руки о рукава.

— Я не говорил, что у меня беда. Хочется легкого ужина, не из тех блюд, что находятся в вашем меню.

Глянув на официанта, повариха вновь посмотрела на меня.

— Вы не голодны?

— Если так, можем подать полпорции, — добавил официант.

— Сколько вам повторять? Я голоден. Умираю, как хочу есть. Просто поужинать мне надо легким блюдом. Чего здесь неясного?

— Когда я ем, — произнесла повариха, — то мне обязательно нужно наесться.

— А иначе зачем вообще есть?! — воскликнул официант.

— Наевшись, вы поглаживаете брюхо и приговариваете: «Обожра-атушки».

— Все так поступают.

— Так, — сказал я. — Принесите полпорции говядины, без картофеля, под вино. Овощи есть? Или зелень какая?

Я думал, повариха рассмеется мне в лицо, однако она сказала:

— В кладовой, кажись, была морковь.

— Значит, мне пучок морковки с говядиной. Морковь очистить и сварить. За беспокойство можете взять цену полного блюда. Вас это устраивает?

— Как пожелаете, сэр, — ответила повариха.

— Я пока принесу вино, — сказал официант.

Наконец принесли тарелку, на которой исходила паром кучка вялой морковки. Повариха оскоблила ее, оставив, впрочем, ботву. Вот же вредина! Я умял с полдюжины морковок, но еда словно растаяла, так и не попав в желудок. Мне вдруг отчаянно захотелось поскорее добраться до мяса. Оно покоилось на самом донышке, и все — до последнего кусочка — очень уж быстро закончилось. Я даже расстроился. Задув свечу, я вновь посмотрел на свои призрачные руки. Когда в пальцах начало покалывать, я вспомнил о цыганском проклятии. Когда оно начнет действовать и подействует ли вообще? Как именно погубит оно меня?

Пришел официант забрать посуду. Указав на остатки моркови, он простодушно спросил:

— Доедать будете?

— Нет, уносите.

— Еще вина?

— Да, бокал.
— Десерт подавать?
— Черт подери, нет!
Бедный официант поспешил прочь.

Глава 22

Утром я заглянул в комнату к Чарли и нисколько не удивился, застав его больным и совершенно не в настроении продолжать путь. Я хотел было его упрекнуть, что, впрочем, было вовсе не обязательно. Чарли и без меня знал, что скакать предстоит весь день, до упора, и заверил, что через час будет готов отправляться. Я не стал спрашивать его, какое такое волшебство он намерен сотворить, дабы излечиться быстро и полностью. Оставив братца страдать в одиночестве, я покинул наполненную перегаром комнату и отправился в давешний ресторан завтракать. Жутко хотелось есть. На месте официанта сегодня был паренек, сильно на него похожий. Должно быть, сын.

— Гд е твой отец? — решил я поинтересоваться.

Сложив у груди ладони, паренек ответил:

— На небесах.

Съев немного яиц и бобов, я, все такой же голодный, сидел и смотрел на жирную тарелку. Вылизать бы ее, да приличия не позволяют. Наконец пришел паренек и забрал посуду. Я же следил

за тарелкой, сопровождая ее взглядом через весь зал и до кухни, где она пропала из виду. Вернувшись, паренек спросил:

— Не желаете ли еще чего-нибудь, прежде чем расплатиться? Есть свежий пирог, испекли этим утром.

— Пирог? С чем? — спросил я, втайне надеясь: «Только бы не с вишней, только бы не…»

— С вишней, — ответил малый. — С пылу с жару. Имейте в виду: вишневый пирог у нас быстро расходится. Со всего города прибегают отведать.

Тут я, наверное, скорчил хворую мину, потому что паренек взволнованно произнес:

— Мистер, что с вами? Вам плохо?

На лбу у меня выступил пот, руки тряслись. Все мое естество желало вишневого пирога. Промокнув лоб салфеткой, я ответил пареньку, дескать, со мной все хорошо, просто я сильно устал.

— Так вам подать пирог или нет? — спросил он.

— Да нет же, нет!

Паренек положил на стол счет и вернулся в кухню. Я же, расплатившись и мыча себе под нос победную песенку, отправился пополнить наши с Чарли припасы. По дороге мне под ноги кинулся напыщенный петух, он будто вызывал

на бой. Я ткнул в него шляпой, и безмозглая птица, встопорщив перья, шумно понеслась прочь по лужам.

У владельца фактории я спросил: нет ли зубного порошка, поскольку мои собственные запасы почти истощились. Продавец указал на скромный ряд коробочек, в каждой из которых лежало по пригоршне порошка с разными вкусами: шалфей, сосновая хвоя, мята и фенхель. Он спросил, с каким ароматом я желаю купить порошок. Я ответил, что пользуюсь мятным и меня он очень даже устраивает. Продавец, однако, весь такой расфуфыренный, настоял, чтобы я опробовал порошки и с другими ароматами.

— Попробуйте на вкус саму жизнь, — добавил этот павлин.

Рожа у него была противная, самодовольная. Но мне стало любопытно, и я, прихватив коробочки с порошками, отправился к умывальнику в заднюю комнату. Нес я их аккуратно, не ровен час помнешь, и заставят купить, а внутри окажется порошок со вкусом, который мне даром не нужен. Испробовав порошки один за другим, я вернулся в главное помещение и ответил владельцу:

— Хвоя ничего так, оставляет во рту тонкий, свежий привкус. От шалфея жжет в горле, мне не

понравилось. Фенхель — дрянь полная. Так что беру мяту, как и собирался в начале.

— Хорошо, что сами во всем убедились, — заметил продавец очевидное.

На такую глупость и отвечать-то жалко, поэтому я смолчал.

Вдобавок к зубному порошку я прикупил: фунт муки, фунт кофе, полфунта сахару, два фунта бобов, два фунта бекона и два фунта сухофруктов. При виде такого изобилия в желудке дико заурчало. Я выпил большую кружку воды, и когда шел в конюшню, то прямо слышал, как на каждый шаг мое нутро отзывается громким всплеском.

Когда я вошел, конюх как раз закончил подковку вороного.

— Даю шесть долларов за скотину с провислой спиной, — сказал он. — С вас еще доллар за подковку. Так что даю пять долларов.

Я подошел к Жбану и, погладив его по морде, произнес:

— С добрым утречком.

Конь вроде как признал меня и посмотрел прямо, без страха или злобы. Стоявший у меня за спиной конюх сказал:

— Гла́за он, скорее всего, лишится и телегу-то вряд ли потянет… Даю четыре доллара.

— Я передумал. Этот конь не продается.

— Даю шесть долларов с учетом подковки.

— Нет. Говорю же: я передумал. Лучше купите вороного.

— Семь долларов. Больше за одноглазого не дам.

— А сколько дадите за вороного?

— Вороного я себе позволить не могу. Восемь долларов за одноглазого.

— Назовите свою цену за вороного.

— Двадцать пять долларов.

— Он стоит в два раза больше!

— Тридцать долларов с седлом.

— Не валяйте дурака. Отдам за сорок без седла.

— Даю тридцать пять.

— Тридцать пять без седла?

— Тридцать пять без седла. И минус доллар за подковку.

— Доллар за подковку лошади, которая вот-вот отойдет вам?

— Вы просили подковать вороного, извольте оплатить услугу.

— Вы бы так и так его подковали.

— Один доллар ничего не решает.

— Тридцать четыре.

Конюх побежал домой за деньгами. Вскоре

я услышал, как он спорит с некой женщиной. При этом он шипел, и слов я разобрать не мог. Хотя услышал одну фразу: «Заткнись! Он же круглый дурак!» В это время в конюшню явился Чарли. Зеленый, братец тщетно пытался скрыть нездоровый цвет лица. Вернулся конюх: принес деньги и бутылку виски, чтобы отметить сделку. Стоило предложить стаканчик Чарли, как мой братец хлопнулся на пол. Он был так занят своим недугом, что результат моих махинаций заметил, лишь когда мы отъехали от города миль на десять.

Глава 23

— Где вороной конь? Почему под тобой снова Жбан?

— Я передумал, вот и приберег его.

— Не понимаю тебя, братец.

— Жбан оставался предан мне.

— И все равно не понимаю. Таких, как тот вороной, один на миллион!

На это я ответил:

— Всего несколько дней назад ты не разрешил продать Жбана. И мою сторону ты занял, только когда ему появилась подходящая замена и при том бесплатная.

— Нельзя все время помнить старые споры. В разных случаях и думать надо по-разному. Сама судьба привела к тебе вороного! А что бывает с теми, кто отвергает знаки судьбы?

— Судьба здесь вовсе ни при чем. Тот индеец умер от обжорства, вот и весь секрет. Просто от Жбана ты согласился избавиться, когда не пришлось тратить денег.

— Мало того, что я пьяница, так теперь еще и скупердяй?

— Ну, и кто из нас помнит старые споры?

— Пьяный скупердяй, вот какая жалкая доля мне уготована.

— Ты прешь против здравого смысла.

Чарли пошатнулся, будто подстреленный.

— Пьяный скупердяй без крохи разума! Как больно жалят твои слова! — Он тихонько рассмеялся и в следующий же миг стал серьезен. — Сколько мы заработали на продаже вороного?

— Мы? — переспросил я и хохотнул.

Мы пришпорили коней. Недуг отказывался покидать Чарли, и дважды братец блевал желчью прямо на скаку. Что может быть ужаснее, чем ехать верхом, страдая от перепоя? Надо признать, Чарли стойко принимал наказание, однако продержаться он мог от силы еще пару часов. Братец вроде бы даже хотел остановиться, когда вдали у подножия перевала мы заметили стоянку. Сделавшись очень серьезным, Чарли устремился в сторону поставленных кругом повозок, но в уме он уже считал мгновения, когда можно будет спешиться и дать отдых измученным кишкам.

Мы объехали кругом кольцо из трех повозок и не заметили никаких признаков жизни. Разве что в центре горел костер. Чарли выкрикнул приветствие — никто не ответил. Тогда братец спешился. Он собирался уже полезть через сцеп-

ку двух соседних повозок, но тут из-под навеса одной из них, подобно гадюке, показался ствол увесистой винтовки. Чарли, скосив глаза к носу, уставился на дуло.

— Понял, — произнес он.

Целясь ему в лоб, из укрытия вылез мальчишка лет пятнадцати, если не меньше: чумазый, у рта и под носом синяки, с губ не сходит усмешка. Винтовку чертенок держал уверенно, должно быть, привык с ней обращаться. В глазах застыли злоба и недоверие. Словом, нарвались мы на самого злого паренька во всем мире, и нужно срочно заговорить ему зубы, иначе он сделает дырку в голове моего братца.

— Мы не желаем тебе зла, — первым произнес я.

— Тут до вас уже приходили, то же самое сказали, — ответил парнишка. — Потом врезали мне и забрали картофельную запеканку.

— Не нужна нам твоя запеканка, — заверил чертенка Чарли.

— Вот и славно. У меня ее больше нет.

Мальчишка, видно, давно не ел и ослаб. Я сказал:

— Если ты голоден, мы с радостью поделимся беконом. Я только утром купил в городе недалеко

отсюда. А еще муку. Хочешь, парень, угостим беконом и лепешками?

— Врешь! — ответил он. — Поблизости городов нет. Мой папка неделю как уехал жратву искать.

Чарли посмотрел на меня.

— Не тот ли это мужик, что встретился нам на тропе вчера? Помнишь, он еще спешил, хотел сыночка накормить?

— Точно, и ехал он аккурат в эту сторону.

— Он скакал верхом на сивом мерине? — спросил паренек, сама беспомощность и отчаяние.

Чарли кивнул.

— Да, да, на сивке. Он говорил, какой ты славный малый, как он тобой гордится. Папашка твой от тревоги весь извелся, не мог дождаться встречи.

— Папка прям так и сказал? — с сомнением спросил паренек. — Правда-правда?

— Да, уж так он спешил к тебе, так спешил… Жаль, пришлось пристрелить его.

— Ч-чего?

Не успел парнишка опомниться, как Чарли выхватил у него винтовку и прикладом саданул ему по лбу. Парнишка отлетел в глубь повозки да так и остался там лежать.

— Идем, что ли, кофе сварим, — предложил Чар-

ли и, спрыгнув со сцепки, направился к костру.

Глава 24

Небольшая стычка придала Чарли сил. Он даже взялся готовить завтрак с невиданным для него воодушевлением — взбурлив, кровь в нем якобы выжгла недуг. Братец даже согласился приготовить еды и на паренька, но прежде мне предстояло убедиться, что малец жив. Ибо врезали ему по башке крепко, если не сказать насмерть. Заглянув под навес, я застал паренька живым: он очухался и сидел теперь, отвернувшись от входа.

— Мы там завтрак готовим, — сказал я. — Если не хочешь, можешь с нами не есть, однако братцу моему лишний рот накормить не жалко.

— Вы убили моего папку! — ответил паренек, глотая слезы. — Сволочи!

— Да это мы так сказали, чтобы тебя отвлечь и разоружить.

Мальчишка обернулся и посмотрел на меня. От удара кожа у него на лбу лопнула, и на переносицу стекала струйка крови.

— Правда? — спросил мальчик. — Богом клянетесь?

— Для меня это пустое, поэтому нет, Богом не

клянусь. Могу, однако, поклясться своим конем. Что скажешь?

— Так вы не встречали мужика на сивом мерине?

— Нет, не встречали.

Собравшись с силами, паренек полез ко мне через лавки. Я помог ему спуститься на землю и за руку отвел к костру, поскольку ноги у мальца подгибались от слабости.

— Вы посмотрите, кто сбежал от одинокой смерти! — жизнерадостно воскликнул Чарли.

— Верните винтовку, — потребовал малец.

— Мужайся, парень, тебе грозит отказ.

— Отдадим винтовку, когда поедем прочь, — пообещал я и передал пареньку тарелку, полную бекона, бобов и лепешек. Еду он принял, однако есть не стал. Только таращился на нее с таким видом, будто угощение вызывало в нем жуткую скорбь.

— Что не так? — спросил я.

— Надоело, — произнес паренек. — Меня постоянно лупят по голове.

— Скажи спасибо, что я не снес ее пулей, — сказал Чарли.

— Больше мы тебя не ударим, — вставил я. — Ты, главное, не хитри. А пока ешь, не то остынет.

Паренек смел еду с тарелки и, немного погодя, ее выблевал. С голоду его желудок отвык принимать твердую пищу, и теперь малец сидел и смотрел на полупереваренный завтрак, размышляя, поди, не проглотить ли его обратно.

— Слышь, парень, — предупредил его Чарли. — Только тронь свою рвоту, и я застрелю тебя.

Тогда я отдал мальчишке бóльшую часть своей порции, велев есть медленно, а после прилечь на спину и дышать глубоко. Выполнив указания, паренек откинулся на спину и пролежал спокойно минут пятнадцать. Его не вырвало, но желудок продолжал возмущаться.

— А как же вы? — садясь, спросил меня парень. — Голодным останетесь?

— Мой брат постится во имя любви, — ответил Чарли.

Вот уж не думал, что братец прознал о моем новом режиме питания. Покраснев, я не мог посмотреть ему в глаза, ответить на лукавый взгляд.

Мальчишка вопросительно взглянул на меня.

— У вас есть подруга?

Я не ответил, и он мне признался:

— Я себе тоже подругу завел. Ну, то есть она была моей подругой, когда мы с папкой уезжали

из Теннеси.

Чарли спросил его:

— Как вышло, что ты сидишь тут один, без еды и лошадей, на трех повозках?

— Нас было много, и мы ехали работать на берегах рек в Калифорнию. Я, мой папка, его два брата — Джимми и Том, друг Тома с женой. Она первой померла: ела, ела, а еда в ней не держалась. Папка говорил: нельзя было тащить ее с собой. Думаю, он правильно говорил. Мы ее похоронили, поехали дальше, и тут приятель Тома говорит, что не может ехать дальше. Берите, мол, все: и повозку, и инструменты, а ему, мол, надо домой и там поскорбеть. Мол, сердце его разбито. Только он отъехал на четверть мили, как дядюшка Том выстрелил ему в спину.

— Сразу после похорон жены? — спросил я.

— Нет, дня два прошло. Дядюшка Том не хотел убивать друга. Он сказал, что просто припугнуть хотел, для смеху выстрелил.

— Как-то не смешно получилось.

— Да он по жизни был недобрый. И умер он следующим. Подрался в салуне, и ему вспороли брюхо. Крови вылилось море. Она, как красный ковер, под ним растеклась. Сказать по совести, мы только обрадовались. С Томом нелегко было.

И он лупил меня по голове больше других. Просто так, без причины. Пройдет мимо — стукнет, пройдет мимо — стукнет.

— Что же твой батя не велел ему прекратить?

— Папка мой вообще разговаривал мало и редко. Взрослые таких, как он, зовут, ну, замкнутый.

— Что было дальше? — спросил Чарли.

— А, ну, значит, Том погиб, мы продали его лошадь. Хотели и повозку продать — не вышло. Никто не брал ее, такую задрипанную. Пришлось впрячь двух волов да в три повозки. И что, вы думаете, случилось? Волы подохли: от голода, от жажды, ну и хлестали их плетьми только так. И вот, значит, остались мы с папкой и дядя Джимми. Впрягли мы лошадей в повозки, тащимся. Деньги тают на глазах, еда тоже. Мы переглядываемся и думаем одновременно: проклятье!

— Дядя Джимми тоже подлый?

— Нет, он мне нравился… пока не сбежал с деньгами две недели тому назад. Не знаю, куда он поскакал: на север ли, на юг, на запад или восток. Мы с папкой застряли здесь. Думали, как быть дальше. Потом, говорю же, с неделю назад папка отправился искать еду. Скоро он вернется, вот увидите. Правда, ума не приложу, что его могло задержать… А вам спасибо, что накормили. Вчера

я почти подстрелил кролика, но их так трудно взять на мушку. Да и патронов у меня маловато.

— Гд е твоя мать? — спросил Чарли.

— Умерла.

— Прискорбно слышать.

— Ага, спасибо, но умерла она давненько.

— Расскажи про свою подругу, — попросил я.

— Ее зовут Анна, и волосы у нее цвета меда. Чище волос я в жизни не видел, и они такие длинные, что доходят ей до пояса. Я люблю ее.

— Твои чувства взаимны?

— Как это?

— Анна тебя тоже любит?

— Да вроде бы нет. Я пробовал целоваться с ней, обнимать, но она отбивалась. Последний раз даже обещала, что ее папка и братья побьют меня, если я снова к ней полезу. Вот погодите, она передумает, когда увидит мои карманы, полные денег. Золота в реках Калифорнии полным-полно: только заходи в воду и жди — самородки сами в лоток прыгают, что твои лягухи.

— Ты сам-то в это веришь? — спросил Чарли.

— Так в газете писали.

— Боюсь, тебя ждет жестокое разочарование.

— Мне бы поскорее до Калифорнии добраться. Устал сидеть здесь и ничего не делать.

— Недалеко осталось, — сказал я. — Калифорния как раз за тем перевалом.

— К нему-то и поехал папка.

Чарли расхохотался.

— Что смешного? — спросил паренек.

— Ничего. И папка твой поехал наловить пару фунтов скачущего золота. К ужину, поди, вернется и привезет готовых денег, вот увидишь.

— Вы моего папку не знаете.

— Серьезно?

Шмыгнув носом, паренек обернулся ко мне.

— Вы про свою подругу не рассказали. Какого цвета у нее волосы?

— Темно-каштановые, — ответил я.

— Скорее темно-навозные, — вставил Чарли.

— Зачем ты сказал это? — спросил я и посмотрел на братца.

Тот не ответил.

— Как зовут вашу подругу? — продолжал расспросы мальчик.

Я ответил:

— Это мне еще предстоит выяснить.

Паренек поковырял в земле палкой.

— Вы не знаете ее имени?

— Ее зовут Салли, — сказал вдруг Чарли. — И не тебе одному, парень, должно быть, интересно:

почему это я знаю ее имя, а мой братик нет.

— Объяснись, — потребовал я.

Чарли не ответил, и я, встав на ноги, посмотрел на братца сверху вниз.

— Объяснись, черт тебя задери!

— Я отвечу, но лишь затем, чтобы вернуть тебя на путь истинный.

— В каком смысле?

— Мне даром досталось то, за что ты заплатил пять долларов и до сих пор не возымел.

Я раскрыл рот, но не смог вымолвить ни слова. Вспомнил, как повстречал хозяйку на лестнице: она ходила наполнить кипятком ванну для Чарли и вышла из комнаты в расстройствах.

— Что ты с ней сделал? — спросил я.

— У меня и в мыслях ничего не было, она сама предложила: пятьдесят центов за ручную работу, доллар за услугу ртом. Добавив еще полдоллара, я взял бы то, что спрятано под юбкой. И я-таки предпочел залезть под юбку.

Кровь тяжело застучала у меня в голове. Рука сама собой потянулась к лепешке.

— Чем ты ее так опечалил?

— Если честно, я остался недоволен качеством услуг. Вот и размер оплаты, а вернее неоплаты, дурно сказался на ее настроении. Братишка, если

б я только знал, что´ эта дамочка для тебя значит, то и пальцем бы ее не тронул. Но ты вспомни: мне было дурно, я нуждался в утешении. Прости, Эли, однако в тот момент твоя прелестница вела себя уж больно доступно.

Съев лепешку в два укуса, я потянулся за добавкой.

— Гд е сало?

Парнишка протянул мне тарелку, и я обмакнул лепешку в свиной жир.

— Если я и позволил тебе пустить пять долларов по ветру, — произнес Чарли, — то смотреть, как ты моришь себя голодом зазря, для меня невыносимо.

Кровь у меня в жилах бурлила. Наконец, наконец я ем жирную пищу! Сердце же, напротив, как будто заглохло от новостей, что за натура у моей избранницы.

Жуя и будучи весь в тягостных раздумьях, я опустился на землю.

— Хочешь, пожарю еще бекона? — предложил Чарли.

— И бекона, и лепешек, и бобов — все давай.

Паренек тем временем достал из кармана губную гармошку и, постучав ею о ладонь, предложил:

— Сыграю вам застольную песню.

Часть вторая
Калифорния

Глава 25

Парнишка признался, что неподалеку в рощице он укрыл своего коня, и попросился с нами в Калифорнию. Чарли сразу ему отказал, но я, не видя причин соглашаться с братцем, велел парнишке собираться, дал ему пять минут. Он убежал и вскоре вернулся, ведя больное, чахлое животное: ни седла, ни сбруи, шерсть слезает клочьями, обнажая голую кожу и ребра под ней. В ответ на наши недоуменные взгляды парнишка произнес:

— Да, Счастливчик Пол выглядит не особенно хорошо, но те холмы он преодолеет не хуже паука, что лазит по стенам.

Чарли обратился ко мне:

— Сам ему скажешь или мне объяснить?

Я ответил, что сам, и подошел к парнишке. Я не знал, с чего начать, и потому изложил чисто практическую сторону дела:

— Гд е седло, парень?

— Есть плед и мои собственные подушечки.

Он похлопал себя по заду.

— Что, ни удил, ни узды?

— Дядя Джимми все забрал. Зачем, не знаю, но

Счастливчик Пол вывезет. Он дорогу знает.

— Мы тебя ждать не станем, — предупредил я.

Скармливая коню лепешку, паренек ответил:

— Вы пока не понимаете, но скоро сами увидите: мой конь сыт и полон сил, он проскачет сколько надо.

Говорил паренек с искренней убежденностью, и я даже поверил в скаковые качества Счастливчика Пола, однако на деле вышло иначе: полудохлый конь и его всадник отстали от нас еще в самом начале. Я обернулся посмотреть: парнишка тузил по голове и шее животное, которое нисколько не спешило взбираться в гору. Чарли от смеха чуть не упал с Шустрика. Положение и меня позабавило, но вскоре мы утратили к нему интерес, пришпорили коней и часа через четыре оказались на заснеженной вершине. Ослепший на один глаз, Жбан и то ни разу не споткнулся. Впервые я ощутил, что мы понимаем друг друга и что конь подо мной жаждет проявить свои лучшие качества. Однако не разыгралось ли мое воображение? Не выдаю ли я желаемое за действительное? Чего только в пути не придумается.

По ту сторону перевала дорога нас ждала куда приятнее. К закату мы пересекли снеговую грани-

цу и устроились на ночлег. Спали долго и снялись поздно, чтобы в умеренном темпе въехать на землю штата Калифорния. В сосновом лесу, где деревья росли густые и высокие, мы наткнулись на небольшой извилистый ручей. Вот оно. Перед собой мы видели причину, по которой разумные люди теряют голову и снимаются с насиженных мест, навсегда бросая дом и семью. Какое-то время мы с Чарли молча взирали на ручей, потом братец не выдержал и, спешившись, присел на бережку. Набрал пригоршню илистого песка и поковырял в ней пальцем.

В четверти мили к северу на том берегу я заприметил палатку. Из нее высунулась рожа, бородатая и чумазая. Я поднял руку в знак приветствия. Рожа исчезла.

— Ну вот, хоть одни живой старатель, — заметил я.

— Далеко же он забрался.

— Как знать. Навестим его, справимся, как дела идут?

Чарли высыпал песок обратно в воду.

— Пусто, братец. В этой реке ничего нет.

— Так, может, все же у него спросим?

— Времени жалко. Хочешь узнать, как дела у этого старателя, — езжай, спрашивай. А я пока до

ветру сбегаю.

Мы въехали в глубь леса, и я повел Жбана вверх по течению. Остановился напротив палатки — но ручья не пересек — и позвал. Бородача и след простыл: у входа в его жилище осталась пара сапог, в ямке горел костер; тут же лежало седло, однако лошади нигде не было видно. Я позвал снова, потом еще раз — ответа не пришло. Неужели бородач босиком убежал в лес? Не пожелал делиться радостью от добычи несметных сокровищ? Впрочем, стоянка убогая, так что вряд ли он намыл хоть сколько-то золота. Этот человек жаден, но недостаточно храбр, не посмеет сунуться в осиное гнездо под названием Калифорния. Не добыв богатства, не добыв вообще ничего, он постепенно оголодает, сбрендит и помрет. Я как наяву увидел нагое тело, распростертое на земле и расклеванное дроздами. Как-нибудь его найдут…

— … одним холодным утром, — вслух закончил я мысль.

Позади меня кто-то вскинул винтовку (раздался характерный лязг).

— Что одним холодным утром? — спросили из-за спины.

Я поднял руки, и невидимый старатель расхо-

хотался, довольный, что застал меня врасплох.

— Под рекой есть тоннель, — сказал он. — Что, не подумал о нем, да?

Он больно ткнул меня в бедро стволом винтовки, и я начал оборачиваться.

— На меня смотри, на меня, сволочь! Я тебе сейчас лицо прострелю! — прошипел он.

— Не стоит. Я не желаю вам зла.

Он снова ткнул в меня в ногу.

— Зато, может, я тебе желаю, а? Ты об этом не подумал?

Он рассмеялся высоким и тоскливым голосом. Должно быть, спятил или вот-вот спятит. Дьявол, а ведь Чарли был прав, что не пошел со мной на стоянку.

— Ты охотник, да? Пришел за рыжей медведихой?

— Не знаю ни о какой рыжей медведице.

— Она тут поблизости обитает, эта рыжая медведиха. Мейфилд назначил награду в сто долларов за ее шкуру. Вот охотники с ума и посходили. Я видал медведиху вчера утром милях в двух отсюда. Даже выстрелил в нее, но не попал, далеко было.

— Мне ваша медведица даром не нужна. И никакого Мейфилда я не знаю.

Бородатый снова ткнул меня в ногу.

— Разве вы не с ним приехали, сукин ты сын? Разве не он в песке ковырялся?

— Это мой брат Чарли. Мы вдвоем из Орегона, едем на юг. В этих краях впервые, никого не знаем.

— Мейфилд — местный заправила. Вечно шлет сюда людей, пока я в город за припасами езжу, и они тут роются. Точно не он с тобой приехал? Мне показалось, я узнал его тупую ухмылку.

— Это мой брат Чарли. Он отправился в лес по нужде. Мы едем на юг, будем сами ковыряться в речном песке.

Я услышал, как бородач обходит Жбана и возвращается на место.

— А где инструменты? — спросил он. — Голыми руками в песке копаться будете?

— Инструменты купим в Сакраменто.

— И сразу лишитесь кучи денег. Только дурак покупает инструменты в городе.

Я не ответил, и бородач вновь ткнул меня стволом в бедро.

— С тобой разговариваю! — напомнил он.

Я не ответил, и он опять ткнул меня.

— Хватит тыкать в меня стволом, — потребовал я.

Бородач ткнул.

— Не нравится, что ли?

Ткнул еще раз.

— Прекратите немедленно.

— Иди ты со своим «немедленно»! — ответил бородатый старатель, буравя мне винтовкой измученную ногу.

В этот момент где-то в лесу треснула ветка, и старатель обернулся посмотреть. Я же воспользовался моментом и выхватил винтовку у него из рук. Бородач метнулся к деревьям. Я прицелился ему в спину, спустил курок, и… винтовка не выстрелила. Она была не заряжена. Я потянулся за револьвером, и тут из-за дерева выступил Чарли. Он как ни в чем не бывало пальнул бородатому в голову, когда тот пробегал мимо. Пулей затылок снесло, как шляпу ветром.

Я спешился и, зверея от боли в ноге, похромал к извивающемуся в конвульсиях телу. Сквозь дыру в черепе был виден залитый пурпурной кровью мозг; в складках его пузырилась пена. Каблуком я наступил прямо в отверстие и раздавил, раскурочил то, что оставалось от черепа. Сделал из него кровавое месиво, в котором при всем желании не узнаешь голову человека. Месиво чавкнуло, когда я выдернул ногу и пошел куда глаза глядят,

чтобы избавиться от гнева. Чарли окликнул меня, но следом не пошел. Он знал: сейчас меня лучше оставить в покое.

Пройдя с полмили, я присел под раскидистой сосной и с силой прижал колени к груди. Я до того сильно стиснул зубы, что испугался — не сломать бы челюсть — и взял в рот кожаный чехол от ножа.

Встав на колени, я спустил штаны и осмотрел ногу. На покрасневшей, горящей коже насчиталось с полдюжины круглых отметин. Я вновь пришел в ярость. Проклятый старатель! Вот бы он воскрес — убил бы заново, только медленно. Я уже поднялся на ноги, думал: вот сейчас пойду, изувечу труп бородатого, разряжу барабан ему в пузо… Нет, нет, погоди. Штаны все еще были спущены, и я, немного успокоившись, взял родное хозяйство в кулак, стиснул. В юности несдержанность доставляла немало хлопот, и матушка посоветовала: всякий раз, когда меня обуревает ярость, сжимать в кулаке причинное место. Как ни странно, способ работал.

Совладав наконец с чувствами, я пошел обратно к реке. Внутри ощущались пустота и холод, ни капли гнева. Не понимаю, зачем стращать людей и тыкать в них оружием? Зачем вести себя, как

животное? В детстве батюшка частенько угрожал мне и Чарли, гнобил матушку. Не потому ли чужая грубость выводит меня из себя?

Я нашел тоннель, как назвал его бородач. Думал, это будет полноценный проход, с высоким потолком, деревянными опорами и фонарями на крюках. Ага, как же! Узкая дыра в земле, через которую можно лишь ползать, уж точно не ходить. Располагалась она под ручьем в самом узком месте потока и в длину имела всего несколько футов. Чарли помог спрятать труп старателя под землей, и я стал водить над «тоннелем» Жбана туда-сюда, туда-сюда, пока свод не обрушился.

При бородаче ценного мы почти ничего не нашли: карманный ножик, курительную трубку и письмо, которое мы похоронили вместе с телом и которое, впрочем, успели прочесть.

Дорогая матушка!

Дни здесь тянутся долго, и мне одиноко. Конь подох, а ведь он был мне приятелем. Частенько вспоминаю твою стряпню, думаю. Наверное, скоро вернусь домой. Успел намыть пыли на две сотни долларов. Не гора золота, но пока хватит. Как там моя сестрица? Не больно-то я по ней скучаю, просто хочу знать: она вышла за того жирного? Надеюсь, он увез ее далеко-далеко! Никак не отделаюсь от запаха дыма, он въелся мне в ноздри. И я так давно ни над чем не смеялся. Матушка, надеюсь, скоро приеду обратно.

С любовью,
твой родной сынок

Наверное, письмо лучше было бы отправить по назначению, однако вспомните: в гневе я плохо соображаю, разум застит черная пелена, и подобные мелочи на ум просто-напросто не приходят. Как подумаю о безголовом скелете под ручьем, так тоска берет. Я не жалею о гибели бородача, но давать волю гневу — не дело. Не то чтобы я боюсь утратить самообладание, просто смущаюсь последствий.

Избавившись от тела, мы с Чарли принялись

за поиски золота. Найти его оказалось не трудно: бородач зарыл клад ярдах в двадцати от стоянки, пометив его крестом из веточек. На двести долларов золотишко не тянуло, но кто я такой, чтобы оценивать, ведь мне не доводилось иметь дело с пылью и плотными хлопьями. Мы с Чарли разделили находку пополам, и я ссыпал свою долю в старый кисет, отыскавшийся на дне седельной сумки.

На ночь Чарли устроился в палатке. Я думал присоединиться к нему, но от запаха бородача и конины, разложенной на самодельной сушилке в дальнем конце палатки, меня заворотило. Сомнительным ароматам я предпочел ночь у костра под звездами. Было холодно, однако этот холод зимней стужей не назовешь. Он кусал плоть, не трогая мускулов и костей.

Наступил рассвет, и спустя полчаса Чарли вылез из палатки. Выглядел братец постаревшим лет эдак на десять и очень грязным. Он похлопал себя по груди, выбив доброе облачко пыли, и решил, что утренняя ванна не повредит. Набрав в один из старательских лотков воды, Чарли поставил его на огонь. Отыскал в ручье место поглубже, разделся и сиганул в поток, визжа от холода.

Прошлой ночью Чарли не пил — попросту нечего было — и поблизости не ошивалось никого, кто мог бы нарушить это его нечаянное проявление радости. Братец выглядел настолько довольным, что я, сидя на берегу и видя подобное невинное счастье, даже растрогался. Будучи моложе, Чарли смеялся и радовался куда чаще, а потом мы связались с Командором, и братец мой сделался угрюмым и настороженным. Тем более грустно было смотреть, как он голышом плещется в искрящемся ручье в окружении заснеженных горных пиков. Сейчас братец ненадолго вернулся в прошлое, но пройдет немного времени, и он наденет прежнюю личину.

Вот Чарли выбежал на берег и, не одеваясь, встал у огня. Глянув на свое скукоженное хозяйство, он пошутил, дескать, купание всякий раз возвращает его в детскую пору. Опрокинув на себя лоток горячей воды, братец выдал новую порцию радостных воплей.

После завтрака я улучил момент и, пользуясь добрым расположением духа Чарли, уговорил его попробовать почистить зубы.

— Да, вот так, — приговаривал я. — Вверх-вниз… Теперь хорошенько поскреби язык.

Вдохнув через рот и ощутив мятный привкус,

Чарли, немало впечатленный, вернул мне щетку.

— А хорошо-то как во рту стало!

— О чем и речь.

— Мне словно всю башку прочистили.

— Вот приедем в Сан-Франциско и купим тебе щетку.

— Да, так и поступим.

Мы уже хотели седлать коней, как вдруг из лесу на противоположном берегу выступил Счастливчик Пол. На спине его сидел давешний паренек. За прошедшее время ему успели еще раз наступать по голове: лицо покрывала свежая кровь. Паренек махнул мне рукой и тут же свалился на землю. Не замечая перемен, Счастливчик Пол приблизился к ручью и стал пить.

Глава 26

Мы окунули парнишку в воду, и он тут же очухался. Обрадовавшись нам, он сел и пораженно произнес:

— Я прежде ни разу не купался в потоке. — Он похлопал ладонью по поверхности ручья. — Господи! Да она же холодная!

— Что с тобой случилось? — спросил я.

— У кромки леса мне повстречались трапперы. Их было четверо, и все верхом. Искали рыжего медведя. Я сказал, что не видал его, и они врезали мне по башке дубиной. Я упал, и они захохотали, поехали дальше. Потом я кое-как собрался, сел на старину Пола, и он вывез меня сюда к вам.

— Конь просто шел к воде, вот и все дела, — возразил Чарли.

— Нет, — настаивал паренек, похлопывая и поглаживая коня по морде. — Он чуял мои мысли и знал, что мне нужно.

Чарли произнес:

— Ты прямо как мой брат и его конь Жбан. — Обернувшись ко мне, братец сказал: — Вам бы с этим пареньком сдружиться и создать совет какой-нибудь или союз.

— В какую сторону поехали трапперы? — спросил я у паренька.

— «Покровители убогих тварей», — предложил название Чарли.

Паренек ответил мне:

— Я слышал, как они собирались назад в какой-то Мейфилд. Это что, город? Наверное, и папка тоже туда поехал.

— Мейфилд здесь главный, заправила, — сказал я и поделился с Чарли тем, что сболтнул бородатый старатель. Услышав о награде в сто долларов, братец высказался, мол, предлагающий сотню за шкуру медведя — болван. Паренек, который тем временем смывал кровь с лица, заметил: сотни долларов ему для жизни хватило бы за глаза. Я же указал ему на палатку и предложил обогреться у огня, переждать здесь какое-то время.

— Я… — потупился паренек. — Я думал, что с вами поеду.

— Ну нет, — ответил Чарли. — В прошлый раз ты устроил знатную хохму, но с нас хватит.

— Погодите, холмы закончились. Теперь-то Счастливчик Пол покажет, на что способен.

— Достаточно, показал уже.

— Он по равнине как по маслу скользит.

— Нет, нет и еще раз нет.

Паренек посмотрел на меня жалостливым взглядом, и я повторил слова Чарли: ты, мол, теперь сам по себе. Мальчишка заплакал, и Чарли хотел ударить его, но я удержал руку братца. Страшно недовольный, тот пошел седлать Шустрика. Не знаю почему, но даже я, глядя на парнишку, вдруг испытал безотчетное желание огреть его по башке. Она, голова, прямо-таки взывала к насилию.

Мальчуган разревелся не на шутку, от души и с соплями: не успевал лопнуть пузырь у правой ноздри, как еще один надувался у левой. Тогда я объяснил, что не наша задача — печься о детях, потому как путь нам предстоит стремительный и очень опасный. Впустую. Парнишка не слушал да и не слышал меня, поглощенный собственным горем. Если он не перестанет, я точно врежу ему… Испугавшись собственного гнева, я за руку отвел мальчишку к палатке и вытащил кисет из сумки.

— Это золото. Тебе его хватит, чтобы вернуться домой к подруге. Только будь осторожен по дороге, чтобы башку не оторвали. В палатке есть сушеная конина. Поешь, отдохни. Накорми Счастливчика Пола. С рассветом поезжай назад по собственному следу.

Я отдал кисет парнишке, и тот замер, разглядывая мешочек у себя на ладони. Чарли, заметив краем глаза передачу золота, подошел к нам.

— Ты что творишь? — спросил он меня.

— Так это все мне? — уточнил паренек.

— Ты сбрендил? — не унимался братец.

Я же напутствовал парнишку:

— Возвращайся через перевал и следуй строго на север. В Джексонвилле отыщи шерифа. Расскажи, что с тобой приключилось. Если он покажется тебе человеком надежным, попроси его обменять золотую пыль на деньги.

— Ого-го! — воскликнул парнишка, взвесив кисет на ладони.

— А я против! — вклинился Чарли. — Ты деньги на ветер выбрасываешь.

Я ответил ему:

— Эти деньги мы нашли в земле. Нам нужды в них нет.

— Что, — спросил мальчишка, — вот так взяли и выкопали из земли? Золотую пыль? Ее же вроде еще чистить надо и все такое?

— Я же отдаю свою долю, не твою.

— О моей доли речь не идет! — заметил Чарли.

— Вот и не встревай.

— С чего это ты вообще на мое золото покуша-

ешься?

— Не покушаюсь, молчи. — Снова обернувшись к парнишке, я произнес: — Когда шериф обменяет твое золото на деньги, прикупи себе одежды. Такой, чтобы ты смотрелся в ней старше. Обязательно купи шляпу, самую большую, что найдешь в лавке. Тебе надо прикрыть голову. И лошадь новую раздобудь.

— А как же Счастливчик Пол? — спросил паренек.

— Продай. За любые деньги, какие предложат. Не найдешь покупателя — просто брось коня.

Паренек замотал головой.

— Никогда с ним не расстанусь.

— Придется, иначе домой не вернешься. Эта кляча тебя только задерживает. Оставишь ее себе, и деньги, и пища закончатся раньше, чем твое странствие. Я добра тебе желаю, понимаешь ты? Нет? Продолжишь упрямиться — отберу золото.

Паренек умолк. Подбросив хворосту в огонь, я велел мальцу раздеться и просушить вещи на огне до заката. Сбросив тряпки, мальчишка, однако, не развесил их над костром — оставил валяться в грязи и песке. Голый, нескладный, он смотрел на нас капризными слезливыми глазками. Он и в одежде-то выглядел нелепо, а голый

так и вовсе смахивал на козленка. Вот он опять разревелся, и я понял: пора уходить. Взобрался в седло и пожелал парнишке доброй дороги. Так, для очистки совести, ведь ясно же: он обречен. Не стоило давать ему золото, однако назад подарочек не возьмешь.

Паренек, глядя нам вслед, ревел, а Счастливчик Пол тем временем обрушил палатку. Ну вот, храни теперь в уме еще и этот образ скорбной доли.

Глава 27

Мы поскакали на юг. Ехали противоположными берегами ручья, по плотной песчаной тропе. Солнечные лучи, проходя сквозь кроны деревьев, грели нам лица. В прозрачном потоке здоровенные — под три фута — жирные форелины плыли вверх по течению или просто лениво бултыхались в воде.

Чарли окликнул меня и признался, что Калифорния его впечатляет. Мол, здешний воздух прямо-таки наполнен стихийной энергией. Так и сказал, да. Не прочувствовал сердцем, но понял умом смысл собственных слов: местная земля одаривает не просто живописными видами, но может при случае наградить и несметным сокровищем. Она кормит, благословляет. Должно быть, именно так следует понимать золотую лихорадку: люди стремятся за чувством богатства испытать удачу; целые толпы неудачников идут сюда в надежде украсть или позаимствовать удачу ближнего своего или найти ее на месте. Подумать только, какое сладкое слово — удача. По мне, так с ней нужно быть осторожным. Обманом ее не получишь, ее надо честно заслужить. Удача

дается смелым и сильным духом. Обманщикам и хитрецам суждено лишь облизываться.

Однако стоило нам остановиться, чтобы попить и напоить коней, как сама Калифорния вздумала доказать ошибочность подобных суждений. Из лесу вышла рыжая медведица и побрела через ручей в каких-то тридцати футах от нас. Я-то думал, шкура у нее окажется цвета охры, но нет, оттенок был ближе к яблочно-красному. Глянув на нас с любопытством, медведица пошла обратно в чащу. Чарли проверил заряд револьверов и собрался бежать за ней. Заметив, что я не двинулся с места, он спросил:

— Чего ты ждешь?

— Мы ведь даже не знаем, где живет этот Мейфилд.

— Знаем. Вниз по реке.

— Мы уже целый день едем вниз по течению. Вдруг он уже позади нас? Не хочу я, чтобы мой конь таскал по холмам и горам тушу медведя.

— Мейфилду нужна шкура.

— Да? А кто освежует медведицу?

— Все просто: один убьет, второй освежует.

Чарли оставил Шустрика.

— Точно не пойдешь со мной?

— Дался я тебе на охоте.

— Тогда готовь ножик, — посоветовал братец и кинулся в лес.

Какое-то время я ждал, глядя на форель в ручье, на поврежденный глаз Жбана и надеясь, вопреки всему, не услышать грохот выстрелов. Однако Чарли — заядлый охотник и меткий стрелок, и потому, услышав минут пять спустя выстрелы, я смирился и с ножом наизготовку пошел в чащу. Чарли сидел у туши поверженного зверя. Тяжело дыша и посмеиваясь, он попинывал медведицу в брюхо.

— Ты хоть представляешь, сколько это — сотня долларов? — спросил братец.

Я сказал, что не представляю, и он сам ответил:

— Это ж сразу целая сотня долларов!

Перевернув медведицу на спину, я погрузил нож ей в грудь. Мне всегда казалось, что внутренности животного нечисты, еще грязнее человеческих. Бред, конечно. Достаточно вспомнить, сколько всякой отравы мы пихаем в себя. Впрочем, мысль преследовала меня неотступно, и потому, свежуя медведицу, я чувствовал себя особенно гадко.

Чарли, отдышавшись, пошел искать дом заправилы Мейфилда. Сказал, что в паре миль

отсюда видел какие-то тропы, уводящие к западу от воды.

Три четверти часа спустя я мыл в ручье липкие от крови руки; очищенную шкуру я разложил на папоротнике. Туша лежала поблизости, на боку: глядя на покрытые мясом ребра, облепленные жирными мухами, которых с каждой минутой становилось все больше, нельзя было сказать, чей это остов, самца или самки. Да что там, под мухами я и мяса-то больше не видел. Дорвавшиеся до плоти, насекомые жужжали так громко и безумно, что я уже не мог думать. Я просто не слышал собственных мыслей! Зачем, а главное как, они издают подобные звуки? Неужели сами не глохнут?

Внезапно гудение стихло, и я оторвался от мытья рук. Поднял голову, ожидая приближения более крупного хищника. Нет, мухи никуда не делись. Вот они все еще сидят, облепив тушу медведицы; нагло и молча шевелят прозрачными крыльями. Что заставило их умолкнуть на время, я так и не понял. Мухи вновь загудели, но стоило моему братцу вернуться и засвистеть, что есть мочи, они сорвались. Покинули тушу единым черным роем. При виде освежеванного зверя Чарли радостно провозгласил:

— Ах, мясник! Божья рука и Божий клинок! Умница ты мой.

Глава 28

Еще ни разу я не видел столько шкур, голов и ястребиных чучел в одном месте, сколько было их собрано в роскошной гостиной у мистера Мейфилда. Жил он при единственной в городе гостинице, и называлась та, как ни странно, «У Мейфилда».

Сам местный заправила сидел за столом, укрытый облаком сигарного дыма. Не ведая, кто мы и чего ради приехали, он не встал пожать нам руки и не поприветствовал даже на словах. По бокам от Мейфилда стояло по паре трапперов. Судя по описанию мальчишки, те самые, что и огрели его по башке на границе леса. Трапперы смотрели на нас, видели, но внимания не обращали. Сразу видно: смелые и тупые. К тому же нацепили на себя столько мехов, кожи, ремней, ножей и револьверов, что не понятно, как они еще на ногах держатся? Их длинные волосы прядями свисали из-под необычных шляп: широкие мягкие поля и высокие остроконечные тульи. Разодеты как черт знает кто и в то же время подозрительно одинаково. Должно быть, один из трапперов первым примерил чудной наряд, а прочие по-

следовали примеру. Вот интересно, обрадовался новатор или разозлился? Потешили приятели его особенное чувство вкуса или напротив?

Столом Мейфилду служило цельное кольцо из ствола доброй сосны: футов пять в диаметре и дюймов четыре — пять в толщину. С него даже кору сдирать не стали. Я подошел, намереваясь пощупать внешнюю кромку, как вдруг Мейфилд произнес свои первые слова:

— Не трожь, сынок.

Я одернул руку, чувствуя себя уязвленным. Для Чарли же Мейфилд пояснил:

— Ходят тут всякие, ковыряют кору. Ух, бесит.

— И вовсе я не собирался ковырять ваш стол, только потрогать хотел, — возразил я и от того, как пристыжено прозвучал мой голос, ощутил еще большее неудобство. Определенно, страшнее предмета мебели, чем стол Мейфилда, я в жизни не видел.

Чарли вручил заправиле шкуру медведицы, и выражение на лице Мейфилда тут же переменилось: до сего момента он выглядел, будто у него несварение, теперь же он превратился в юнца, которому впервые дозволили помять голые сиськи.

— Ого, — выдохнул он и тут же вскричал: —

Ха-ха!

На столе перед Мейфилдом стояло три колокольчика, одинаковых во всем, кроме величины. Мейфилд позвонил в самый маленький, и на звук прибежала служанка, старая карга. Хозяин велел повесить шкуру на стену за столом. Служанка, исполняя приказ, махом развернула шкуру, и, поскольку я не выскоблил ее как следует, по комнате разлетелись капли крови и жира. Заляпанным оказалось и окно. Мейфилд поморщился и велел вычистить шкуру. Старуха вновь свернула ее и, не поднимая взгляда, унесла трофей.

Недовольные, что их оставили с носом, трапперы приготовились выместить на нас обиду, и тогда я представил нас с Чарли — назвал полные имена. Услышав их, трапперы тут же притихли. Теперь ненависть возрастет, напитанная тихой, сдержанной и затаенной злобой. Чарли же трапперы показались забавными. Не удержавшись, он сделал замечание:

— Да вы, похоже, пари заключили: кто скорее станет совсем круглым?

Мейфилд рассмеялся, а трапперы обменялись тяжелыми взглядами. Самый крупный из них заявил:

— Ты здесь чужой, правил не знаешь.

— А что, каждый, кто здесь осядет, должен наряжаться телком?

— Ты собираешься осесть в нашем городе?

— Пока я только еду мимо, но присмотреться к местечку намерен хорошенько. Так что не удивляйся, если повстречаешь меня снова.

— Я вообще ничему не удивляюсь.

— Совсем? — Чарли подмигнул мне.

Мейфилд отослал трапперов прочь. Когда снаружи стало смеркаться, он велел зажечь в комнате свет: позвонил в средний колокольчик, и на звук — совсем иного тона — прибежал китайчонок лет одиннадцати-двенадцати. С небывалой ловкостью и расторопностью он перебегал от свечи к свече, зажигая их по очереди.

— Работает так споро, будто от этого зависит его жизнь, — заметил Чарли.

— От этого зависит жизнь его семьи, — ответил Мейфилд. — Мальчонка копит деньги, чтобы привести всех сюда: мать, сестру и папашку. Отец — калека, если я правильно понял, хотя черт его знает. Я и половину не могу понять из того, что этот сволочонок лопочет. Посмотрим, может, он цели и добьется.

Когда мальчишка запалил все свечи и комнату залил их свет, он снял шелковую шапочку и по-

клонился Мейфилду. Хозяин хлопнул в ладоши и воскликнул:

— А теперь танцуй, китаеза!

Услышав команду, мальчишка задергался совсем уж не изящно и дико, словно босиком ступал по раскаленным углям. Смотреть на это было противно, и если я прежде не имел о Мейфилде строгого мнения, то теперь с ним твердо определился. Стоило хозяину хлопнуть в ладоши второй раз, и мальчишка рухнул на четвереньки, задыхаясь и без сил. Мейфилд бросил ему пригоршню монет; китайчонок, собрав их в шапочку, быстро и бесшумно выбежал из комнаты.

Вскоре вернулась старуха. Она принесла шкуру, очищенную и натянутую на раму, словно на барабан. Когда она втаскивала эту громоздкую конструкцию через порог комнаты, я было встал помочь ей, но Мейфилд — чересчур резковато, пожалуй — одернул меня и попросил сидеть.

— Она сама, — сказал хозяин.

Старуха отволокла раму в дальний угол, где мы все могли полюбоваться необычным оттенком медвежьей шкуры. Затем, утерев пот со лба и тяжело ступая, женщина покинула комнату.

— Ваша служанка слишком стара для таких дел, — заметил я.

Мейфилд, покачав головой, возразил:

— Нет, она ураган. Пробовал я отправить ее на работу полегче и попроще, но она и слушать меня не стала. Обожает, в общем, тяжелый ручной труд.

— Что-то я не заметил на ее лице радости. Должно быть, старуха держит ее глубоко в себе?

— Мой тебе совет: выкинь ты эту чушь из головы.

— Не то чтобы она мне докучала…

— Зато ты докучаешь мне.

Тут вмешался Чарли:

— Как насчет награды за шкуру?

Мейфилд посмотрел на меня, затем на Чарли и швырнул через стол пять двойных орлов. Схватив монеты, Чарли отдал мне две. Я принял их и решил: пора кутить, кутить как никогда безумно. Деньги… Что наша жизнь без них? Жажда богатства у нас в крови, в самой душе.

Мейфилд тем временем позвонил в третий, самый большой колокольчик, и в коридоре послышались торопливые шаги. Я уже было приготовился, что на нас накинутся трапперы, ан нет. В комнату вбежало семь размалеванных шлюх: все в платьях с оборками и кружевами, все пьяные. Они тут же принялись за работу, то

есть за нас, изображая любопытство, веселье, любвеобилие, похоть. Одна заговорила голосом маленькой девочки, видимо, так решив пробудить в нас желание.

Меня шлюхи быстро утомили, Чарли же, напротив, пребывал в наидобрейшем расположении духа. Его симпатия к Мейфилду росла на глазах. Внезапно в Мейфилде я увидел будущего Чарли, такого, каким братец станет, если проживет еще достаточно долго. И не соврал, не ошибся мертвый старатель: физиономии у Чарли и Мейфилда схожи, разве что Мейфилд старше, грузнее и алкоголя успел залить в себя вдвое больше. Как я мечтаю о мирной, размеренной жизни торговца, так Чарли желает бесконечного веселья и крови. Правда, не сам он станет лить эту кровь, он будет отправлять на убийство других, прячась за стеной вооруженных до зубов солдат, отсиживаясь в пропахшей духами комнате. И мясистые девицы станут подливать ему бренди в стакан и ползать по полу, визжа по-детски, задрав зад и пьяно трясясь от фальшивого смеха.

Мейфилд заметил, что я не предаюсь общему веселью как положено, с душой, и спросил, обиженный:

— Мои женщины тебя не устраивают?

— Нет, женщины — первый сорт.

— Тогда чего скис? Может, дело в бренди?

— И бренди у вас отменный, спасибо.

— Здесь накурено? Хочешь, я прикажу проветрить? Или тебе опахало?

— Не надо, все хорошо.

— Тогда в чем же дело? У тебя на родине принято недобро коситься на хозяина? — Мейфилд обратился к Чарли: — Честно признаться, я был в Орегоне, но как-то не интересовался его бытом.

— Что за дела привели вас в Орегон? — спросил Чарли.

— Сейчас уже не упомню. В юности меня часто посещали отчаянные мысли, и я гонялся то за одной мечтой, то за другой… В Орегоне, кстати, понес огромный убыток. Меня ограбили. Один хромец. Вы двое не хромаете, а?

— Вы сами видели, как мы вошли, — ответил Чарли.

— В тот момент я не обратил внимания. — Полушутливым тоном Мейфилд спросил: — Не соизволите ли встать и щелкнуть каблуками?

— Решительно возражаю, — ответил я.

— У нас обоих ноги крепкие и здоровые, — уверенно добавил Чарли.

— Но каблучками не щелкните? — спросил у

меня Мейфилд.

— Да я скорее подохну.

— Какой недружелюбный, — заметил Мейфилд моему братцу.

— Сегодня — он, завтра — я, — ответил Чарли.

— Ну, сегодня мне больше нравишься ты, — заключил Мейфилд.

— Так что забрал у вас тот хромой? — спросил Чарли.

— Мешочек золотой пыли на двадцать долларов и кольт-патерсон с перламутровой рукояткой, которому вообще цены не было. Салун, в котором меня ограбили, назывался «Царственный боров». Вы, парни, как, бывали в нем? В малых городках дела идут то на лад, то под гору. Не удивлюсь, если этого салуна больше нет.

— Он стоит, как и стоял.

— У того хромца был при себе ножик с загнутым лезвием, по типу серпа.

— А, так это ж Робинсон, — вспомнил Чарли.

Мейфилд резко выпрямился.

— Как? Ты его знаешь? Уверен?

Чарли кивнул.

— Вашего хромца зовут Джеймс Робинсон.

— Ты что творишь? — спросил я у Чарли, и тот, пока Мейфилд возился с пером и чернильни-

цей, записывая имя обидчика, ущипнул меня за бедро.

— Он так и живет в Орегоне? — затаив дыхание, спросил Мейфилд.

— Да, никуда он не делся. При нем все тот же кривой нож, а хромота давно прошла, временная хворь. Правда, сыскать Робинсона легко: все в том же салуне. Он сидит себе, пьет и откалывает шуточки, над которыми никто не смеется. Такие вот они глупые и неуместные.

— Частенько я его вспоминаю, — признался Мейфилд. Убрав перо в подставку, он сказал: — Я его тем же серпом и выпотрошу, а потом за собственные кишки подвешу.

Услышав обещание столь показательной расправы, я невольно закатил глаза. Кишки не выдержат и веса малого ребенка, не то что взрослого мужчины. Извинившись, Мейфилд пошел отлить, и мы с Чарли, улучив момент, пошептались.

— Какого хрена ты вот так запросто выдал Робинсона?

— Да он от тифа помер с полгода как.

— Помер? Ты уверен?

— Не сойти мне с места. В прошлый раз я навещал его вдову. Кстати, у нее искусственная

челюсть. Ты не знал? Представляешь, прихожу к ней, а она такая вынимает зубы и кладет в стакан с водой. Меня чуть на месте не вырвало.

Мимо прошла шлюха. Она пощекотала Чарли за подбородок, и он мечтательным тоном произнес:

— Что скажешь, останемся здесь на ночь?

— Я за то, чтобы ехать дальше. Утром ты опять проснешься весь больной, и мы потеряем день. К тому же от Мейфилда я, кроме беды, ничего не жду.

— Если кому беда и грозит, так только самому Мейфилду.

— Беда есть беда. Лучше едем дальше.

Чарли покачал головой.

— Прости, братец, сегодня я расчехлю свой маленький томагавк и выйду на тропу войны.

В этот момент Мейфилд вернулся из туалета. Застегивая на ходу ширинку, он произнес:

— Что за дела? Никак знаменитые братья Систерс шепчутся у меня за спиной? Никогда бы не подумал…

А шлюх, этих кошечек, при нас в комнате оставил.

Глава 29

После трех стаканов бренди Чарли побагровел. Нализавшись до поросячьего визга, он стал расспрашивать Мейфилда о делах, об успехах. Говорил братец в почтительном тоне, что ему совсем не идет. Мейфилд отвечал рассеянно, ничего конкретного не сказав, но я все же понял: мужику подфартило, и вот он изо всех сил тратит кровные денежки.

Устав от притворных шуточек, я быстро напился. Ко мне на колени то и дело подсаживались шлюхи. Они дразнили меня, а потом, когда мой член твердел, смеялись (надо мной ли, над членом?) и спешили уделить внимание либо Чарли, либо хозяину. Помню, как я поднялся, чтобы поправить в штанах свое налитое кровью хозяйство, и заметил: хозяйства Чарли и Мейфилда в равной степени налиты кровью… Представляете, сидят себе джентльмены за будничной беседой, а в штанах у них, ни много ни мало, стояк.

Постепенно бренди залил мне глаза, и все шлюхи стали на одно лицо. Смех, лопотание и запах парфюма слились, образуя пеструю смесь. Букет, одновременно соблазнительный и тош-

нотворный.

Мейфилд и Чарли увлеченно беседовали… То есть думали, что беседуют, на самом деле каждый из них слушал исключительно себя любимого. Чарли шутил над моей привычкой чистить зубы, а Мейфилд разоблачал миф о волшебной лозе. Снова и снова без устали прогоняли они монологи по кругу. Мне осточертело слушать их треп. Как напьется человек, так ему все становится безразличным. Он один, сам с собой, и собутыльники остаются за крепчайшей стеной отчуждения.

Я выпил стаканчик, потом еще один и тут заметил в дальнем углу женщину. Она стояла сама по себе, у окна. Худощавая, бледная. Вокруг глаз у нее темнели круги — след тревог и недосыпания.

Несмотря на болезненный вид, женщина показалась мне настоящей красавицей. Глаза у нее были цвета нефрита, а золотистые локоны ниспадали до самой поясницы. Черт, бренди… С ним море по колено и стыд неведом. Я беззастенчиво пялился на даму до тех пор, пока она не соизволила посмотреть на меня в ответ и с жалостью улыбнуться. Я подмигнул ей, чем вызвал еще больше жалости. Незнакомка покинула комнату, оставив дверь за собой приоткрытой.

Глядя по-бараньи на выход, я спросил у Мей-

филда:

— А кто это?

— Кто? — переспросил он.

— Конь в пальто, — поддел меня Чарли, и шлюхи разом захохотали.

Я вышел в коридор и застал там златовласую женщину. Она курила. Увидев меня, она нисколько не удивилась, как, впрочем, и не обрадовалась. Видимо, каждый раз, как моя прекрасная незнакомка покидала общество занятого гостями Мейфилда, за ней кто-нибудь да увивался. Со временем она и привыкла к вниманию. Потянувшись снять шляпу, я нащупал лишь собственную макушку.

— Не знаю, как вам, но мне в гостиной осточертело.

Дама не ответила, и я добавил:

— Нас с братом угораздило продать Мейфилду шкуру медведицы, и вот приходится сидеть, выслушивать его хвастовство и враки.

Дама продолжала смотреть на меня, не говоря ни слова. Она только загадочно улыбалась, выдыхая через рот папиросный дым.

— Что вы здесь делаете? — поинтересовался я.

— Здесь мой дом. Я веду счета для мистера Мейфилда.

— Вы живете в гостиничной комнате или какой другой?

Я задал вопрос, задавать который не стоило. А все бренди, алкоголь виноват. Хватит, Эли, хватит пьянствовать! По счастью, дама ни капли не оскорбилась.

— Живу в обычной гостиничной комнате, — ответила она. — Иногда перебираюсь в пустую, незанятую. Так, ради забавы.

— Что же тут забавного? — не понял я. — Разве комнаты в гостинице не одинаковые?

— С виду одинаковые, да. Но разница между ними есть, и она существенна.

Как ответить на такое? Выпитый бренди уже развязывал язык, дабы я мог сболтнуть очередную глупость, однако тут разумная часть меня возобладала над упившейся. Я закрыл рот, так и не издав ни звука. Молодец! Эх, молодец, Эли, сдержался!

Дама огляделась, ища, куда бы выкинуть окурок папиросы, и я подставил раскрытую ладонь. Когда бычок оказался у меня в руке, я пальцами зажал тлеющий кончик и невозмутимо посмотрел на женщину. Мол, вот как я умею терпеть боль. Боль я и правда могу терпеть очень сильную и очень долго. А, что взять с пьяного!.. Я спрятал

пепел и обугленную бумагу в карман. Дама продолжала глядеть на меня холодно, отстраненно.

— Не понимаю вас, мэм.

— В каком смысле?

— Не могу взять в толк: вы рады, опечалены, разъярены или еще что?

— Я больна.

— И чем же?

Из кармана платья она извлекла платок в засохших пятнах крови и показала его мне с дьявольской улыбкой. Я же, не уловив ничего забавного, ошеломленный, посмотрел на пятна. Совершенно не думая, спросил у незнакомки: не умирает ли она. Женщина сразу помрачнела. Я же принялся поспешно сыпать извинениями:

— Не отвечайте! Я слишком много выпил. Прошу, извините меня. Ответьте же, я прощен?

Она не ответила, но и обиды, кажется, не затаила. Что ж, буду вести себя как ни в чем не бывало.

— Могу ли поинтересоваться, — как можно беззаботнее спросил я, — куда вы сейчас направляетесь?

— Никуда особенно идти не думала. Да и куда бы я пошла? По ночам открыта лишь гостиница.

— Надо же, — прищелкнул я языком. — Похоже,

вы меня здесь дожидались.

— Нет, не дожидалась.

— А вот и дожидались. Нарочно оставили дверь приоткрытой, чтобы я за вами последовал.

— Все не так.

— А я говорю: так.

Тут в конце коридора что-то скрипнуло. Обернувшись, мы увидели на вершине лестницы траппера: он подслушивал и теперь смотрел на нас с мрачной миной.

— Шла бы ты к себе в комнату, — сказал он женщине.

— Твое какое дело? — ответила та.

— Разве не на Мейфилда я пашу?

— Так и я тоже. И прямо сейчас я беседую с его гостем.

— Смотри, беды не оберешься.

— Кто же посмеет чинить мне неприятности?

— Сама знаешь. Он.

— Эй, ты, — окликнул я траппера.

— Чего?

— Давай-ка, топай отсюда.

Постояв немного в молчании, траппер запустил пальцы в иссиня-черную бороду и поскреб челюсть. Затем развернулся и пошел прочь. Когда он поднимался по лестнице, бухгалтерша

призналась:

— Он следует за мной по пятам. Приходится на ночь запирать дверь в спальню.

— Мейфилд — ваш кавалер, да?

Указав на шлюх в зале, она ответила:

— Он предпочитает не ограничивать себя.

Что-то темнит она, подумалось мне, и женщина, видя мое кислое выражение, добавила:

— Нет, конкретно мне он не кавалер. Разве что в каком-нибудь ином смысле.

Чарли в гостиной громко заржал. Хотя и ржанием тупые звуки, что он издает, не назовешь. Так осел кричит.

— Тоскливо у вас в городке, — сказал я.

Женщина подступила ко мне. Поцеловать захотела? Да нет, лишь на ухо прошептала:

— Тот траппер с дружками замышляет против вас с братом недоброе. Я слышала их разговор. Толком слов не разобрала, но каждый вечер трапперы обычно напиваются в салуне. Сегодня пить не пошли. Вам следует быть осторожными.

— Хмель в голове и осторожность — вещи несовместимые.

— Тогда возвращайтесь на гулянку. Для вас безопаснее держаться ближе к Мейфилду.

— Нет, ни минуты с ним не останусь. Пойду

лучше спать.

— Гд е вас поселил Мейфилд?

— Пока нигде.

— Я подыщу безопасную комнату.

Сказав так, она повела меня в дальний конец коридора и там отперла дверь ключиком. Она так старалась не произвести ни звука, что я невольно стал подражать ее осторожным движениям. Вот мы на цыпочках вошли в темную комнату, и женщина прикрыла дверь. Велела мне встать у стены и не шевелиться, пока она ищет свечу. Я не видел ее, но слышал шаги, слышал, как она ищет на столе и в ящиках… До чего ж мило, черт возьми. Она так близко, заботится обо мне, а я даже не вижу, что она делает. Она определенно мне нравится. Еще бы уделила мне время, усилия. Все же как мало мне надо.

Наконец бухгалтерша зажгла свечу и открыла занавески, впуская в комнату лунный свет. Комната как комната, только воздух спертый и пыльный.

— Здесь никого не селят, — пояснила она, — потому что ключ потерялся, а Мейфилд ленив и не спешит звать слесаря. Правда, никто ключа не терял, это я украла его. Прихожу в эту комнату время от времени, если хочется побыть в оди-

ночестве.

Учтиво кивнув, я произнес:

— Что ж, ясно: вы влюблены в меня!

— Нет, — покраснела она. — Нисколько.

— Не отпирайтесь. Вы безнадежно влюблены и не в силах противиться чувству. Да не волнуйтесь, со мной такое постоянно происходит. Иду себе по улице, навстречу мне женщина: смотрит на меня, а в глазах-то страсть и томление.

Плюхнувшись на небольшую кровать, я принялся кататься по ней, чем позабавил бухгалтершу, но не впечатлил ее настолько, чтобы она пожелала присесть рядом, хотя бы на краешек. Напротив, развернувшись, она пошла назад к выходу. Я еще немного подергался на кровати, и мебель уныло заскрипела.

— Прекратите дурачиться, — предупредила меня златовласая. — Трапперы живут прямо под нами.

— Ой, да полно вам о них беспокоиться. Мне до них дела нет, и ничего они со мной поделать не смогут.

— Они убийцы! — прошептала женщина.

— Так ведь и я тоже.

— В каком смысле?

Что-то промелькнуло у нее во взгляде, в вы-

ражении на бледном неуверенном личике, и я взбесился. Поддался животной дикости, безумству и, поднимаясь, прокричал:

— Смерть идет попятам за каждым в этом мире!

Непонятно откуда пришедшие на ум слова наполнили меня жуткой силой. Вскочив, я выхватил револьвер из кобуры и выстрелил прямо в пол. Грохот, умноженный узкими стенами, прозвучал оглушающе, комната наполнилась дымом. Перепуганная женщина опрометью выбежала в коридор. Дверь за собой она заперла на ключ.

Подойдя к двери, я отпер ее, открыл настежь и вернулся на кровать. Сел, достав предварительно второй револьвер, и приготовился. Сердце в груди колотилось, я ждал решающего боя насмерть, однако через пять минут веки мои отяжелели. Прошло минут десять, и я подумал: скорее всего, трапперы выстрела не услышали или я палил совсем не в их комнату. Ну, не сегодня так не сегодня. Умереть всегда успеется.

Я почистил зубы и лег спать.

Глава 30

Утро выдалось солнечным. Влетающий в раскрытое окно ветерок холодил мне лицо. Я лежал на кровати, одетый, обутый, а дверь была закрыта и заперта. Неужто ночью наведалась моя новая знакомая и решила меня защитить? Кто-то отпер дверь, и в комнату вошла она. Присев с краешку на кровать, златовласая улыбнулась. Я спросил, как Чарли, и она ответила, что с ним все хорошо. Потом она пригласила меня на прогулку. Вид работница Мейфилда по-прежнему имела болезненный, однако припудрилась и сладко пахла, и с виду была совсем не прочь пообщаться со мной.

Я встал с кровати и, подойдя к окну, выглянул наружу. По улице мимо гостиницы шли горожане: мужчины и женщины, встречаясь, приветствовали друг друга, желали доброго утречка, кланялись, снимая шляпы.

Откашлявшись, женщина у меня за спиной произнесла:

— Вчера вечером вы говорили, что не можете понять меня. Сегодня то же самое я могу сказать и про вас.

— В каком же смысле?

— Во-первых, чего ради вы стреляли в пол?

— Признаться, мне за это жутко стыдно. Простите, если напугал.

— И все-таки зачем?

— Порой, когда я сильно напиваюсь, находит такая тоска, что некая часть меня жаждет умереть.

Ну, и кто кому теперь показывает окровавленный платок?

— Отчего же вы тосковали?

— Отчего вообще тоскуют? Просто накатывает время от времени.

— Вы вроде были довольны, и внезапно ваше настроение переменилось.

Я пожал плечами. По улице в это время шел человек, который мне показался смутно знакомым. Правда, вспомнить, где и при каких обстоятельствах я его повстречал, не вышло. Сгорбленный, этот мужичонка шагал как-то сонно, будто не понимая цели и направления. Указав на него, я произнес:

— Я знаю его.

Женщина подошла ко мне и выглянула на улицу, но мужичок успел скрыться из виду. Оправив платье, она напомнила:

— Так вы составите мне компанию на прогулке?

Я заглотнул щепотку зубного порошка, и женщина, взяв меня под руку, повела на улицу. Когда мы проходили мимо гостиной, я заглянул внутрь. Мейфилд так и остался за столом: вытянув руки, он лежал мордой вниз среди пустых бутылок, сигарного пепла и опрокинутых колокольчиков. Рядом на полу дрыхла здоровенная шлюха. Нагая, она спала брюхом кверху, отвернувшись от Мейфилда. Я остановился и присмотрелся. Груди и живот шлюхи мерно вздымались и опускались в такт дыханию. Поразительно, как низко может пасть человек. Меж раскрытых ее ног я видел детородное место, волосы на котором были спутаны и примяты. Оторвав же от них взгляд, я заметил свою шляпу. Она висела на рогах оленьей головы.

Забрав шляпу и возвращаясь по собственному следу, я вдруг споткнулся и упал прямо на раму для шкуры. Вот только рыжей шкуры на ней уже не было. Ее не просто отвязали и унесли, ее грубо и впопыхах срезали. Я оглянулся на бухгалтершу Мейфилда: она стояла в дверном проеме и, закрыв глаза, медленно качала головой. Вот уж кого жизнь приперла так приперла.

Глава 31

Дорога раскисла, и через широкие лужи перекинули деревянные доски. Ходить по ним, балансируя, та еще забава, и златовласая бухгалтерша отдавалась ей полностью. Она хохотала, и смех ее в прохладном утреннем воздухе звучал чисто и сладко. Свежесть нового дня и смех милой дамы — эти две вещи отрезвляли, от них в голове прояснилось. Вот уж не думал, что обычная прогулка с женщиной станет для меня приключением. Для меня, человека, прошедшего через столько опасностей… Однако вот он я, иду, придерживая за руку милую спутницу, указываю, куда безопасней ступить на пружинящей длинной доске. Вот умора-то, а тут еще к горлу тошнота подступает.

К тому времени, как мы добрались до противоположного конца дороги, на сапогах моих от грязи живого места не осталось, тогда как туфелек бухгалтерши не коснулось ни капли.

— Благодарю вас, — сказала она.

На чистом тротуаре она крепко взяла меня под руку, однако шагов через шесть отпустила. Поправила волосы. Без нужды, как мне подума-

лось. Просто из-за хороших манер, воспитания. Впрочем, держать меня за руку ей понравилось, и отстранялась она без особой охоты. Во всяком случае я на это надеялся.

— И как вам работается у Мейфилда? — спросил я.

— Платит он хорошо, но поведение у него несносное. Мейфилд строит из себя самого умного. Бедняком он был куда приятней в общении.

— Свое богатство он транжирит довольно споро. Возможно, вскоре Мейфилд вновь станет прежним?

— Он изменится, да, но прежним не станет. Это будет уже третье воплощение Мейфилда, гораздо менее приятное, нежели второе, нынешнее. — Возражать я не стал, и женщина произнесла: — Правильно, не поспоришь.

Тут она вновь взяла меня под руку, и я, переполняемый гордостью, ощутил, каким упругим и уверенным стал мой шаг.

— Как вышло, что утром дверь в мою комнату была заперта? Вы наведывались ко мне ночью?

— Так вы не помните?

— Прошу прощения, нет.

— От этого мне только хуже.

— Объясните же, что произошло.

Чуть поразмыслив, бухгалтерша ответила:

— Если вы и правда желаете знать, что произошло, то вспомните все сами. Лишь напрягите память.

Тут ей в голову пришла некая мысль, и она рассмеялась, звонко и кристально чисто.

— Ваш смех что прохладная водица, — признался я.

Сердце в груди так и сжалось, на глазах чуть-чуть не проступили слезы… Странно, как на меня не похоже.

— Вы вдруг сделались таким серьезным, — заметила моя спутница.

— Ни капельки.

У края городка мы вновь прогулялись по настилу и пошли обратно в сторону гостиницы. Я подумал о комнате, в которой спал. Представил, как промялись подо мной матрас и простыни… И тут же вспомнил.

— Да это же тот, зареванный! — воскликнул я.

— Кто? — не поняла бухгалтерша. — Какой зареванный?

— Помните, я увидел в окно человека и сказал, будто мне его лицо знакомо? Так вот, пару недель назад мы с братом Чарли выехали из Орегона, и на пути нам попался мужичок. Он вел под уздцы

коня, а сам топал пешком. Жутко опечаленный, он не принял нашей помощи. От горя совсем рассудком повредился.

— Вы не заметили, может, судьба его переменилась?

— Отнюдь.

— Вот бедняга.

— Рёва рёвой, а пешком он сюда быстро добрался.

Помолчав немного, бухгалтерша отпустила мою руку.

— Прошлой ночью вы говорили о некоем не терпящем отлагательств деле в Сан-Франциско.

Я кивнул.

— Мы ищем человека по имени Герман Варм. Он живет в Сан-Франциско.

— И зачем же вы его ищете?

— Варм совершил проступок, и нам поручено учинить над ним правосудие.

— Но вы не маршалы, так?

— Я бы даже сказал, наоборот.

Погрустнев, она задумчиво спросила:

— Так этот Варм совсем дурной человек?

— Не знаю, странный вопрос. Говорят, Варм — вор.

— И что же он украл?

— Что обычно крадут? Деньги, наверное.

Ну и сволочь же я, так соврать. Я поискал взглядом хоть что-нибудь, на что можно отвлечься. Нет ничего подходящего.

— Знаете, возможно, этот человек не украл ни цента.

Бухгалтерша опустила глаза, и я хохотнул.

— Ничуть не удивлюсь, если нас отправили за абсолютно невинным человеком.

— Значит, обычно вы гоняетесь за теми, кого сами считаете невиновными?

— В моей профессии обычного мало. Что-то мне расхотелось говорить о моей работе.

Бухгалтерша будто не слышала меня.

— Работа вам нравится? — спросила она.

— Работы разные бывают, и я много профессий повидал. Какие-то кажутся чистой забавой, другие — адом земным. — Я пожал плечами. — Любой труд становится уважаемым, если за него достойно платят. Как по мне, решать чью-то судьбу — большая ответственность.

— Вы же просто людей убиваете.

Я-то думал, она не поймет, в чем именно состоит мой промысел, но она догадалась. Не пришлось объяснять.

— Ну, если вам угодно, — ответил я.

— Вы не думали бросить это занятие? — спросила она.

— Честно, подумывал.

Бухгалтерша снова взяла меня под руку.

— А что после? После того как вы разберетесь с этим Вармом?

И я поведал ей:

— Мы с братом живем в домике, недалеко от Орегона. Место славное, однако дом — сущая развалина. Я бы переехал, да все не найду время подыскать себе новое пристанище. Чарли очень любит заводить знакомства с сомнительными типами, у которых напрочь отсутствуют чувство времени и уважение к чужому сну. — Бухгалтершу мой ответ обеспокоил, и я спросил: — А к чему, собственно, вы интересуетесь?

— Надеюсь снова вас увидеть.

В груди заныло, как в свежем синяке, и я подумал: вот я кретин!

— Ваши надежды сбудутся.

— Покинув наш городок, вы вряд ли уже сюда вернетесь.

— Вернусь, даю слово.

Женщина не поверила или поверила, но только отчасти. Глядя мне в лицо, она попросила снять сюртук, что я и сделал. Тогда она вытянула из

складок платья ленту ярко-синего шелка и повязала мне ее через плечо, стянув концы в опрятный узел. Отступив на шаг, она, такая грустная и прекрасная, полюбовалась на меня влажными от слез глазами. Веки ее набрякли под слоем пудры и гнетом застарелой болезни. Я молчал — что тут сказать? — накрыл узелок ладонями.

Бухгалтерша наказала мне:

— Всегда и всюду носите бант, как я повязала его. Увидев его, вспоминайте обо мне и данное вами обещание вернуться. — Похлопав по банту, она улыбнулась и спросила: — Ваш брат будет ревновать?

— Захочет узнать подробности.

— Ну разве не милый бант?

— И блестит очень ярко.

Я надел сюртук и застегнулся. Она прижалась ко мне и обняла, слушая, как бешено колотится у меня в груди сердце. Затем мы распрощались, и женщина вернулась в гостиницу. Но перед этим я успел уронить ей в кармашек юбки сорок долларов, полученных от Мейфилда. Я крикнул вслед, что на обратном пути обязательно заеду к ней, однако моя дама не ответила.

Я постоял немного в одиночестве, прислушиваясь к безумному хороводу в голове: мысли

кружились, вертелись, выстреливали, как искры, и гасли. Сейчас не хотелось возвращаться в комнату, хотелось побыть на воздухе. В стороне от главной улицы стоял ряд домов. К ним я и отправился.

Небольшое отступление

У чудного свежеокрашенного домика перед огороженным двором я встретил девочку лет семи-восьми, одетую в премиленькое платьице, шляпку и башмачки. Она стояла, будто кол проглотила, прямо и неподвижно, сжав кулачки и глядя на домик неприязненно, если не злобно. Нахмурившись, девочка плакала. Не навзрыд, однако, а тихо, спокойно, почти молча. Я подошел ближе и спросил: в чем дело. Девочка ответила, мол, ей приснился кошмар.

— Вот прямо только что приснился? — переспросил я и глянул на высоко взошедшее солнце.

— Ночью, — пояснила девочка. — Но я забыла его и вспомнила только сейчас, когда собаку увидела.

Она ткнула пальчиком в сторону жирного пса, что дремал по ту сторону забора. Рядом — ничего себе! — лежала его лапа. Хотя нет, постойте. Это же бедрышко ягненка или теленка. Собаке бросили кость, чтобы грызла. На косточке еще осталось мясцо и хрящики. Если не присматриваться, то и правда похоже на оторванную собачью лапу. Улыбнувшись, я произнес:

— Я уж было подумал, что песик без ноги остался.

Утерев слезы, девочка ответила:

— Так он и остался.

Покачав головой, я ткнул пальцем в сторону пса.

— Он просто поджал лапку, видишь?

— Ошибаетесь. Вот, глядите.

Она свистнула, и пес поднялся на ноги, которых у него и правда оказалось три. Ближайшая к кости, лежащей на земле, правда отсутствовала, но видно было, что лапки пес лишился давно. Примерно с год назад. Сбитый с толку, я все же взялся объяснять ребенку:

— На земле не песья лапка. Это косточка, бедро ягненка. Песик свою лапку потерял давно, и ему совсем уже не больно. Разве не видишь?

Мои слова лишь разозлили девочку. Глянув на меня столь же злобно, как до того она смотрела на дом, девочка ответила:

— Песику больно, и еще как. Ему больно-пребольно!

Вот это злоба и страсть! Я аж попятился.

— А ты чудна́я, — заметил я девочке.

— Это жизнь у нас чудная, — возразила она.

Я не знал, что ответить, однако устами этого

младенца и правда глаголет истина. Милым и невинным голосочком девочка напомнила:

— Вы не спросили, что за сон мне снился.

— О собаке, ты же сама говорила.

— Нет, собака — только часть кошмара. А были в нем еще и забор, и домик, и вы.

— Так я тебе приснился?

— Мне снился человек, которого я не знала. Совсем посторонний.

— Он был добрый или злой?

— Он — береженый, — шепотом ответила девочка.

Мне сразу вспомнилась ведьма-цыганка, ее халупа, заговоренная дверь и бусы.

— Что значит береженный? — спросил я. — От чего береженный?

Не обращая на мой вопрос внимания, девочка продолжила пересказывать сон:

— Я пришла сюда посмотреть на эту проклятую псину. Хотела подсыпать яду, чтобы убить ее, и тут во дворе передо мной закрутилось-завертелось облачко, с кулак размером, такое черное с серым. Оно стало расти. Вот оно уже в фут величиной, два, три… Десять! Оно размером с дом. Из него подул злой ветер. Такой холодный, что обжег мне лицо.

Закрыв глаза, она чуть запрокинула головку, словно хотела вспомнить ощущение из кошмара.

— Что за яд ты подсыпала псу? — спросил я, заметив у нее на правой руке крупицы черного порошка.

— А облако все росло и росло, — громче и с большей страстью в голосе продолжала страшная девочка. — Меня затянуло в середину, закружило, как пушинку. Мне бы даже понравилось, если бы рядом не крутило подохшего трехлапого пса.

— Страшный сон тебе приснился, девочка.

— А рядом крутило подохшего трехлапого пса!

Хлопнув в ладоши, она вдруг развернулась и побежала прочь.

Я же, немало смущенный, пораженный и испуганный, остался на месте. Как же не хватает надежного друга! Девочка тем временем обогнула угол дома, и я взглянул на пса-калеку: животное вновь лежало на земле, и на губах его пузырилась пена. Бока не вздымались, пес не дышал. Помер. В этот момент одернули занавеску — кто-то выглянул во двор. Я со всех ног бросился бежать в сторону, противоположную той, куда убежала девчонка. И ни разу не обернулся.

Пора уезжать. Пора в путь. И черт с этим Мей-

филдом.

Конец небольшого отступления

Глава 32

Вернувшись в отель, я одним глазком заглянул в гостиную: ни Мейфилда, ни голой шлюхи. Раму для шкуры кто-то успел поставить как надо. В конце коридора, привалившись лбом к двери соседней с моей комнаты, стояла одна из девок. Я спросил: не встречала ли она Чарли?

— Он только что меня спровадил.

Лицо ее имело оттенок совсем уж зеленый. Упилась так упилась, одно слово — вусмерть. Едва сдерживая тошноту, она прижала к губам кулак.

— Боже ж ты мой, — пробормотала девка.

Открыв дверь в свою комнату, я попросил ее передать Чарли, чтоб поторапливался.

— Ни слова ему не скажу, сэр. Сейчас пойду к себе, завалюсь в постель и буду лежать, пока дурнота не пройдет.

Упираясь кулачком в стену, шлюха отправилась восвояси.

Я постучался к Чарли. Из комнаты донесся гортанный крик: дескать, оставьте меня в покое. Тогда я позвал Чарли по имени, и братец открыл. Стоя на пороге в чем мать родила, он жестом велел мне войти.

— Гд е тебя носило? — спросил Чарли.

— Я гулял с девушкой, познакомились вчера вечером.

— С какой еще девушкой? Не припомню…

— Милашка, стройная такая.

— А что, вчера были милашки, да еще и стройные?

— Ржать надо меньше — заметил бы. Ты глянь на себя: морда-то какая красная.

Из гостиной донеслись приглушенные вопли взбешенного Мейфилда. Я сказал Чарли, что шкура пропала, и братец тут же подобрался.

— Как так — пропала?

— Пропала. Нет ее. Я нашел опрокинутую раму, шкуру с нее срезали.

Постояв чуть-чуть и подумав, Чарли принялся одеваться.

— Я поговорю с Мейфилдом, — сказал он, со стоном влезая в брюки. — Мы вчера с ним славно посидели. Как пить дать, шкуру стащили эти вонючие трапперы, которых он прикормил у себя.

Чарли вышел, а я присел на низкий плетеный стульчик и осмотрелся. На полу лежал порезанный ножом и выпотрошенный матрас. И когда уже Чарли угомонится? Когда перестанет беситься почем зря? Я слышал, как они бранятся с

Мейфилдом, но слов разобрать не сумел.

Тело мое ныло и пылало жаром от усталости. Я чуть не заснул, однако в этот момент вернулся Чарли: лицо каменное, кулаки сжаты, аж побелели костяшки.

— Ну и гонор, — произнес он. — Здоров мужик поорать.

— Думает, что мы украли шкуру?

— Верно. И знаешь почему? Один из тех трапперов нашептал хозяину, дескать, видел, как ты срезал шкуру, потом хвать ее под мышку и наутек. Я говорю Мейфилду: обыщи наши комнаты, сумки. А он такой: это ниже моего достоинства! Пошептался со шлюхой, и та рванула на улицу. Поди, трапперов ищет.

Братец подошел к окну и выглянул на главную улицу.

— Нет, ну надо же так подставить! Прямо зла не хватает. Если б не похмелье, сам бы их отыскал. — Глянув на меня, он спросил: — Ты как, братишка? Готов к бою?

— Едва ли.

— Что это у тебя? — прищурился Чарли. — Под сюртуком?

— Подарок от девушки.

— На парад собрался, что ли?

— Это всего лишь кусок ткани, на память. Бонбоньерка, как сказала бы наша матушка.

Втянув воздух через зубы, Чарли решительно произнес:

— Снимай.

— Дорогая тряпка-то.

— Баба над тобой подшутила, а ты и рад?

— Она повязала мне эту ленту совершенно серьезно.

— Ты выглядишь, как призовой гусь на ярмарке.

Развязав узелок, я аккуратно сложил бант и убрал его в карман. Буду смотреть на него. Но так, чтобы Чарли не видел.

— Ну, и у кого теперь морда красная? — заметил Чарли. Снова выглянув в окно, он постучал по раме и произнес: — Ку-ку, приятель.

На улице я увидел шлюху Мейфилда: она о чем-то разговаривала с траппером, самым крупным из их компании. Тот слушал, сворачивая самокрутку и кивая головой. Потом ответил, и шлюха поторопилась обратно в гостиницу. Я проследил за девкой, пока она не скрылась из виду, потом взглянул на траппера. Охотник заметил нас с братцем и теперь смотрел в нашу сторону из-под широких полей остроконечной шляпы.

— И где такие шапочки продаются? — вслух подумал Чарли. — Должно быть, эти ребята сами их себе шьют.

Закурив папиросу и выдохнув облачко дыма, траппер пошел прочь. Чарли же, хлопнув себя по бедру, сплюнул.

— Черт, нас обошли. Давай сюда свои сорок долларов, вернем деньги Мейфилду.

— Вернем деньги — признаем вину.

— Иначе никак. Ни стреляться, ни драпать мы не в силах. Давай уже деньги, быстрее.

Братец приблизился ко мне и встал с протянутой ладонью. Я же сделал вид, что шарю по карманам. Жалкое зрелище. Оно-то меня и выдало. Чарли поскреб волос на шее и спросил:

— Отдал новой бабе, да?

— Мои деньги, заработанные. Куда хочу, туда и трачу. Мужик я или нет?

Тут вспомнилась шлюха из коридора, зажимавшая рот кулаком.

— А ты свои что же, совсем не истратил?

— Да как-то и не подумал.

Открыв кошель, Чарли заглянул в него и грустно рассмеялся.

— И потом, Мейфилд сказал: все за счет заведения.

Из гостиной донеслись крики. Зазвенело: сначала колокольчик, потом разбитый стакан.

— Ты же не хочешь платить из своего кошелька? — спросил я у Чарли.

— Нет, дружба дружбой, а деньги врозь. Сейчас я соберу вещички, потом заберем твои. Выйдем через окно твоей комнаты. Авось и удастся сбежать незаметно. Мне и пострелять не жалко, но лучше не сегодня. Сейчас мы не ахти какие воины. — Схватив сумку, он внимательно осмотрелся и спросил: — У тебя все собрано? Да? Вот и славно. Выходим в коридор, только — ша! Чтоб ни пылинки не взметнулось.

Чтоб ни пылинки не взметнулось… Поэтично-то как.

Глава 33

Через окно моей комнаты мы вылезли на карниз, который проходил над тротуаром. Он пришелся очень кстати, ведь Жбан и Шустрик остались в конюшне, а та была расположена у дальнего торца гостиницы. Расстояние до нее мы покрыли никем не замеченные. На полпути Чарли остановился у столба с вывеской и посмотрел вниз. Прямо под нами, облокотившись о коновязь, стоял главный траппер. Вот к нему подошли трое дружков. Встав широким кругом, они забормотали что-то себе в сальные бороды.

— Эти четверо наверняка гроза местных ондатр, — заметил Чарли. — Но людей убивать они не привыкли.

Указав на самого крупного траппера, братец произнес:

— Спорю, это он стащил шкуру. Если схлестнемся с этой компанией, верзилу беру на себя. Вот увидишь, как только грянет первый выстрел — остальные разбегутся.

Трапперы разошлись, и мы с Чарли дошли до конца навеса. Спустились и проникли в конюшню. У денника, в котором мы оставили Шустрика

и Жбана, стоял конюх с выпирающими зубами. Он тупо пялился на наших животных, а стоило окликнуть его, как он подпрыгнул. Помочь нам с седлами конюх наотрез отказался. Тут бы нам насторожиться, но мы так увлеклись мыслью о побеге, что подвоха не заметили.

Пока мы возились с седельными сумками, из денника позади нас бесшумно выступили траппе-ры. Мы заметили их слишком поздно, когда нам в грудь уже нацелились стволы револьверов.

— Покидаете Мейфилда? — спросил верзила.

— Ну, покидаем, — ответил Чарли.

Я не знал, какую уловку он применит, но всякий раз перед тем, как выхватить оружие, мой братец большими пальцами прижимал указательные до хруста в суставах. И этого хруста я всегда ждал.

— Никуда вы не поедете, пока не вернете день-ги мистеру Мейфилду.

— Ах, мистеру? Мистеру Мейфилду? Так обо-жаешь своего нанимателя, что, наверное, и постельку ему стелешь, а? Или ноги ему растира-ешь холодными зимними ночками?

— Гони сотню или ты труп. Хотя ты и так уже труп. Думаешь, в этих мехах и коже я медленно двигаюсь. Поверь, я быстр. Быстрее, чем ты дума-ешь. Глазом моргнуть не успеешь, как свинцом

тебя нашпигую.

На это Чарли ответил:

— Я вовсе не считаю тебя медлительным, траппер. Но скорость твою снижает не одежда. Ум — вот предатель. Ибо я считаю тебя столь же тупым, как и зверюшек, которых ты подстерегаешь по ноздри в снегу и грязи.

Траппер засмеялся. Или же изобразил смех, притворяясь, будто он весел и в добром расположении духа.

— Вчера я смотрел, как ты напиваешься, и думал: сам ни капли в рот не возьму, чтобы утром проснуться свежим и бодрым. Вдруг придется убить тебя. Так вот, утро наступило, и я спрашиваю последний раз: вернешь деньги или шкуру?

— Кроме пули, ты от меня ничего не дождешься.

Чарли словно бы рассуждал о погоде, и от обыденности, с какой он говорил, волосы у меня на загривке зашевелились. Я ощутил, как пульсирует кровь в ладонях и пальцах. Чарли в таких ситуациях просто великолепен: само спокойствие, ни капли страха. Всякий раз, как я вижу братца таким, а вижу таким его часто, то восхищаюсь.

— Я пристрелю тебя, — произнес траппер.

— Сейчас мой братишка сосчитает до трех, — предложил Чарли. — На счет «три» посмотрим, чей револьвер быстрее.

Кивнув, траппер убрал оружие в кобуру.

— Пусть хоть до сотни считает, если тебе так нравится, — сказал он, разминая пальцы.

— Вот это ты глупость сморозил. — Чарли скорчил кислую мину. — Придумай что-нибудь поумнее. Перед смертью надо говорить достойные вещи.

— Говорить я буду и впредь: весь день, всю ночь, всю жизнь. Еще внукам успею порассказать, как пристрелил знаменитых братьев Систерс.

— Что ж, тогда понятно. Забавненькая выйдет сносочка к твоей эпитафии. — Обернувшись ко мне, Чарли произнес: — Слышь, Эли, он нас обоих положить намерен.

— Я был счастлив работать с тобой, Чарли, — произнес я.

— Разве настало время прощаться? Взгляни на этого мужика, присмотрись: он не готов, у него морда от пота блестит. И голосочек в сердце шепчет: ты совершил ошибку.

— Черт подери, считай уже, — не вытерпел траппер.

— О, вот это мы и высечем на твоем надгро-

бии, — заметил Чарли и хрустнул пальцами. — Считай, братец. Медленно и с чувством.

— Значит, оба готовы? — спросил я.

— Готов, — ответил траппер.

— Готов, — сказал Чарли.

— Раз…

И тут же мы с Чарли выхватили револьверы. Бах, бах, бах, бах! — четыре пули выпущены одновременно, и все в цель.

С пробитыми башками трапперы свалились на пол и больше не встали. Гладко прошло, как по маслу. Такого чистого убийства на нашем счету не припомню. Не успели тела трапперов коснуться земли, как мы с Чарли расхохотались. Я смеялся от облегчения, а Чарли от радости, удовольствия. Одной удачи в жизни мало. Надо уметь сохранять холодный рассудок, чего обычный человек не умеет. Траппер — обладатель иссиня-черной бородени — еще хватал ртом воздух. Я подошел ближе и посмотрел на него сверху вниз. Мужик непонимающе стрелял по сторонам глазами.

— Что за шум? — спросил он.

— Это пуля вошла в тебя.

— В меня? Как в меня?

— В голову, вот как.

— Я… я не заметил. Не почувствовал. Не слышу

почти ничего. А где остальные?

— Тут, рядом лежат. Им тоже головы пробило.

— Правда? Они сказали что-нибудь? Не слышу…

— Нет. Они уже умерли.

— Но я пока жив?

— Пока да.

— Тщ, — произнес он и смежил веки. Утих. Я развернулся и хотел пойти прочь, но тут он вздрогнул и распахнул глаза. — Это Джим придумал. Он хотел вас убить, я нет.

— Верю.

— Он же большой, вот и хочет больших подвигов.

— Теперь он просто мертвый.

— Всю ночь о вас трещал. Говорил, что про нас еще книжек насочиняют. Вы посмеялись над нами, нашим видом. Джим разобиделся…

— Теперь-то что за разница? Закрой глаза.

— Эй, — позвал траппер. — Эгей!

Он смотрел прямо на меня, но вряд ли видел.

— Все хорошо, — сказал я. — Закрой глаза.

— Я не хотел, — заныл траппер. — Это Джим, он думал одолеть вас. Чтоб было, чем хвастать.

— Закрой глаза и отдохни.

— Тщ. Тщ, тщ… — произнес траппер и испу-

стил дух.

Я покинул его и отправился седлать Жбана. Притвориться, будто считаешь до трех, и выстрелить на «раз» — старый и проверенный трюк. Мы с Чарли не стыдимся его, но и не горды им. Он хорош, когда зажимают в угол, и не раз спасал нам жизнь.

Мы оседлали коней и уже собирались ехать, как вдруг на чердаке зашуршало. Это конюх. Он спрятался, желая подсмотреть бой, и заодно увидел наш трюк со счетом. Не повезло мальчишке. Мы с Чарли забрались наверх по лестнице. Конюх нашел себе отличное укрытие — за одной из высоких стопок из сенных тюков. Мы поискали некоторое время, потом решили позвать:

— Выходи парень, — произнес я. — Мы закончили и тебе вреда не причиним.

Ответа не последовало, зато в дальнем конце чердака зашебуршало, и я пальнул на звук. Тюк сена задержал свинец. Опять зашебуршало.

— Парень, — позвал Чарли. — Мы убьем тебя. Нет смысла прятаться, не убежишь. Давай, не глупи.

— Ы-хны-хны, — завыл конюх.

— Ты тратишь наше время, а это роскошь непозволительная.

— Ы-хны-хны...

Глава 34

Избавившись от ненужного свидетеля, мы навестили Мейфилда в его же гостинице. Когда мы постучались и вошли, хозяин аж утратил дар речи. Какое-то время он смотрел на нас неподвижно, пока мы не пригласили его переместиться на диванчик. Туда он и сел, ожидая своей участи. Я заметил Чарли:

— А он сегодня другой, не то что вчера.

— Это настоящий Мейфилд. Я еще прошлым вечером его раскусил. — Обращаясь к Мейфилду, братец сказал: — Как видишь, мы избавились от твоих прихвостней и, так уж вышло, от конюха тоже. Спешу заверить: все пять смертей на твоей совести. Мы принесли тебе рыжую шкуру, от всей души и с чистым помыслом, и поэтому в ее пропаже винить нас нельзя. Смерть трапперов и мальчишки-конюха — твой грех, не наш. Заметь: я не жду, что ты согласишься. Я просто говорю как есть. Тебе понятно?

Мейфилд не ответил. Он лишь пялился в точку на стене позади меня. На что смотрел? Да ни на что, просто упер взгляд в стенку. Когда же я вновь посмотрел на Мейфилда, тот тер ладонями лицо,

как будто умывался.

— Значит, так, — сказал Чарли. — Теперь вторая часть нашего дела, которая тебе явно не понравится. Однако за поклеп, возведенный на меня и брата, ты должен заплатить, Мейфилд. Слышишь? К тебе обращаюсь. Гд е прячешь золото? Говори!

Долгое время Мейфилд молчал. Я уж начал сомневаться, что он вообще слышит Чарли. Братец тем временем уже раскрыл рот, собираясь повторить, но тут Мейфилд заговорил голосом чуть громче шепота:

— Не скажу.

Чарли приблизился к нему.

— Отвечай: где прячешь сейф, иначе получишь револьвером по башке.

Мейфилд не ответил, и тогда Чарли выхватил оружие. Взялся за ствол, подождал немного и саданул Мейфилда ореховой рукояткой по самой маковке. Хозяин дома повалился на диван. Хватаясь за ушибленное место, он скрежетал зубами и скулил. Противно так, не по-мужски. Из раны засочилась кровь.

Чарли, силой усадив Мейфилда ровно, сунул ему в руку носовой платок. Мейфилд не скомкал тряпку, как сделал бы другой на его месте, а

просто положил на голову, как скатерть на стол. Макушка у него была лысая, как колено, и кровь довольно быстро пропитала платок, приклеив его к коже. О чем Мейфилд думал? Может, ни о чем, а может, его кто-то научил так класть платки на голову? Хозяин смотрел на нас угрюмым взглядом. Обуться он успел наполовину, и, глядя на его босую ногу, я заметил, что она распухла, покраснела.

— Обморозил? — спросил я.

— Что обморозил? — не понял Мейфилд.

— У тебя с ногой что-то не так.

— И что же не так с моей ногой?

— По-моему, ты ее обморозил.

Чарли щелкнул пальцами, чтобы я замолчал и заодно чтобы привлечь внимание Мейфилда.

— Спрашиваю еще раз и, если не ответишь, — предупредил братец, — ударю тебя дважды.

— Я не позволю себя ограбить.

— Гд е сейф?

— Я заработал эти деньги. Они не ваши, не отдам.

— Понятно.

Чарли дважды саданул Мейфилда по голове, и тот опять скорчился на диване, скуля и воя. Платок Чарли убирать не стал, и рукоятка, опускаясь

на черепушку, неприятно чавкала.

Братец вновь посадил Мейфилда ровно. Стиснув зубы, тот тяжело и быстро дышал. Кровью залило всю голову, и даже с платка текло. Выпятив нижнюю губу, Мейфилд храбрился, однако зрелище вышло донельзя глупым: кровь капала с подбородка, по шее стекала за воротник. Мейфилд смотрелся как свеженький товар на мясницком прилавке.

— Позволь мне кое-что объяснить, — сказал Чарли, — чтобы не осталось ничего непонятного. Денежки твои уже тю-тю. Это правда, это факт, простая истина. И если дальше будешь сопротивляться ей, мы тебя сначала прикончим, а потом сами отыщем сейф. Подумай хорошенько: зачем страдать и унижаться, зачем гибнуть ради того, что уже утрачено? Скумекал? Ты ведешь себя неверно.

— Вы так и так меня убьете.

— А вот это вовсе не обязательно, — заметил я.

— Мой брат дело говорит, — подтвердил Чарли.

— Даете слово? — спросил Мейфилд.

Чарли посмотрел на меня, как бы спрашивая взглядом: «Сохранить ему жизнь?» Я точно так же взглядом ответил: «Мне все равно».

— Отдашь деньги, — заговорил Чарли, — покинем тебя, оставим в покое.

— Поклянитесь.

— Клянусь, — сказал Чарли.

Мейфилд посмотрел на него, будто высматривая признаки коварства. Затем, удовлетворенный, глянул на меня и спросил:

— Вы оба клянетесь?

— Мой брат за нас обоих сказал. Но раз тебе так надо, хорошо: клянусь, что не убью тебя.

Убрав с головы пропитанный кровью, отяжелевший платок, Мейфилд бросил его на пол. Кусок ткани упал со шлепком, и Мейфилд посмотрел на него с некой долей отвращения. Потом оправил на себе жилетку и поднялся. Ноги не выдержали, и он рухнул на диван, чуть не потеряв сознание.

— Мне нужно выпить, — сказал он. — И умыться. По своему отелю я в таком виде расхаживать не стану.

Я налил Мейфилду большой бокал бренди, который он опорожнил в два глотка. Чарли же метнулся в уборную, откуда вынес охапку полотенец, таз с водой и ручное зеркало. Опустив все это на низкий столик перед хозяином гостиницы, он встал рядом со мной, и мы принялись следить за Мейфилдом. Умывался он тихо, спокойно, и, глядя

на него, я испытал смутное подобие восхищения. Этот человек потерял все деньги и сбережения, а ведет себя так же обыденно, словно бреется. Любопытно, о чем он думает? Я так и спросил. Мейфилд ответил, дескать, строит планы. Планы? Какие еще планы?

Положив зеркало лицевой стороной на стол, Мейфилд произнес:

— Зависит от того, сколько вы мне оставите.

— Оставим? — Чарли, который рылся в ящиках стола, выгнул брови. — Я думал, мы ясно дали понять: тебе остается кукиш.

Мейфилд тяжело выдохнул.

— То есть совсем ничего? Забираете все без остатка?

Чарли глянул на меня.

— Мы же собирались отнять у него все?

— Если память не изменяет, — ответил я, — то мы вообще не собирались оставлять его в живых. Но раз уж передумали, давай обсудим создавшееся положение. По мне, бессовестно отпустить человека без гроша в кармане.

Чарли тут же сделался мрачный-премрачный.

— Вы спрашивали, что я намерен делать, — напомнил Мейфилд. — Так вот, я расскажу. По здравому размышлению, человек, пережив столь

сильный урон, какой нанесли сегодня вы мне, имеет лишь два пути по жизни. Первый — с разбитым сердцем пойти по миру, делясь с каждым встречным своей безумной ненавистью. Второй — начать все сызнова, с пустым сердцем, которое отныне надлежит наполнять лишь гордостью от свершений, изгоняя из разума унылость и подпитывая его свежими, положительными мыслями.

— Он это на ходу придумал? — спросил Чарли.

— Я намерен избрать второй путь, — сказал Мейфилд. — Я человек созидательный и первым делом поработаю над чувством цели. Напомню себе, откуда я родом, а то разнежился от сытой жизни. И лучшее тому доказательство то, как легко вы забираете у меня все самое ценное.

— Хочет сказать, что он не трус и не мямля, а просто лентяй, — заметил Чарли.

— И что убить пятерых и ограбить — это легко, — добавил я.

— Мужик путает зеленое с кислым.

Мейфилд тем временем продолжил:

— Смею надеяться, господа, на вашу помощь и открыто прошу выдать денег на дорожные расходы. Я немедленно отправлюсь в ваш родной город Орегон и там свершу расправу над мерзавцем Джеймсом Робинсоном.

Едва он произнес имя обладателя серповидного ножа, как в голове у меня и брата одновременно родилась одна и та же злая мысль.

— Только не говори, что Робинсону конец, — попросил Чарли.

— Было бы уж чересчур печально, — добавил я.

— Вы защищаете приятеля-грабителя? — возмутился Мейфилд. — После того как обошлись со мной! С вашей стороны было бы справедливо и единственно верно помочь мне. Вы забрали у меня все заработанное богатство, так облегчите душу хотя бы частично, оставив всего лишь малую долю моего состояния.

Только самоуверенная речь и спасла Мейфилда. Мы с Чарли порешили: выдадим сотню долларов — как раз хватит доехать до Орегона. Там Мейфилд и застрянет. Начнет спрашивать о Робинсоне, и первый же встречный ответит ему: Робинсон мертв. И тогда Мейфилд сообразит, как жестоко над ним пошутили. Весь горькой желчью изойдет.

Деньги мы дали Мейфилду в чеканном золоте, изъятом прямиком из его же сейфа, который был укрыт в подвале гостиницы. Глядя в раскрытый зев несгораемого шкафа, хозяин гостиницы про-

изнес:

— Первый раз мне так повезло: набить сейф золотом и облигациями… Ведь никому больше удача так не улыбалась. — Он мрачно и торжественно кивнул. Однако тут же напускная храбрость уступила подлинным чувствам. Мейфилд скуксился, из глаз его брызнули слезы. — Но черт возьми, как тяжело держаться за удачу! — Утирая щеки, он тихо, но искренне и от души ругался. — Я больше не чувствую ее в себе. Совсем-совсем.

Со стороны было жалко смотреть, как Мейфилд затягивает шнурок на кошельке — он будто не мешочек с деньгами в руках держал, а дохлую мышку за хвостик. Мы выпроводили Мейфилда из подвала, и он собрал одежду и седельные сумки. Он явно хотел сказать что-то на прощание, однако слова либо не шли сами по себе, либо Мейфилд счел нас недостойными его речей. Забравшись в седло и коротко кивнув, он посмотрел на нас, словно говоря взглядом: не нравитесь вы мне.

Мы с Чарли вернулись в подвал и перебрали содержимое сейфа. Деля и распихивая по карманам облигации, мы одновременно пересчитывали их. Оказалось, бумажных денег Мейфилд скопил

на восемнадцать сотен долларов. Золота же он нахапал столько, что мы не решились брать его с собой: спрятали под пузатой печкой, стоявшей на деревянном поддоне в дальнем углу подвала. Грязная работенка: прежде чем двигать печку, мы сняли металлическую трубу, и нас моментально обсыпало сажей. Однако закончив, я был уверен: ни одна живая душа не догадается искать сокровище так далеко и глубоко. По грубым прикидкам, состояние Мейфилда тянуло на пятнадцать тысяч, и моя доля, самое меньшее, втрое превышала имевшиеся на тот день сбережения. И когда мы с Чарли покидали подвал, поднимаясь по лестнице, меня одновременно посетили два чувства: радость, что я разом обрел такое богатство, и пустота, ведь радость могла быть и посильнее. А то она и вовсе вынужденная, ложная. Так, может, человек и не создан испытывать счастье? Может, его, этого счастья, и на свете-то нет?

Коридоры гостиницы полнились гомонящими шлюхами: девки судачили о том, как Мейфилд весь в крови уехал куда-то, а его трапперы и вовсе пропали. Заметив шлюху, развлекавшую Чарли — зеленушность у нее на лице спала совсем ненамного, — я отвел ее в сторону и спросил, где

бухгалтерша.

— Ее к доктору повезли.

— Она жива?

— Скорее всего. Ее постоянно к доктору возят.

— Когда она вернется, передай ей вот это.

Я сунул в ладонь шлюхе сто долларов.

— Господи Иисусе! — уставилась она на деньги.

— Через две недели я вернусь и проверю: если бухгалтерша не получит деньги, то взыщу с тебя. Ясно?

— Мистер, что я вам сделала? Стою себе в коридоре…

— Это тебе.

Я подсунул шлюхе двойной орел.

Положив монету в карман, девка посмотрела вслед уходящему по коридору Чарли.

— Полагаю, ваш брат мне бы сотню не отвалил?

— Нет, не думаю.

— Значит, у вас в крови романтики больше?

— Кровь у нас одна и та же. Просто используем мы ее по-разному.

Развернувшись, я пошел прочь. Не успел сделать и пяти шагов, как шлюха окликнула меня:

— Чем она заслужила этакие деньжищи?

Остановившись и подумав, я ответил:

— Она красива и добра ко мне.

Надо было видеть лицо этой шлюхи: бедняжка не знала, что и подумать. Ничего не сказав, она бросилась к себе в комнату, захлопнула дверь и дважды очень громко вскрикнула.

Глава 35

Покинув город, мы поехали вдоль реки. На встречу с Моррисом мы уже несколько дней как опоздали, однако ни меня, ни Чарли задержка нисколько не волновала. Я перебирал в памяти, сортируя, события прошедших дней, и в это время Чарли вдруг захихикал. Я на Жбане успел отъехать вперед и, не оборачиваясь, поинтересовался, что так насмешило братца.

— Я вспомнил день, когда наш папаня преставился, — ответил Чарли.

— Да? И что?

— Мы с тобой сидели в поле за домом, поедали свой обед, и тут закричала матушка. Помнишь, кстати, что мы ели?

— Не понимаю, к чему ты.

— Мы грызли яблоки. Матушка завернула их в тряпицу и отослала нас прочь из дому. Похоже, знала заранее, что будет ссора.

— Тряпица та была красная, линялая.

— Точно, а яблоки зеленые и недоспелые. Ты грыз их и морщился. Такой малявка был, а разбирался!

— Я и сейчас помню эту кислятину. Скулы све-

ло, и рот сию же секунду наполнился слюной.

— Стоял самый жаркий день самой жаркой летней поры. Мы с тобой засели в высокой траве, ели яблоки и слушали, как матушка бранится с папаней. Ну, или я слушал. Не помню, заметил ли ты…

Чарли рассказывал, и события того дня словно оживали у меня перед глазами.

— Кажется, заметил. — Да, точно, я начал вспоминать. — Потом что-то разбилось, так?

— Верно, ты и правда все помнишь.

— В доме что-то разбилось, и матушка закричала.

Горло мне сдавило, и я с трудом удержал слезы.

— Папаня разбил окно, обухом топора сломал матушке руку. Он свихнулся, по-моему. Пару дней до того еще держался… Я сразу заметил: что-то не так. Сразу, как вошел в дом помочь матушке. Папаня увидел меня с винтовкой и не признал.

— Как получается, что люди сходят с ума?

— Сходят и все тут. Такое бывает.

— Представь, ты спятишь на время и опомнишься.

— Я-то? Не, совсем с ума я не сойду.

— Говорят, безумие от отца к сыну передается.

— Не знаю, не думал. А что, ты потихоньку с ума сходишь?

— Я, бывает, ощущаю беспомощность.

— Ну, это не одно и то же.

— Будем надеяться.

Чарли сказал:

— Помнишь мою первую винтовку? Ту, которую папаня называл игрушечной пукалкой? Стоило мне спустить курок, как ему стало не до шуток. — Братец помолчал. — Я выстрелил дважды: в руку и в грудь. Пуля, что угодила в грудь, отшвырнула папаню на пол. Он лежал и плевался в меня, лежал и плевался. Смотрел на меня, брызжа кровью и сквернословя. Матушка лежала там же, без сознания. От боли в сломанной руке она упала в обморок. И хорошо, что упала. Ей не пришлось смотреть, как сын убивает отца. Папаня мало-помалу уронил голову на пол да помер. Я оттащил его на конюшню, а когда вернулся, матушка уже очнулась. От боли и страха она ничего не соображала, только спрашивала: «Чья это кровь на полу? Чья это кровь на полу?» Я сказал: кровь моя. Больше ничего придумать не смог. Потом вывел матушку на улицу и посадил в повозку. Мы поехали в город. Долго ехали, и матушка всякий раз, как наезжали на кочку, вскрикивала от боли.

Рука у нее переломилась, как ружье для зарядки или как шеврон.

Что было дальше, я вспомнить не мог и спросил:

— Что потом?

— Ей только после обеда дали лекарство и наложили шину. И уже на полпути к дому я вспомнил про тебя. — Чарли откашлялся. — Надеюсь, братишка, ты не в обиде?

— Нет, я не в обиде.

— Я тогда думать ни о чем не мог, а ты у нас всегда был тихий, сидел себе в углу, как будто тебя и нет. Но говорю же: в тот день стояла страшная жара, настоящее пекло. И разумеется, стоило тебя покинуть, как ты сразу же стянул с головки чепчик. Часа четыре, если не все пять, солнце жарило твою нежную макушку, твои жиденькие волосенки… Матушку я оставил в повозке — она заснула от лекарств — и бросился за тобой. Помыслить не мог, что ты обгоришь. Больше испугался, что либо койот тебя утащит, либо ты сам уползешь к реке и там утонешь. Но вот я заметил тебя с вершины холмика и побежал вниз. Ты сгорел, покраснев без меры. И белки твоих глаз густо налились кровью. Две недели ты был слеп и кожа с твоей головенки сходила, как

кожура с луковицы. Тогда-то, Эли, братишка, ты и обзавелся веснушками.

Часть третья
Герман Керм Варм

Глава 36

Поначалу я и не понял, что перед нами порт. На приколе стояло множество кораблей. Их мачты, казалось, переплетаются между собой. Глядя на них, я видел отнюдь не сотни поставленных, как сельди в бочке, судов. Я видел лес голых деревьев, идущий мерными волнами.

Вдоль набережной мы с Чарли ехали через свое море хаоса: люди со всего мира и всех возрастов сновали туда-сюда, перекрикивались, ругались, дрались; кто-то вел скот; вверх по раскисшему склону холма лошади тянули телеги с бревнами и кирпичами. По всему городу и до самого моря разносился шум стройки и стук молотков. Кто-то захохотал, однако веселости я в этом смехе не слышал, напротив, уловил оттенок коварного, недоброго умысла. Жбан подо мной нервничал. Беспокоился и я. Никогда прежде не доводилось мне видеть ничего, хотя бы отдаленно похожего на Сан-Франциско. Как найти человека в лабиринте его улиц и переулков, где все сумрачно, смутно и непонятно?!

— Пора уже навестить Морриса, — сказал я.

— Он ждет нас несколько недель, — заметил

Чарли. — Еще один час ничего не изменит.

Ну конечно же, братцу город пришелся по душе. Чарли нисколько не тяготился его духом.

Много кораблей, загруженных добром, с виду простояло на приколе довольно давно. Я спросил у проходившего мимо мужичка: отчего так. Босой, он нес под мышкой цыпленка, которого в течение всей нашей беседы любовно поглаживал по головке.

— Команды сбежали на берег, — отвечал мужичок. — Стоит подцепить золотую лихорадку, и все, ни момента впустую тратить не можешь. Кому охота таскать ящики с мукой за доллар в день, когда рядом — только руку протяни — журчит река? — Он, сощурившись, посмотрел на горизонт. — Я частенько гляжу на эти корабли и представляю, как в Бостоне или Нью-Йорке беснуются владельцы грузов. Разрешите же поинтересоваться, господа, как вам, новоприбывшим, наш город? Как вам Сан-Франциско?

— Мне уже не терпится узнать его получше, — сказал Чарли.

— Мои же чувства к нему всегда разнятся. Все зависит от расположения духа… или же город сам меняет мои настроения? Сегодня он — мой лучший друг, а послезавтра — злейший враг.

— И как у вас с настроением в это утро? — спросил я.

— Сейчас мой дух на перепутье, но в целом, благодарю, я чувствую себя неплохо.

Чарли спросил:

— И как так вышло, что брошенные корабли до сих пор не ограбили?

— О, многие как раз и ограбили, — ответил мужичок. — Прочие либо охраняются упрямыми капитанами, либо несут не особо ценный груз. Пшеница и хлопок, даже задаром, мало кого привлекают. Можно сказать, вообще никого не привлекают. — Он указал на ялик в бухте. В хлипкой лодчонке за тюками и ящиками едва виднелся гребец. Веслами он работал с превеликой осторожностью, стараясь не задеть больших судов. — Этого человека зовут Смит, и я его прекрасно знаю. Что он сделает, когда достигнет берега? Нагрузит этими тяжеленными ящиками тощего мула и погонит доходягу в лавку Миллера. Тот даст за груз грабительскую цену, и вся плата за убийственный труд пропадет вмиг. Смиту едва хватит сыграть партейку в карты или хотя бы пообедать. Позвольте спросить: вы двое уже имели честь позавтракать в заведениях нашего славного города? Нет-нет, вижу: не имели, ибо

лица ваши полнокровны и вы не хулите почем зря Создателя.

Чарли сказал:

— У Мейфилда я шлюхам отвалил четверть сотни долларов.

Мужичок ему на это ответил:

— В местном салуне ту же сумму вы заплатите только за то, чтобы девка присела к вам на колени. За прочие услуги, самое меньшее, готовьте сотню.

— Да кто согласится на такие цены?!

— О, наши мужики выстаивают длиннющие очереди, а сами шлюхи работают по пятнадцать часов в сутки. За смену, говорят, они зарабатывают тысячи долларов. Поймите, господа: в Сан-Франциско давно забыли о бережливости и умеренных тратах. Здесь таких слов-то не знают! Вот, например, в прошлый раз я с прииска вернулся в город и принес увесистый мешок золотой пыли. Отыскал самый дорогой ресторан и заказал сытный обед. Да, безумие, но я три месяца кряду прожил в холоде, спал на земле и питался только форелью, свиным салом и снова форелью. В конце дня спина моя не разгибалась, и я почти забыл, что такое тепло и роскошь, забыл, какой на ощупь бархат… В общем, начхав на дороговизну,

заказал не то чтобы деликатесы, так, большую тарелку мяса и картошку, кружку эля и на десерт мороженое. В родном городе за подобное пиршество я выложил бы всего полдоллара. Здесь с меня содрали целых тридцать!

— Вас, как дебила, обобрали, — скривился Чарли.

— Согласен! На сто процентов с вами согласен и потому приветствую вас в городе, все население которого одни дебилы. Более того, смею надеяться, что собственное обращение в дебилов придется вам по вкусу.

Дальше вдоль линии берега мы заметили конструкцию из блоков, высоких опор и толстой веревки, уходящей к морю — таким мудреным способом вытягивали из воды парусно-колесный пароход. Лебедку вращало несколько лошадей, которых стегал мужчина в широкополой черной шляпе и пошитом на заказ костюме в масть. Я спросил у цыплятника: в чем цель этих трудов.

— Считайте, что перед вами Смит, только наделенный мозгами. Шляпа объявил брошенный корабль своим и теперь хочет вытащить его на сушу. Он заблаговременно прикупил участок земли — туда пароход и поставит. Будет сдавать кают-компанию постояльцам и лавочникам. Ду-

мает так по-быстрому сколотить состояние. Вот вам урок, господа: возможно, золото стоит добывать не столько из реки, сколько из карманов тех, кто на реках гнет спины. Способов извлечь золото из земли множество. Тут нужны удача, отвага и выносливость вьючного мула. Зачем самому марать руки, когда в город ломятся толпы тех, кто хочет потратить добытое? По головам сюда лезут, лишь бы скорее сбыть все до последней крупинки.

— Почему бы вам не открыть лавку? — предложил я.

Цыплятник удивился вопросу и на какое-то время крепко задумался, не найдя, что сразу ответить. Когда же он заговорил, в глазах его читалась грусть.

— Боюсь, мне поздно менять место в городе, — покачал он головой.

Я уже хотел спросить, что за место у него такое, как вдруг по ветру разнесся звук (не то приглушенный треск, не то щелчок), вслед за которым вдали что-то со свистом рассекло густой прибрежный воздух. Лопнула одна из веревок тяглового устройства. Мужчина в черной шляпе стоял над упавшей лошадью — та повалилась в песок. Он не сек ее, не хлестал, а значит, животное либо

умерло, либо готовилось умереть.

— Городок у вас страшный, — заметил я.

— Страшный, страшный, — ответил цыплятник. — И он, похоже, сломал меня. Сломал многих, кто осмелился приехать в Сан-Франциско. — Он кивнул сам себе и произнес: — Да, этот город определенно сломал меня.

— В каком же месте он поломал вас?

— Спросите лучше, в каком не поломал.

— Так, может, вам вернуться домой и начать все заново?

Мужичок покачал головой.

— Вчера один человек спрыгнул с крыши гостиницы «Ориент». Падая, он хохотал, а ударившись о землю, лопнул. Говорят, он здорово нализался, но я-то видел его трезвым почти перед самым прыжком. В воздухе Сан-Франциско витает особенный дух, что в силах отравить вас до глубины души. Имя ему — головокружение от широты возможностей. Я понял, понял, что прыгун тот — воплощение духа Сан-Франциско. По правде говоря, увидев, как человек сиганул с крыши, я был готов аплодировать ему.

— И зачем вы рассказали о нем? — спросил я.

— Можно, конечно, покинуть Сан-Франциско и вернуться домой, но это буду уже не я. Я никого

не узна´ю, и меня не узнает никто.

Обернувшись, он посмотрел на город. Потрепал по голове цыпленка и хихикнул. Вдруг вдалеке прогремел выстрел, раздался топот копыт и женский крик, перешедший в похожий на кудахтанье смех.

— Большое сердце, полное жадности! — воскликнул мужичок и побрел в сторону города, исчезая в толпе.

Тем временем на берегу мужчина с кнутом снял шляпу и отошел в сторонку от мертвой лошади. Он смотрел на бесчисленные мачты, и в позе его угадывалась полнейшая неопределенность. Как я ему не завидовал.

Глава 37

Мы постучались в номер к Моррису, но нам никто не ответил. Тогда Чарли вскрыл замок, и мы проникли в комнату.

У двери были сложены в кучу туалетные принадлежности, воск и одеколон. Больше признаков того, что Моррис жил здесь, — сумок, одежды — мы не заметили. Окна были плотно закрыты, постель убрана. Такое чувство, что Моррис не ночевал в номере несколько дней. Странно, если не сказать подозрительно или страшно. Да, мы с Чарли опоздали с приездом, но ведь и Моррису дали четкие указания: ждать нас, как бы долго мы ни задерживались в пути. И не в обычае Морриса нарушать приказы Командора.

Я предложил спросить у хозяина, не оставил ли Моррис какой-нибудь записки для нас. На что братец ответил: дескать, иди, сам спрашивай. Я уже взялся за ручку двери, когда заметил торчащий из стены, возле которой стояла кровать, большой рожок черного цвета. В его нутре висел начищенный до блеска медный колокольчик. Табличка под рожком сообщала:

ПОЗВОНИТЕ В КОЛОКОЛЬЧИК И ГОВОРИТЕ В РАСТРУБ

Делать нечего, я последовал инструкции — звон колокольчика наполнил комнату. Перепуганный, Чарли выгнул шею и уставился на рожок.

— Ты что делаешь? — спросил братец.

— Говорят, на востоке в гостиницах эта система давно работает.

— Система? Какая система?

— Потерпи.

Прошло мгновение, и из глубин гостиницы раздался далекий хриплый женский голос:

— Да, слушаю, мистер Моррис!

Чарли начал озираться по сторонам.

— Гд е оно? В стене? Кто говорит?

— Я слушаю! — повторил голосок. — Что вам угодно?

— Ответь, — поторопил меня Чарли, но я вдруг ощутил такую робость, что сделал братцу жест — говори, мол, сам. Чарли произнес: — Эй! Вы меня слышите?

— Слышу, но плохо. Говорите, пожалуйста, в раструб.

Чарли вошел в раж, ситуация начинала его забавлять. Встав с кровати, братец подошел к рожку и уткнулся в него лицом.

— Так лучше? — спросил он.

— Намного, — ответил голос. — Чем могу служить, мистер Моррис? Хорошо, что вы наконец вернулись. Мы забеспокоились, увидев, как вы уходите с тем странным бородатым коротышкой.

Тут мы с Чарли переглянулись, и братец снова произнес в рожок:

— Я не мистер Моррис, мэм. Я приехал его навестить. Мы с мистером Моррисом оба из Орегона, работаем на одного человека.

Последовало молчание.

— А где мистер Моррис? — спросил голос.

— Этого я не знаю.

— Мы только что сами приехали, — не утерпев, вклинился я.

— Кто это? — спросил голос.

— Это мой брат, — сказал Чарли.

— Так вас уже двое?

— Нас всегда было двое, — ответил я. — Сколько себя помню, у меня всегда был брат.

Ни Чарли, ни женщина юмора не поняли. Я будто и не шутил вовсе. Женщина тем временем сварливо поинтересовалась:

— Кто пустил вас в номер мистера Морриса?

— Дверь была не заперта, — соврал Чарли.

— И что с того? Нельзя просто так входить в комнату, которую снимает другой человек, и пользоваться его переговорным устройством!

— Примите наши извинения, мэм. Нам была назначена встреча с мистером Моррисом несколько дней назад, но мы порядочно задержались в дороге. Так торопились увидеть его, что напрочь позабыли о приличиях.

— Мистер Моррис не упоминал ни о каких встречах.

— А с чего ему о них упоминуть?

— Гм… — промычал голос.

Чарли продолжил:

— Вы сказали, что он ушел вместе с бородатым коротышкой. Этого коротышку зовут Варм? Герман Варм?

— Я не спрашивала, как его зовут, и он сам не представился.

— Какого цвета у него борода? — спросил я.

— Это снова ваш брат?

— Борода у коротышки рыжая? — надавил я.

— Рыжая, рыжая.

— И давно мистер Моррис отсутствует? — спросил Чарли.

— Сегодня четвертый день как. Он оплатил проживание в номере до завтрашнего утра. Когда

я узнала, что его какое-то время не будет, то предложила возместить плату за пропущенные дни, однако мистер Моррис отказался. Вот истинный джентльмен.

— И он не оставил для нас ничего?

— Не оставил.

— И не сказал, куда направляется?

— На Светящуюся реку. Сказав это, он рассмеялся, а вместе с ним и тот коротышка с рыжей бородой. Почему, я так и не поняла.

— Так они вместе смеялись?

— Рассмеялись они одновременно и, я так полагаю, над одним и тем же. Я поискала реку на карте и не нашла.

— Мистер Моррис сам уходил? По своей воле? Его не принудили?

— Вроде бы сам.

Поразмыслив, Чарли сказал:

— Занятная вещь — дружба.

— Как по мне, тоже, — согласился голос. — Поначалу мне казалось, что мистер Моррис этого коротышку на дух не выносит, а потом вдруг они сделались неразлучны. Часами просиживали, запершись в номере.

— Он точно не оставил нам никаких указаний?

— Оставил бы — я бы знала, — надменно ответила женщина.

— То есть мистер Моррис вообще ничего не просил передать?

— Я такого не говорила.

Пристально посмотрев в раструб рожка, Чарли произнес:

— Мэм, будьте столь любезны, скажите, что оставил мистер Моррис?

Я слышал, как она пыхтит по ту сторону рожка.

— Книжку, — ответила наконец женщина.

— Что за книжку?

— Такую, в которой он делал заметки.

— Какие же?

— Не знаю. Знала бы — не сказала.

— То есть это личные записи, верно?

— Вот именно. Едва поняв это, я тотчас закрыла ее.

— Но что-то вы успели прочесть, а?

— Узнала, что в начале пути до Сан-Франциско погода выдалась не слишком приятная. Я смущаюсь читать подобные приватности, и тайны постояльцев уважаю.

— Да, да, конечно.

— Я не смею подводить клиентов и храню их

личные дела в секрете.

— Понимаю, понимаю. Впрочем, где сейчас эта книга?

— У меня. В комнате.

— Буду премного благодарен, если вы нам ее покажете.

Женщина помолчала.

— Думаю, я не имею права исполнить вашу просьбу.

— Говорю вам: мы друзья мистера Морриса.

— Что же он для друзей записочку не оставил?

— Так, может, он им оставил книгу?

— Книгу он забыл. В спешке. Я нашла ее в простынях, в изножье кровати мистера Морриса. Он явно убегал и сильно торопился, постоянно оглядываясь через плечо. Если я все правильно поняла, то убегал он от вас двоих.

— То есть книгу вы не покажете?

— Я сохраню верность своему гостю.

— Что ж, ладно, — ответил Чарли. — Тогда принесите нам, пожалуйста, обед в номер. И по кружке эля.

— Вы остановитесь у нас?

— На ночь точно. Этот номер сойдет.

— Что, если мистер Моррис вернется?

— Если он и впрямь ушел с Вармом, то нет, не

вернется.

— И все же вдруг возвратится?

— Тогда прилично заработаете на шампанском, ибо мы намерены как следует отметить встречу.

— Вам обед горячий или холодный?

— Горячий. И две кружки эля.

— Значит, два полных горячих обеда?

— И две кружки эля.

Женщина позвонила в колокольчик, давая знак, что разговор окончен. Чарли же снова прилег на кровать. Я спросил, что он думает о случившемся.

— Что думать, я и не знаю. Надо для начала взглянуть на записи Морриса.

— Вряд ли хозяйка нам их покажет.

— Не торопи события, братец.

Открыв окно, я выглянул наружу и вдохнул соленый воздух. Гостиница стояла на крутом холме, и видно было, как толпа китайцев — с косичками, в шелках и замызганных тапочках — толкает вверх по склону быка. Животное в гору идти не желало, и косоглазые лупили его ладонями по крупу. При этом они перекрикивались, и голоса их напоминали птичий хор, странный и совершенно чужой. Своей чуждостью китайский язык и показался мне очаровательным, хотя, наверное,

сами косоглазые просто отчаянно матерились.

В этот момент постучали. В номер вошла дородная женщина, очень плотно поджимающая губы. Она принесла нам обед, горячий, если не сказать обжигающий. Прохладный эль был очень вкусный — я залпом опорожнил половину бокала. Потом поинтересовался у хозяйки, во что мне встал этот большой глоток. Женщина, присмотревшись к бокалу, ответила:

— Три доллара. Целиком обе ваши порции — семнадцать.

При этом она взглянула на нас так, словно ждала немедленного расчета. Чарли поднялся и вручил ей двойного орла. Когда же хозяйка полезла в карман за сдачей, братец перехватил ее руку и заверил, что сдачи не надо, пусть это послужит компенсацией за нашу грубость и проникновение в комнату без хозяйского ведома. Сдачу женщина приберегла, однако спасибо не сказала. Напротив, мы ее как будто обидели. Стоило Чарли протянуть вторую двадцатку, и лицо женщины сделалось каменным.

— Это что еще такое? — спросила она.

— Плата за книжку.

— Сказано было: вам ее не заполучить.

— И не надо, мэм. Оставьте книгу при себе. Мы

лишь взглянем на записи одним глазком.

— Не видать вам их, как своих ушей!

Пальцы ее сжатых в кулаки рук покраснели от напряжения. Здорово мы эту бабу разозлили. Громко топая, она чуть не выбежала из комнаты.

Торопится, поди, собрать если не всех, то хотя бы половину работников и похвастаться: мол, смотрите, какого стойкого и морального духа ваша хозяйка! Мы же с Чарли присели обедать. Мне стало жаль хозяйку, ибо судьба ее ждала незавидная. Чарли, заметив мое озабоченное выражение на лице, произнес:

— Я честно пытался обстряпать дело по-доброму.

Что ж, не поспоришь. Ничем особенным — кроме цены, разумеется — обед от прочих съеденных нами прежде не отличался. Когда же пришла хозяйка, чтобы забрать тарелки, Чарли поднялся ей навстречу. Гордо вскинув голову и посмотрев на моего братца свысока, женщина спросила:

— Ну, чего вам?

Чарли не ответил. Он просто очень сильно ударил ее в живот. Женщина согнулась пополам и рухнула на стул, кашляя и пуская слюни, пытаясь опомниться. Я поднес стакан воды, заодно прося прощения и объясняя, дескать, дневник Морриса

нужен нам позарез. Чарли добавил от себя:

— Надеюсь, больше не придется причинять вам вреда, мэм. Но и вы поймите: дневник так или иначе мы заберем.

Вряд ли смысл этих слов дошел до нее. Оскорбленная, возмущенная, хозяйка, поди, не слышала Чарли. Впрочем, когда я сопроводил женщину до ее комнаты, она молча отдала дневник Морриса. Я всучил ей двадцать долларов для очистки совести. Вряд ли женщина так запросто успокоится, все же рука у Чарли тяжелая, но я настаивал, и деньги хозяйка приняла. Ни мне, ни Чарли бить слабых не нравится — это чистейшая подлость. На хозяйку мы напали вынужденно. В этом вы убедитесь, если станете читать дальше.

Ниже привожу дословные цитаты из дневника Генри Морриса: его записи, относящиеся к делу, повествующие о непонятном и неожиданном сговоре с Германом Кермитом Вармом и о том, как Командор потерял верного соглядатая и любимчика.

Глава 38

** С неделю я приглядывал за Вармом одним глазом, а сегодня он неожиданно сам приблизился ко мне. Я спокойно шел через вестибюль гостиницы, как вдруг он возник сбоку и подхватил меня под локоть: ни дать ни взять джентльмен, ведущий даму по неровной тропинке. Само собой, будучи безмерно удивленным, я вздрогнул, и Варм взглянул на меня обиженными глазами. «Так мы помолвлены али как?» — спросил он. Всего девять утра, а он, было видно, успел нализаться. Я потребовал, чтобы Варм перестал за мной следовать, и сам же, не менее его, поразился этой фразе. Я уже несколько дней чувствовал, как он шпионит за мной, однако в тот момент даже не думал высказывать ничего подобного. Впрочем, по виноватому выражению на лице Варма я понял: он уязвлен в самое сердце. Отлично, я дал ему достойный отпор. Тут Варм попросил одолжить доллар, но я отказал. Он, получив ответ, учтиво приподнял старенький пыльный цилиндр, сунул большие пальцы в кармашки жилетки и, гордо вскинув голову, покинул гостиницу. Пройдя под навесом, он остановился и встал на*

улице, видимо, погреться на солнышке. Широко и с явным удовольствием Варм раскинул руки, словно желая впитать солнечные лучи. В этот момент мимо проезжала повозка с мусором, и он так ловко вскочил на нее сзади, что кучер и не заметил. Нельзя не признать, красиво ушел этот Варм, однако целиком и в общем впечатление он произвел на меня еще худшее, чем когда я первый раз увидел его. И дело вовсе не в выпивке, скорее в пренебрежении гигиеной. Запашок от него тот еще. Не удивлюсь, если Варм скончается еще до приезда тех двоих из Орегона.

* * *

Сегодня день выдался страннее некуда. Утром Варм вновь поджидал меня в вестибюле. Спускаясь, я заметил его первым и успел рассмотреть. Внешне он разительно переменился в лучшую сторону: выкупался, вычистил и починил одежду, навел лоск на лице и аккуратно расчесал бороду. Это был совершенно иной человек, совсем не тот, который приставал ко мне днем ранее. Заметив же меня, он ринулся навстречу через вестибюль. Схватил меня за руку и принялся рассыпаться в извинениях за вчерашний недостойный поступок. Извинения я принял и тем искренне растрогал

Варма. Поразительно, но я и сам растрогался, ибо видел перед собой совершенно иную ипостась человека, которого, казалось, успел изучить и довольно тщательно. Варм еще больше удивил меня предложением угостить обедом. Голода я не испытывал, однако приглашение принял, поскольку не терпелось узнать, что за поворот судьбы так переменил прежде столь гнусного и нищего человечишку.

Варм повел меня в ресторан. Совершенно убогое заведение, можно сказать, нужник под названием «Черный череп». Его тепло приветствовал владелец, вонючий, одноглазый, с повязкой в красно-черную шашечку и без единого зуба во рту. Сей сомнительный тип поинтересовался у Варма, как продвигается некая «работа». На что Варм ответил одним словом: «Кипит». Мне это ровным счетом ни о чем не сказало, зато владельца порадовало определенно. Он провел нас к дальнему столику за ширмой и принес две миски безвкусного рагу и буханку хлеба. (Хлеб откровенно попахивал плесенью.) Денег с нас не взяли, а когда я спросил у Варма о природе его дружбы с владельцем «Черепа», тот шепотом поведал, дескать, пока еще не видно, однако есть «сильное предчувствие, что кончится дружба ничем».

После обеда, когда хозяин убрал со стола и задернул для нас ширму, веселость Варма куда-то испарилась. Он сделался серьезен и суров. Помолчав с полминуты и собравшись с мыслями, он заглянул мне в глаза и признался: «Да, вы угадали, я и правда за вами шпионил. Поначалу думал выведать ваши слабости, намеревался убить или нанять кого-нибудь для этой работенки». Стоило только поинтересоваться: зачем Варму моя смерть, как тот ответил: «Я же с первого взгляда раскусил в вас посланника Командора». «Командора? — непонимающим тоном переспросил я. — Какого еще Командора?» Покачав головой, Варм дал понять, что не верит моему притворству, и продолжил: «Мои чувства к вам, мистер Моррис, быстро переменились, и я скажу почему. Вы очень честный человек. Вот, скажем, когда один желает другому доброго утра, он улыбается, но стоит людям разойтись, как улыбка с губ слетает. Все потому, что улыбка поддельная и человек — лгун. Понимаете, о чем речь?» «Все так поступают, — возразил я. — Улыбаться нам велит воспитанность». «Вы не такой, мистер Моррис. У вас на устах улыбка хоть легкая, но держится еще долго после приветствия. Вы подлинно радуетесь встрече с кем бы то ни было.

Я замечал за вами подобное множество раз и думал: вот бы мне такого честного человека в соратники. Я бы тогда враз довел работу до конца. Вчерашним утром я намеревался сделать вам предложение, но, как вы помните, совсем забыл, ради чего пришел. Жутко переживал и боялся встречи с вами, вот и решил: стаканчик для храбрости не повредит. — Он опустил взгляд. — Сегодня же поутру я проснулся у себя в лачуге, охваченный жгучим стыдом. Мне и прежде случалось напиваться и приставать к людям, однако на сей раз я пережил иные чувства. Совесть ела меня поедом… О, надеюсь, никогда ее так больше не будить. Я словно головой ударился о потолок, достигнув предела. Возненавидел себя так, что дальше некуда. Зовите это как угодно, хоть прозрением, откровением. Неважно. Главное — сегодня утром я клятвенно пообещал себе изменить жизнь, очистить тело, разум и поделиться с вами секретом. Вы честный человек, а такой-то мне сейчас и нужен больше всего».

И не успел я ответить на эту страстную речь, как Варм извлек из кармана несколько сильно мятых листков бумаги. Разложил их передо мной и попросил взглянуть. Испещренные загадочными письменами, цифрами, вычислениями и рисунка-

ми, бумаги сообщали непонятную мне информацию. Пришлось признаться в этом: «Боюсь, мне ваши записи ровным счетом ни о чем не говорят». «Перед вами, — пояснил Варм, — краеугольный камень невероятно важного открытия». «Какого же?» — спросил я. «Нам предстоит, возможно, самое значимое событие в мире науки». — «Так что же это?» Кивнув, Варм собрал листки в неаккуратную стопочку и небрежно спрятал за пазуху. Хихикнул и посмотрел на меня так, словно и в самом деле считал меня очень умным. «Прусите устроить демонстрацию», — убежденно произнес он. «Нет, не прошу». — «И все равно, я вам ее устрою». Встав из-за стола, Варм вынул из кармана брегет и попрощался: «Мне пора. Завтра утром навещу вас в номере и покажу свое открытие в действии. После выслушаю ваше мнение и вердикт». «Вердикт о чем?» — спросил я, потому как представить не мог, что мне предлагают. Варм в ответ лишь покачал головой и заверил меня: «Завтра утром все и обсудим. Такой распорядок вас устроит?» Я сказал этому чудаку, что да, устроит, и он, крепко пожав мне руку, умчался прочь по каким-то безотлагательным делам. Проталкиваясь через прочих посетителей к выходу, Варм смеялся.

* * *

Не успел я утром встать с кровати, как Варм постучался в дверь. Со вчерашнего дня он как будто расцвел еще пышнее, и проявилось это в том, что на голове у него сидел новенький цилиндр. Я поздравил Варма с обновкой, и тот, сняв шляпу, стал хвастаться: мол, посмотрите, какие у него стежки изнутри, а какой мягкий обод из телячьей кожи, да и вообще сей атрибут благополучия сидит что надо. На вопрос: что стало со старой шляпой, Варм предпочел не отвечать. Лишь когда я настоял, он поведал о том, как вчера подстерег на улице голубя. Пока ничего не подозревающий птах грелся на солнышке, Варм набросил на него цилиндр. Голубь, не в силах избавиться от гнета, побежал тем не менее прочь. Варм же забавлялся, наблюдая, как его старый головной убор огибает угол дома и скрывается в неведомом направлении. И пока он рассказывал историю избавления от шляпы, я заметил у его ног крытый ящичек. Спросил: что это? Тут Варм вздел кверху палец и произнес: «Кстати, да».

Он занялся приготовлениями к демонстрации загадочного открытия, и вскоре на поставленном в центре комнаты обеденном столике

расположилось содержимое ящичка, а именно: деревянная шкатулка трех футов в длину и двух в ширину; джутовый мешочек, полный свежей земли; еще мешочек — уже из красного бархата — и жестяная фляга. Я направился к окну, хотел раздвинуть шторы, но Варм попросил оставить все как есть. «Так, — сказал он, — наша тайна сохранится, заодно и демонстрация пройдет как надо».

Насыпав в шкатулку земли на две трети, Варм утрамбовал ее, тщательно выровняв поверхность. Затем, вручив мне бархатный мешочек, попросил взглянуть на содержимое. Внутри лежала золотая пыль, о чем я не преминул сказать. Варм забрал у меня мешочек и высыпал его содержимое в землю. Пораженный, я спросил, зачем это? Варм не ответил, лишь велел запомнить, что золото лежит на земле аккуратным кружком. Он засыпал его оставшейся землей и целых пять минут утрамбовывал поверхность, пока та не сделалась твердой, как глина. Он потратил прилично сил и весь вспотел. Закончив же, залил шкатулку почти по самые края водой из моего умывального таза. Когда Варм завершил эти таинственные действа, он отступил и улыбнулся при виде моей озадаченной физиономии. «Перед

нами модель старательского участка, — сказал наконец Варм. — В миниатюре мы видим то, что свело с ума полмира. В чем основная задача старателя? Найти способ извлечь на свет то, что лежит в земле у него под ногами. Имеется два известных способа: вкалывать до посинения или надеяться на удачу. Первый требует слишком многого, второй ненадежен. Я же несколько лет потратил на то, чтобы выявить третий, более простой и верный». Подняв флягу, он отвинтил крышку. «Поправьте меня, мистер Моррис, если ошибаюсь, однако при помощи своей смеси я намерен осуществить задуманное». Варм передал мне флягу, и я спросил: «Мне из нее отпить?» На это он ответил: «Только если хотите принять болезненную смерть, а так не советую». «Значит, это не укрепляющее средство?» — спросил я. «Это средство, несущее свет», — ответил Варм, и как же странно прозвучал его голос! Как что-то потустороннее.

В горле у Варма перехватило, и на висках взбухли жилки. Склонив голову, он вылил из фляги в шкатулку сильно пахнущую багрянистую жидкость. Она была гуще воды, однако быстро с нею смешалась и растворилась. Тридцать долгих секунд я пристально вглядывался в воду, однако

ничего не происходило. Я посмотрел на Варма. Тот следил за шкатулкой из-под полуопущенных век, словно дремал. Собираясь выразить ему свои соболезнования, ибо эксперимент, по всей видимости, закончился неудачно, я открыл уже рот и тут заметил в глазах Варма отражение слабого золотистого блеска. Свечение, исходящее на самом деле из шкатулки, постепенно набирало силу. Сердце мое подскочило к самому горлу: сквозь плотный слой земли под водой сиял ровный золотой круг!

*Демонстрация привела меня в полнейший восторг. Я буквально зас**ы**пал Варма сбивчивыми вопросами и похвалой, чем здорово польстил ему. Варм сразу изложил планы относительно того, как он собирается применить чудодейственную жидкость: отыскать тихое местечко на реке, запрудить определенный ее отрезок и под покровом ночи вылить в воду золотоискательную смесь (очевидно, в бульших количествах). Далее, когда смесь возымеет действие, Варм не спеша войдет в реку и соберет золото. Свечение, пояснил он, длится всего несколько драгоценных минут, но и тех должно хватить. Больше не придется гнуть спину неделями. Выработав один участок, Варм перейдет к следующему, потом к другому и так*

пока не наберется гора золота нужного размера. После Варм продаст секретную формулу за миллион долларов и проживет остаток жизни, почивая на лаврах и в неге заслуженных успехов.

Я дрожал. Закружилась голова. Я признался Варму, что его изобретение воистину потрясает. Остался лишь один вопрос, задавать который я не спешил. Боялся оскорбить человека, нарушить торжественную атмосферу, воцарившуюся в комнате, однако не спросить просто не мог и потому решился: «Отчего вы столь откровенны со мной? Откуда знаете, вдруг я разболтаю вашу тайну и предам ваше доверие?» «Я уже говорил, почему взял в долю вас, — ответил Варм. — Мне было необходимо с кем-то поделиться планами, посвятить в дело, и смею надеяться, вы — тот, кто нужен». «Однако я слежу за вами, и мне за это платит человек, который уже выслал по вашу душу головорезов!» — воскликнул я. «Все верно, и тем не менее позвольте спросить: Командор назвал повод для моего убийства?» — «Он говорит: вы — вор». — «И что же я такого ценного украл?» — «Командор не соизволил мне сказать». — «Он не сказал, потому что нечего говорить, — решительно заявил Варм. — Он откровенно лжет, будто я вор. Я лишь отказался выдать рецепт

золотоискательной жидкости. Полгода назад в Орегоне я пришел к Командору и попросил взаймы денег на поездку в Калифорнию. Для убедительности провел демонстрацию, идентичную той, какую вы только что наблюдали. Думал, делаю справедливое и щедрое предложение: в обмен на оплату экспедиции я пообещал половину найденного золота. Командор воодушевился и был согласен оплатить все расходы, но стоило мне отказаться выдать формулу, как он пришел в ярость. Нацелил мне в лоб револьвер. Правда, пьяный, он не сумел как следует прицелиться и даже толком не стоял на ногах. Он покачнулся, и я, поймав момент, метнул ему в лицо пресс-папье со стола. Повезло, попал прямо в лоб. И он рухнул передо мной на колени. Когда я бежал вниз по устеленной коврами лестнице, перемахивая через три ступеньки за раз, он орал мне вслед: „Не уйдешь, Варм! Ты мой! За тобой придут, усмирят и отнимут формулу!“ Я нисколько не сомневался в словах Командора и потому не удивился вашему, мистер Моррис, появлению. Удивило и удивляет меня другое: как человек вроде вас может посвящать свою жизнь служению палачу и тирану?»

История, рассказанная Вармом, показалась мне правдивой: с полгода назад Командор и правда

носил на лбу повязку.

Я походил немного по комнате, размышляя и прикидывая шансы. Да, Варм заставил меня крепко задуматься. Наконец я спросил, далеко не спокойным тоном: «Чего же вы от меня ждете? Чем я вам помогу?» — «По-моему, все просто, — ответил Варм. — Я беру вас в дело партнером, пятьдесят на пятьдесят. Вы возьмете на себя расходы в нашем нелегком предприятии, потому как затраты на одну только еду поглотят все мои скудные сбережения. На время я подселюсь к вам в номер и заготовлю побольше золотоискательной жидкости. Мне потребуется ваша помощь в качестве ассистента. Также мне нужна будет ваша физическая сила, когда мы разобьем лагерь у реки. Еще вы станете голосом и лицом нашего предприятия, ибо у вас дар, каким я от природы обделен: вы складно говорите и доходчиво объясняете. Возьмете на себя получение патента, хождение по конторам, ведь нужно заключать контракты, а я во всей этой кутерьме и рукотворной бумажной паутине запутаюсь и все испорчу. Но это после. Сейчас нам предстоит проверить, так ли хороша моя смесь в реальных условиях». — «Вы представляете, как Командор отнесется к нашей сделке? — спросил

я. — Хорошо понимаете, чего от меня просите?» Тут Варм положил мне руки на плечи и произнес: «Вы не слуга на посылках у тирана, мистер Моррис. Вы достойны лучшего. Мир ждет, идемте со мной, боритесь за свободу. Награда стоит того, и деньги, богатство — лишь малая ее часть». Мое сердце преисполнилось тяжести, и Варм, понимая, что мне требуется время на раздумья, покинул номер. Обещал прийти за ответом следующим утром.

Я же опустился на кровать и стал смотреть, как постепенно гаснет свечение в шкатулке.

* * *

Прошло уже несколько часов, а я как сидел, так и сижу. Ответ прямо передо мной. Он очевиден и в то же время требует неизмеримой смелости. Мне не к кому обратиться за советом, и решение я принимаю сам. Как же мне нелегко.

* * *

Ночью я почти не сомкнул глаз. Утром пришел Варм. Я дал ему согласие отправиться к Светящейся реке. Он истинный гений, сомнений нет. Да, мне отвратно нарушать долг, однако я следую

велению сердца. В конце концов, ради чего я живу? В прошлое мне остается смотреть с презрением: меня вели, мной распоряжались. Хватит, отныне моя жизнь принадлежит только мне. Сегодня я заново родился и вновь беру судьбу в свои руки. Я изменился, я другой, и прежним мне не стать.

Глава 39

В полной тишине мы с Чарли переваривали занимательную историю Морриса. Затем я подошел к обеденному столику и пальцем провел по крышке. Она была присыпана земляной пылью. Я показал трясущуюся руку Чарли.

— Верю я, верю, — сказал он. — Командор дал четкое указание: прежде чем убить Варма, необходимо вытянуть из него любыми средствами, причиняя какую угодно боль, некую формулу. Я спросил, что за формула такая, но Командор ответил, мол, не мое это дело. Сказал: Варм поймет. Когда же я добуду формулу, мне предстоит беречь ее как зеницу ока.

— Почему ты сразу мне ничего не сказал?

— Командор не велел. Да и зачем тебе? Начальник напустил такого тумана, что я сам даже ничего не смог понять. Командор никогда не действует просто, его приказы для меня — загадка. Помнишь, как в позапрошлый раз я для начала ослепил человека и только потом прикончил его?

— Командор велел?

Братец кивнул.

— Он сказал, что жертва поймет смысл послания: надо подержать ее в темноте и лишь затем нашпиговать пулями. Задание с формулой показалось мне очередным чудачеством, и я не придал ему значения.

Встав с кровати и заложив руки за спину, Чарли подошел к окну, выглянул на склон холма. Постоял немного в тишине и наконец заговорил тихо и мрачно:

— Знаешь, братец, я всегда убивал врагов Командора почти с удовольствием. Они злодеи чуть меньше Командора, но и хорошего про них ничего не скажешь. Ни чести в них, ни сострадания. Но убивать человека только потому, что он гений, мне не по душе.

— Мне тоже, братец. И я рад слышать от тебя эти слова.

Чарли шумно выдохнул носом.

— Что делать-то будем?

— А что, по-твоему, нам делать?

Ни я, ни Чарли ответить пока не могли.

Глава 40

«Черный череп» мы нашли точно таким, как его описывал Моррис: постройка с односкатной крышей, собранная из деревянного и жестяного хлама, приткнувшаяся в узком переулке промеж высоких кирпичных зданий. В их тени «Череп» словно медленно умирал и разваливался. Точно так же никакого впечатления не производило внутреннее убранство. Или производило, но уже отрицательное: разномастные столы и стулья, из трубы печи на убогой, страшной кухоньке сочился едкий черный дым. Входили мы не голодные и таковыми остались, в воздухе сильно пахло кониной. Хозяин — одноглазый, с повязкой в шашечку — нашелся в углу, где он стоял с высокой и невероятно красивой женщиной, неуместно хорошо одетой в платье из зеленого шелка без рукавов. Эти двое так увлеклись какой-то игрой, что не заметили нашего приближения.

Женщина своим видом — не только платьем — просто поражала. Руки ее были настолько чудесны и утонченны, что мне сразу захотелось к ним прикоснуться. Лицо, необычайно прелестное, имело индейские черты, а взгляд… Стоило

женщине обратить на меня взор своих зеленых глаз, как я невольно отвернулся. Она словно смотрела сквозь меня, куда-то вдаль. Я же будто с головой окунулся в ледяную воду.

Хозяин тем временем мельком посмотрел на нас и, машинально кивнув, вернулся к игре. Сейчас я вам ее опишу. Женщина вытянула руки ладонями кверху. На правой у нее лежал лоскуток зеленой ткани (той же, из которой было пошито платье) с краями, обметанными плотной золотистой нитью. Было в этом лоскутке нечто притягательное и завораживающее, и я поглядывал на него с улыбкой. Точно так же на него смотрел хозяин «Черепа». Чарли, однако, умудрялся хранить на лице обычную недружелюбную мину.

— Готов? — спросила женщина у владельца.

Тот уставился единственным глазом на лоскуток и напрягся всем телом. Потом кивнул и произнес:

— Готов.

Стоило ему ответить, как лоскуток замелькал в руках у женщины. Кусочек ткани проскальзывал у нее меж пальцев, перетекал из ладони в ладонь, да так юрко, что простым глазом и не углядишь. Вот наконец женщина сжала кулаки и протянула

их в сторону хозяина.

— В котором? — спросила она низким невыразительным голосом.

— В левом, — ответил хозяин.

Женщина раскрыла левый кулак. Пусто. Тогда она разжала правый, и на ладони развернулся золотисто-зеленый квадратик ткани.

— В правом, — сказала она.

Вручив женщине доллар, владелец попросил:

— Еще раз.

Женщина протянула к нему руки ладонями вверх.

— Готов?

Хозяин ответил, что готов, и они с женщиной сыграли новый кон. На сей раз я следил за лоскутком более внимательно. Владелец, должно быть, заметил это и предложил самому угадать, в каком кулаке тряпочка. Женщина вытянула перед собой кулаки. Я, уверенный, что знаю верный ответ, с радостью вступил в игру.

— Вот в этом, — сказал я, показав. — В правом.

Женщина раскрыла правый кулак. Пусто. Лоскуток прятался в левом. Я полез в карман за долларом, желая сыграть кон, однако владелец меня остановил:

— Я с ней еще не закончил.

— Я всего один кон сыграю.

— Ты уже сыграл его.

— Тогда второй и потом третий.

Владелец пробурчал:

— Мое время с этой дамой проплачено. Вот когда оно истечет, можешь попробовать силы, а пока отойди. Мне надо сосредоточиться как следует. — Он обернулся к женщине и, отдав ей доллар, сказал: — Поехали.

И вновь лоскуток замелькал у нее в пальцах. Я же, приняв роль пассивного наблюдателя, принялся следить за ее руками, как никогда в жизни ни за чем не следил. Когда же наконец женщина вытянула перед собой кулаки, я был готов поставить все свои деньги до последнего цента на то, что лоскуток у нее в левой руке.

— В левом, — сказал владелец.

Я чуть не ахнул от возбуждения. Увы, когда женщина раскрыла кулак, он оказался пуст. Владелец «Черепа» даже подпрыгнул с досады. (Он и правда слегка подпрыгнул на месте!) Я свои чувства постарался скрыть, однако внутренне тоже пал духом. Чарли следил за ходом игры, отчасти довольный, отчасти испытывая раздражение.

— И в чем смысл? — спросил он.

— Угадать, где тряпочка, — простодушно отве-

тил хозяин.

— По-вашему, это весело? И часто вы побеждаете?

— Еще ни разу не угадал.

— А играете часто?

— О-очень.

— Так вы просто сорите деньгами.

— Как и прочие транжиры. — Тут хозяин наконец присмотрелся к нам. — Чего изволите? Покушать пришли?

— Мы ищем Варма.

Услышав это имя, владелец заведения спал с лица, и в глазу его отразилась боль.

— Так это правда? — спросил он. — Ну что ж, оты́щите — передавайте от меня привет!

Произнес он эти слова с такой горечью в голосе, что Чарли не удержался и спросил:

— Вы с ним поссорились?

— Он ослепил и поразил меня своим трюком со светом и тенями, и после я много раз угощал его обедом. Хотя мог бы и догадаться, что останусь ни с чем.

— В чем состояла ваша сделка?

— Это личное дело.

Я предположил:

— Вы должны были сопровождать Варма к

Светящейся реке? Так?

Хозяин напрягся.

— Как вы узнали?

— Мы друзья Варма, — ответил Чарли.

— Кроме меня, у Варма друзей нет.

— Нас с ним связывают давние и приятельские отношения.

— Простите, но я вам не верю.

— Варм — наш друг, — сказал я. — И не только наш. Например, недавно он обедал здесь с неким мистером Моррисом. Припоминаете?

— Это тот мелкий щеголь?

— Мы слышали, что именно его Варм взял с собой на реку.

— Такого-то бабского угодника? Варм ни за что не доверил бы ему своих секретов. — Однако подумав некоторое время, владелец «Черепа», видимо, поверил нам. Тяжко вздохнув, он сказал: — Что-то я сегодня не в духе. Хочу побыть один и доиграть в игру. Вы, господа, ежели хотите кушать — присаживайтесь. Ежели нет — оставьте меня в покое.

— Может, знаете, куда точно отправился Варм проводить свои изыскания?

Хозяин не ответил. Он вернулся к игре, и когда руки женщины замерли, он назвал кулак:

— Правый.

— Левый, — ответила женщина.

Он выложил еще один доллар и потребовал:

— Заново.

Лоскуток заплясал в руках женщины.

— Мы думали навестить Варма на его прииске, — сообщил я.

В этот момент руки женщины остановились, и хозяин, глядя на ее кулачки, резко выдохнул:

— В левом!

— В правом.

— Скажите хотя бы, когда вы видели Варма последний раз? — попросил я.

— Вы что, не слышали моего желания остаться наедине с собой?

Чарли раскрыл полы сюртука, показывая револьверы.

— Лучше расскажите нам все, что знаете. Живо.

Хозяин не то чтобы не испугался, он даже не удивился при виде оружия.

— Герман предупреждал, что вы за ним приедете. Я ему не верил.

— Так когда вы видели его последний раз? — повторил я вопрос.

— Варм приходил дня четыре или пять назад.

Похвастался новой шляпой и сказал, что заберет меня с собой на реку следующим утром. Я, как дурак, сидел и ждал его в этом самом зале, а он не явился.

— Что за река, он так и не сказал? Не намекнул?

— Варм только твердил, что мы пойдем вверх вдоль его реки к источнику.

— Его река? Та, на которой у него прииск?

— Она самая.

— Что же вы не отправились вдогонку?

— Следовать за Вармом? Ну, догоню его, и что потом? Навязывать свою компанию? Нет, если бы Варм хотел взять меня с собой, он бы пришел. А так, он сделал выбор в пользу того, другого.

Чарли такое отношение к делу пришлось не по вкусу.

— А как же ваш уговор? — напомнил он. — Как же золото?

— Деньги меня не волнуют, — ответил хозяин. — Сам не знаю почему. Может, мне стоит уделять им больше внимания… Да нет, я-то искал приключений в компании близкого друга. Думал стать Варму преданным спутником.

Чарли скривился. Ему стало противно, и он отошел к бару выпить. Я же остался позади хозяина

— смотрел, как он проигрывает женщине доллар за долларом.

— Тяжело найти друга, — заметил я.

— Тяжелей всего на свете, — согласился одноглазый. — Давай еще, — обратился он к женщине, но уже без азарта.

Я оставил их и вышел на улицу. Чарли, выпив бренди, дожидался меня на дороге. Вместе мы пошли в сторону отеля мимо платной конюшни, где оставили Жбана и Шустрика. Заметив нас, конюх позвал:

— Это ваша лошадь?

Он поманил меня.

Мы с Чарли договорились встретиться на этом же месте через полчаса, и братец пошел осмотреться.

Глава 41

Я вошел в конюшню. Конюх — сутулый, кривоногий, конопатый и лысый мужичок в комбинезоне — осматривал глаз Жбана. Я подошел, и он кивнул в знак приветствия.

— Милый у вас конь, хороший, — сказал мужичок.

— Что с глазом?

— Вот о нем-то я и хотел потолковать. Глаз придется удалить. — Махнув рукой в сторону, он произнес: — Вниз по улице через две лавки найдете коновала.

Я спросил, во сколько станет операция, и конюх ответил:

— Долларов двадцать пять. Можете сами у врача спросить, но цену он назовет примерно ту же.

— Сам конь не стоит этих денег. Так и глаз не должен стоить дороже пяти.

— За пять я могу и сам вырвать глаз.

— Вы? А опыт есть?

— При мне вырывали глаз корове.

— И где проведете операцию?

— Прямо тут, на полу. Напоим коня опиатом, боли он не почувствует.

— Сам-то глаз как вырвете?

— Ложкой.

— Ложкой?! — переспросил я.

— Да, столовой ложкой, — кивнул конюх. — Я ее сначала обеззаражу, не сумлевайтесь. Поддену глаз, выну его, а сухожилия перережу ножницами — точно так же поступили с коровой. Потом док залил глазницу спиртом. Ну и корова аж вскочила! Док сказал, что мало дал ей выпить опиата. Но вы не бойтесь. Вашему коню нальем от души.

Я погладил Жбана по морде и спросил:

— А может, лекарство есть? Жбану и без того досталось, теперь еще и глаз рвать…

— Одноглазый конь — ездоку обуза, — признал конюх. — Самое мудрое — продать его на мясо. У меня есть лошадки на продажу. Если желаете — покажу. Цены божеские.

— Лучше глаз вырвем. Ехать нам осталось не далеко, так что Жбан еще послужит.

Конюх сбегал за инструментами для операции и разложил их на пледе, расстеленном тут же, у ног Жбана. Потом принес большую глиняную чашу с водой и растворенной в ней настойкой опиума. Пока Жбан пил, конюх отвел меня в сторонку и — как бы по секрету — шепотом предупредил:

— Как только ноги у него подогнутся, толкаем вместе. Нужно, чтобы конь упал прямо на плед, ясно?

— Ясно.

И мы принялись ждать, когда подействует настойка. Долго ждать не пришлось. Я бы даже сказал, времени прошло так мало, что мы растерялись. Жбан уронил голову, его повело, и он, с трудом переставляя ноги, прямо-таки рухнул на нас. Прижал всем весом к перегородке денника. Конюх обезумел. Покраснев, как глина, и выпучив глаза, он разразился отборным матом. Перепуганный насмерть, конюх отталкивал коня, а мне вдруг сделалось смешно, и я захохотал над его потугами. Над тем, как он, утратив всяческое достоинство, извивается, как пойманная в липкую ловушку муха.

Обиженный, конюх разъярился: он тут, понимаешь, за жизнь борется, а я смеюсь! Испугавшись, что бедолага может задохнуться или пораниться, я со всей дури шлепнул Жбана по крупу. Конь вздрогнул и выпрямился.

— Толкай! Толкай, чего стоишь?! — тут же заорал конюх.

Подавив смех, я что было мочи навалился плечом. Жбана мотало из стороны в сторону. Он не

мог устоять, но вместе с конюхом мы оттолкнули его прямиком на другую стенку денника. Затрещали, ломаясь под его весом, доски. И тут уже конюх спас меня: дернул за руку и оттащил в сторону, когда Жбан стал заваливаться обратно. Конь — теперь совсем без сознания — рухнул головой прямо на расстеленный плед.

Задыхаясь, исходя потом, конюх упер кулаки в бока и одарил меня взглядом, полным искреннего презрения.

— Разрешите поинтересоваться, сэр, какого черта вы пялились на меня и ржали?!

Глядя на него, такого донельзя расстроенного и обозленного, я только чудом не засмеялся вновь. Едва-едва сдерживая улыбку, я терпеливо произнес:

— Мне очень жаль, что так вышло. Просто ситуация показалась мне слегка забавной.

— Меня чуть конем насмерть не раздавило! Хорош аттракциён!

— Еще раз простите, что я смеялся над вами. — Дабы сменить тему разговора, я ткнул пальцем в сторону Жбана. — Зато как мы его метко уложили. Мордой да на плед.

Конюх покачал головой и, булькая слизью в горле, тихо прорычал:

— Какой, на хрен, метко? Больной глаз-то снизу. Как я теперь его вырву?

Сплюнув на пол, он долго смотрел на харчок. Похоже, задумался. О чем? Я решил загладить свою вину. Не столько ради знакомства, сколько ради Жбана. Не хватало, чтобы этот старикашка принимался за столь сложную операцию, будучи в гневе.

На стене висело несколько мотков веревки. Я снял один и начал связывать Жбану ноги, чтобы можно было поднять его и перевернуть с боку на бок. Конюх, разумеется, понял, на что я наметился, однако помочь не соизволил. Вместо этого он достал табак и бумагу и принялся сворачивать себе самокрутку. Папироску он готовил со всем усердием, на какое, наверное, только был способен. Целых пять минут я связывал ноги Жбану, и за это время с конюхом мы не перебросились ни словом. Вот надулся же! И стоило мне так подумать, как старичок подошел и вручил скрученную специально для меня папиросу.

— Только в сено пепел не стряхивай, — предупредил он.

Под крышей висела единственная лебедка. Мы перекинули через блок две веревки внахлест. Вдвоем ничего не стоило приподнять Жбана над

полом и перевернуть его на другой бок. Поработав на пару и покурив, мы с конюхом вновь сделались приятелями. Я понял, отчего он так разозлился. Просто мы с ним разные люди: то, что я нахожу смешным, иного честного человека повергнет в обморок.

Жбан лежал и посапывал, а конюх тем временем сбегал на кухню за ложкой, кипятившейся в котелке. Возвращаясь из кухни, он перебрасывал дымящийся «инструмент» из руки в руку, чтобы не обжечься. Я заметил, что пальцы у него грязные, однако не решился указать на нечистоплотность. Слишком уж дорожил хрупким союзом. Конюх же, подув на ложку, предупредил:

— От задних ног держись подальше. Если получится как с той телкой, то конь тебя может копытом насквозь пробить.

Конюх одним ловким движением поддел глазное яблоко и выковырял его. Крупное, круглое и блестящее, оно повисло на сухожилиях поперек морды Жбана. Н-да, зрелище не для слабонервных. Старичок тем временем оттянул глаз до предела. Сухожилия перерезал ржавыми ножницами, и остатки стрельнули обратно в череп. Конюх осмотрелся. Так и не найдя, куда бы при-

строить скользкий шарик, он спросил: не хочу ли я забрать глаз. Я ответил, что он мне и даром не нужен, и конюх вышел прочь из конюшни. Вернулся он с пустыми руками. Куда делся глаз, не сказал, да и я спрашивать не хотел.

Следующим делом конюх откупорил бутылку из коричневого стекла и плеснул содержимого Жбану в глазницу. Прошло секунд пять в тягостном ожидании, затем конь резко вскинул голову и выгнул шею.

— Иии-ги-ги! — пронзительно заржал он и задними копытами пробил стенку денника. Раскачавшись на спине, он, одурманенный, ослепший на один глаз, поднялся на ноги.

— Должно быть, спиртяга жжет дьявольски, — заметил конюх, — раз они сразу вскакивают. Я ж до черта опиата намешал!

К тому времени вернулся Чарли. Братец купил мешочек арахиса и теперь, молча встав позади нас, лузгал орешки.

— Что это со Жбаном? — спросил наконец Чарли.

— Мы вырвали ему глаз, — пояснил я. — Точнее, вот этот человек вырвал.

Братец прищурился, взглянул на морду Жбана и вздрогнул. Потом он предложил мне орешков.

Я зачерпнул горсть. Конюха тоже решили угостить. Он запустил было руку в мешочек, но тут Чарли заметил, что пальцы у него блестят от слизи, и подался назад.

— Лучше я вам отсыплю, ладно?

После того как и с конюхом поделились, мы встали треугольником. (Представьте: три взрослых мужика сосредоточенно лузгают орешки.) Впрочем, конюх не лузгал. Он жрал их только так, целиком, с кожурой. Жбан, стоявший в сторонке, вздрагивал: из опустевшей глазницы по морде стекал спирт. Тут он пустил струю себе под ноги, и конюх, смачно чавкая и хрустя арахисом, обернулся ко мне.

— Буду очень признателен, если заплатишь положенные пять долларов до вечера, — сказал он.

Я вручил ему денежку, и старичок поспешил спрятать монету в кармашек на изнанке комбинезона. Чарли же приблизился к Жбану и заглянул ему в глазницу.

— Надо бы ее набить чем-нибудь.

— Нет, — возразил конюх. — Сейчас на пользу пойдут свежий воздух и промывания спиртом.

— Черт, смотреть-то на него страшно.

— Ну так и не смотрите.

— Не могу, само смотрится… Может, повязку

наложим?

— Свежий воздух и промывания, — напомнил старичок.

Я спросил:

— Когда он оправится?

— А вам далеко ехать?

— К золотым приискам к востоку от Сакраменто.

— На пароме поплывете?

— Не знаю. Чарли?

Мой братец бродил по конюшне и чему-то загадочно улыбался. Не иначе пропустил еще стаканчик или все два. Вон какой веселый и дружелюбный. И вопроса моего, как пить дать, не слышал. Ладно, не стану наседать.

— Да, скорее всего, на пароме и поплывем, — сказал я конюху.

— Когда отправляетесь?

— Завтра утром.

— Достигнув приисков, спать собираетесь под открытым небом?

— Именно.

Конюх подумал немного и ответил:

— Слишком рано, конь не оправится.

Я погладил Жбана по морде.

— Так он вроде очнулся уже.

— Я ж не говорю, что конь не дойдет. С виду он крепкий. Однако, будь это моя животина, я бы ее с неделю выхаживал.

Чарли, нагулявшись, вернулся, и я попросил у него еще орехов. В ответ он перевернул мешочек вверх дном. Пусто.

— Где тут самый дорогой ресторан? — спросил братец у конюха. Тот аж присвистнул и почесал одновременно в паху и во лбу.

Глава 42

«Золотая жемчужина» словно купалась в вине: всюду бордовый бархат, над каждым столиком по люстре на сотню свечей; тарелки из тонкого фарфора, приборы из чистого серебра и шелковые салфетки. Обслуживал нас официант. Весь такой расфуфыренный и лощеный: кожа цвета слоновой кости, черный-пречерный смокинг, синие гетры и рубиновая булавка в лацкане, смотреть на которую было больно (так резало глаз отраженным в ее гранях светом). Мы заказали по стейку и вина, предварить которые следовало рюмочкой бренди.

— Замечательно, — произнес официант, несказанно польщенный и обрадованный, и записал заказ в блокнотик. — Просто замечательно.

Он щелкнул пальцами, и тут же перед нами поставили по хрустальной рюмке. Официант с поклоном удалился, однако я шкурой чуял: весь вечер, что мы познаём местную кухню, он, такой шустрый и раболепный, будет за нами приглядывать.

Пригубив бренди, Чарли сказал:

— Боже мой, ну и вкуснота.

Я тоже отпил и сразу почувствовал разницу. Этот бренди настолько отличался от выпитых мной прежде, настолько превосходил мои ожидания, что я подумал: а бренди ли это? Как бы там ни было, вкус мне понравился, очень, и я поспешил сделать второй, еще больший глоток. После, стараясь говорить непринужденно, спросил у Чарли:

— Ну, и как нам быть с заданием Командора?

— В каком смысле? — переспросил братец. — Доведем дело до конца.

— Он ведь нас обманул.

— А что ты предлагаешь, Эли? Не время сейчас рвать связи с Командором. По крайней мере, стоит сначала разобраться с этой Светящейся рекой.

Даже не работай мы на Командора, я бы все равно докопался до сути.

— Что, если Моррис и Варм преуспеют? Ограбишь их?

— Пока не знаю.

— Если же они потерпят неудачу, придется, думаю, прикончить их.

Чарли безразлично пожал плечами.

— Слушай, я и правда пока не думал!

Официант принес наши стейки. Чарли отрезал кусочек, отправил его в рот и замычал от удо-

вольствия. Я тоже попробовал мясо, однако разум мой был занят отнюдь не ужином. Пока Чарли в хорошем настроении, надо разобраться во всем.

— Я тут прикинул: если не говорить, что мы нашли дневник Морриса, то и в Орегон вернуться не стыдно. Даже с пустыми руками.

Чарли проглотил недожеванный кусок мяса. Настроения как не бывало.

— Какого хрена, Эли? О чем ты толкуешь? — спросил он. — Изволь-ка объясниться. Во-первых, что мы скажем Командору?

— Правду. Скажем, что Моррис бежал с Вармом, а куда — неизвестно. С какой стати нам искать их, если неизвестно, где они?

— Командор потребовал бы самое меньшее проверить участок Варма.

— Верно. Можем сказать, что были там и никого не нашли. Но если тебе так неймется, заглянем на прииск на обратном пути. Все равно Варм туда не сунется. Это я к чему: если преследовать Варма нас побуждает исключительно содержимое дневника, то сжечь его, и вся недолга. Забудем, что видели записи.

— А что, если дело не только в них?

— Для меня в них и только в них.

— Ты на что намекаешь, братец?

Я ответил:

— Сложим деньги из заначки Мейфилда и собственных сбережений, и не надо больше вкалывать на Командора.

— С какой стати?

— Ты же сам собирался. Помню, как ты обмолвился: «Я подумывал завязать…»

— Любой, кто имеет постоянную работу, нет-нет да подумывает об уходе.

— Пора нам завязывать, Чарли.

— А дальше? Дальше-то что? — Чарли выковырял застрявший в зубах кусочек жира и бросил его на тарелку. — Аппетит мне хочешь испортить?

— Откроем на пару факторию, — предложил я.

— Чего? Чего мы откроем?

— Подзадержались мы на службе у Командора. Оставили порядком и здоровья, и юности. Сейчас хороший шанс завязать.

Чарли все мрачнел и мрачнел. Я думал, он швырнет салфетку на стол и набросится на меня с кулаками. Однако на самом пике озлобленности внутренний голос шепнул ему что-то, и мой братец вернулся к еде. Он уписывал стейк за обе щеки. Мое же блюдо стыло едва початым. Доев, Чарли попросил счет и, невзирая на цену, заплатил за нас обоих. Я приготовился, что он скажет

какую-нибудь гадость, и в конце ужина дождался. Потягивая остатки вина, Чарли произнес:

— Значит, братец, ты решил выйти из дела? Скатертью дорога.

— А ты что же? Останешься и будешь дальше работать?

Чарли кивнул.

— Ну разумеется. Мне, правда, понадобится новый партнер. Рекс, думаю, сгодится. Он как раз просился в напарники.

— Рекс? — Я не поверил ушам. — Рекс? Он же как говорящая псина.

— Он верный, как псина.

— Нет, у него мозги, как у псины.

— Тогда возьму Санчеса.

Тут я закашлялся, да так, что вино вышло носом.

— Санчес? — отплевывался я. — Санчес?!

— Санчес — меткач, — проговорил Чарли.

Я от смеха схватился за живот.

— Санчес!

— Я просто вслух подумал, — поспешил оправдаться Чарли и покраснел. — Да, напарника не сразу найду, но ты свой выбор сделал, и я его уважаю. Командор тоже обрадуется. — Закурив сигару, братец откинулся на спинку стула. — Вот

закончим это задание, и все. Наши пути разойдутся.

— Ничего себе слова! «Пути разойдутся».

— Я останусь при Командоре, а ты сделаешься торгашом.

— То есть мы больше с тобой не увидимся?

— Ну почему же? Вот буду проездом в Орегоне, понадобится мне новая рубашка или кальсоны, обязательно к тебе загляну.

Братец встал из-за стола, а я подумал: правда ли он отпускает меня или просто подначивает? Не хочет терять меня как напарника? Я внимательнее присмотрелся к его позе и ответ на вопросы получил, заметив, что брови Чарли не хмурит и плечи у него свободно обвисли. Братец жалеет меня, такого мягкого и никчемного.

— Завтра утром отправляемся по следу Варма и Морриса, — сказал он. — Выполним работу, там и посмотрим, что к чему.

С этим он встал и направился к выходу. Я тоже поднялся, и сей же момент рядом возник официант: лощеный тип громко сопел, явно возмущаясь, что пропадает столь восхитительный стейк.

— Сэр! — окликнул он меня полным негодования голосом. — Сэр! Сэр!

Не слыша его, я вышел в неспокойную калифорнийскую ночь. Мелькали фонари на проносящихся мимо дилижансах, щелкал хлыст, воняло мочой и горелым жиром, и постоянно со всех сторон орали коты.

Я вернулся в комнату. Не застав Чарли, лег спать. На утро братец явился при параде: умытый, гладко выбритый и румяный. Движения его были четкие и плавные. Надо же, как изменился. Не вчерашний ли спор его так задел? Братец трезвый, встал рано утром… Ага, думает, я сегодня взгляну на него и на выбор по-другому. К совести хочет воззвать. Ан нет, погодите, рукоятки его револьверов сияют, и кобуры тоже начищены до блеска. Чарли всегда наводит лоск на оружии, когда работа близится к завершению. Он не потому лег спать трезвым, что хотел задобрить меня и умаслить, он просто во всеоружии готовится отправить на тот свет и Варма, и Морриса.

Тяжело поднявшись с кровати, я сел за столик напротив него. Смотреть в глаза братцу я не мог. Он предупредил:

— Дуйся, не дуйся — не поможет.

— Я не дуюсь.

— Еще как дуешься. Сделаем дело — обижайся на меня сколько влезет, а пока, будь добр, заткни

себя пробкой.

— Говорю тебе: я не дуюсь.

— То-то я смотрю, ты взгляд отводишь.

Я заставил себя взглянуть на него и тут понял, что Чарли-то чувствует себя превосходно. Ничем не мучается и сидит как у себя дома. Каков же я в его глазах? Растрепанный, взъерошенный, из-под грязной рубашки выпирает висячее брюхо, а в покрасневших глазах застыли недоверчивость и боль. На меня снизошло откровение: никакой я не убийца. Не был им и никогда не стану. Это Чарли. Он играл мной. Знал о моих слабостях и подначивал в нужный момент, как раззадоривают петуха перед боем. Сколько раз я стрелял в совершенно незнакомых людей, чувствуя при этом, как заходится в остервенелом, гневном ритме сердце лишь потому, что незнакомец целится в Чарли? Сколько раз я так защищал свою плоть и кровь? И это Рекс-то — собака? Чарли и Командор. По их воле я совершаю дела, за которые позже загремлю в ад. Представляю: они вдвоем греются в просторном зале особняка, курят сигары и хихикают надо мной. Я же торчу под дождем и обрастаю сосульками, оседлав пародию на лошадь. Да, так и было, взаправду было, и повторится еще не единожды. До тех пор, пока я не скажу: хватит.

— Это мое последнее дело, Чарли.

Он, и глазом не моргнув, ответил:

— Скатертью дорожка, братец.

Остаток утра мы провели в сборах. Я умылся, побрился, готовясь к пути, и за это время мы с Чарли не перебросились ни единым словом.

Глава 43

Конюх встретил меня у калитки денника.

— Как он? — спросил я.

— Спал хорошо. Как себя в пути покажет, не знаю, но держится лучше, чем я ожидал. — Тут он вручил мне бутыль со спиртом и напомнил: — Дважды в день: с утра и вечером, пока спиртяга не закончится. Привязываешь коня к чему-нибудь да покрепче, капаешь из бутылки в глаз, берешь ноги в руки и отбегаешь подальше.

— Вы уже промывали ему глаз?

— Нет, и не собирался. Вчера я просто показал, как это делается. Дальше ты заботишься о коне.

Желая поскорее покончить с утренней процедурой, я откупорил бутылку и шагнул было к Жбану, однако конюх остановил меня.

— Давай ты его на улицу сначала выведешь. Я только что одну дыру заделал, не хватало мне получить и вторую.

Старичок указал на жалкую заплату из обломанных досок на стене.

Я вывел Жбана на улицу и привязал его к коновязи. Веко у него запало, а по краям пустой глазницы застыла корка крови с гноем. Влив

под нее прилично спирта, я поспешил отойти подальше.

— Иии-ги-ги! — пронзительно заржал мой конь. Он принялся брыкаться, ссаться и сраться одновременно.

— Прости, — сказал я. — Прости меня, Жбан. Прости, прости.

Когда наконец Жбан присмирел, я забрал из конюшни седло. Тут уже и Чарли вывел Шустрика.

— Готов? — спросил он.

Молча я забрался на Жбана. Спина его прогнулась еще больше, исхудавшие от усталости ноги с трудом держали вес. Голову Жбан то и дело выворачивал влево: сбитый с толку, он как-то пытался разглядеть правым глазом, что творится на слепой стороне. Я вывел его на дорогу и заставил дважды пройти по небольшому кругу.

— Жбан справляется, — заметил я.

— Рановато ему в путь, — возразил Чарли. — Сам видишь: коню отдых нужен.

Я натянул поводья, и Жбан остановился.

— Только не надо ля-ля, будто тебя заботит его здоровье.

— Плевать мне на лошадь. Я за дело боюсь.

— А! Ну конечно! Дело! И как я мог забыть о нем?! Работа же превыше всего! Давай поговорим

еще о ней! До смерти могу трепаться о деле, никогда не устану!

У меня дрожали губы. Этим утром, донельзя уязвленный, раненный в самое сердце, я сорвался. Смотрел на Чарли, на то, как он восседает на добром коне. А ведь братец никогда не любил меня так, как любил его я. На старшего брата я всегда смотрел с обожанием.

Я накричал на братца, да так громко, что прохожие останавливались и, перешептываясь, недоуменно поглядывали на меня.

— Работа! Ну конечно! Работа! Как я сразу не понял! Ты о ней говоришь!

Взгляд Чарли преисполнился отвращения, и тут же меня охватил жгучий, как лихорадка, стыд. Не говоря ни слова, Чарли развернул коня и сквозь толпу поехал прочь. Когда он исчез за крытой повозкой, я направил было Жбана вслед за ним, однако животное продолжало выгибать шею, и пришлось ударить его в бока пятками. Только тогда оно перестало шагать боком.

Боль заставила коня скакать прямо, но дыхание его было прерывистым, нездоровым. Горе мне, горе. Бросить бы все: и Жбана, и дело, и Чарли, вернуться на справной лошади за золотом в подвале Мейфилда и начать новую жизнь с бух-

галтершей или без нее, отличную от той, что веду я сейчас. Обрести мир и покой, когда все просто и понятно. Такая у меня заветная мечта… А я и пальцем не пошевелю, дабы осуществить ее.

Жбан, хрипя, так и несся вперед, пока мы не нагнали Чарли на берегу. Поравнявшись с братцем, я вместе с ним направился к паромному причалу. На пути нам попалась туша лошади — той, которая погибла, вытаскивая пароход на берег. Кто-то успел содрать с нее порядочный кусок шкуры. Мясо — то немногое, что осталось — почти расклевали вороны да чайки. Ветер засыпал песком посеревшую клейкую плоть, облепленную мухами. Я чуял: надо мной стоит дух Сан-Франциско и смотрит, но обернуться я не посмел. Город пришелся мне не по вкусу.

Глава 44

Паром — старенький колесный пароход — назывался «Старик Одиссей». В самом носу его расположился загон для скотины: кони, свиньи, овцы — всех везли здесь. Чарли, как только привязал Шустрика, удалился. Я не пошел вслед за ним, решив побыть со Жбаном, утешить его ласковым словом, потрепать по морде. Просто согреть теплотой своей близости. Раньше бы так. Поначалу я думал остаться с Жбаном на все восемь часов, что длится переправа, однако паром качало нещадно, и когда свиней — почему-то только их — начало тошнить, я поднялся наверх к свежему воздуху. Чарли я не нашел, да и плаванье целиком выдалось без происшествий. Разве что за исключением одного момента: я спросил у одной дамы, не найдется ли у нее свободной минутки. Окинув меня с головы до пят оценивающим взглядом, она ответила:

— Для вас нет.

Когда мы приближались к берегу Сакраменто, я купил у одного слепца немного рыхлых яблочек и скормил их Жбану. Близился вечер. Ноги у моего коня тряслись.

Сойдя на берег, мы с Чарли сразу поспешили покинуть пределы порта и города и направились прямиком в лес. Густой, состоящий почти из одних только дубов, он был окутан туманом. Стоило немалых трудов ориентироваться в нем.

Ехали медленно, молча, и от этого неспешность тяготила меня еще больше. Ну нет, первым заговаривать не стану. Наконец Чарли не выдержал.

— Пора бы обсудить то, как мы поступим с Вармом.

— Ну давай, — ответил я. — Обсудим ангелочков.

— Отлично. Во-первых, чего бы от нас потребовал наш работодатель?

— Морриса убить быстро и милосердно. У Варма для начала изъять формулу, а после его тоже убить, только медленно.

— Что нам делать с формулой?

— Передать Командору.

— А он как с ней поступит?

— Объявит себя автором открытия, обретя еще больше денег и завистников.

— Отсюда резонный вопрос: с какой стати мы исполняем его задумку?

— Собственно, к этому я и веду.

— Сперва, Эли, ответь на мой вопрос.

И я сказал:

— Командор платит за работу, а ты к тому же преклоняешься перед наделенными властью людьми. Мечтаешь однажды сам попробовать ее на вкус, эту власть.

Лицо у Чарли вытянулось. Да, братец, я догадливый и все подмечаю.

— Ладно, — признал он, — допустим, это правда. Есть ли смысл вручать Командору еще больше власти? Все-таки формула не игрушки.

— Ты прав, это неразумно.

— Неразумно. А разумно ли выполнить поручение не до конца? В смысле не отдать Командору формулу?

— Предлагаешь убить двух невинных людей и присвоить себе результат их кропотливых трудов?

— Я не про совесть. Я спрашиваю: разумно ли повести себя так?

— Ну, в общем-то, да, разумно.

— Прекрасно. Теперь давай посмотрим, к чему приведет неповиновение Командору.

— Приведет оно к тому, что жить нам станет невозможно. За нами будут охотиться.

— Если только мы не… — Уголки его губ поползли кверху. — Если только мы не…

— Да, — согласился я. — Если только мы сами не убьем Командора.

— И как?

— Что значит и как?

— Заляжем на дно и подкараулим? Сами устроим на него охоту? Или объявим войну его прихвостням? У Командора в каждом городе, в каждом уголке этой страны есть свои люди.

— Нет, самый верный способ — разобраться с ним как можно быстрее. Вернемся в Орегон как ни в чем не бывало и укокошим Командора в его собственном доме. Потом сразу в бега.

— Бежать? Зачем? Кто пошлет за нами погоню, если он будет мертв?

— Будет странно, если Командор не оставил четких распоряжений на случай собственной безвременной кончины.

Чарли кивнул.

— А ведь и оставил. Помню, как-то он сказал мне: «Если прольется моя кровь, виновные утонут в собственной». Итак, что надо изменить в нашем плане?

Я сказал:

— Единственный способ безнаказанно убить Командора — убить его тайно.

— Тайно, — подтвердил Чарли.

— Под покровом ночи мы проберемся к нему в особняк и убьем во сне. Потом сбежим и схоронимся где-нибудь подальше. Выждем порядочно, затем вернемся с пустыми руками, так, словно упустили Морриса, Варма и формулу. Узнав о смерти Командора, сильно удивимся и сами вызовемся помогать в поисках виновных.

— Все бы хорошо, но вот насчет поисков… — Чарли задумался. — Если Командора убить, полетят головы. Много голов и повсюду. Удивлюсь, если нас не заподозрят. Странно будет, если мы сами никого не обвиним. Все вокруг придется залить кровью. И ради чего? Командор за место никому не заплатит, ибо он уже будет мертв.

— Что же ты предлагаешь, братец?

— Что, если Командор преставится во сне? Подушкой ему лицо накрыть и вся недолга.

— Да, — согласился я. — Дельная мысль. И заодно останемся при формуле.

— Правильно, формулу оставим себе, но какое-то время пользоваться ей не сможем.

— Поживем на заначку Мейфилда да на свои сбережения.

— Или отправимся на отдаленную реку и станем тайком добывать на ней золото.

— Такое будет сложно скрыть.

— Сложно, но можно. Думаю, в дело придется взять еще несколько человек. Не знаю, как Варм собирался запрудить реку с одним только Моррисом на пару.

— Предлагаю вернуться к совести.

— К совести? — переспросил Чарли. — А, ну да, вернемся.

— Моррис как человек мне никогда особенно не нравился. Точнее, это мы ему особенно не нравимся, и я питаю к нему ответное чувство. Однако некоторое уважение к нему испытываю.

— Вот и я так же: не люблю, но уважаю. Моррис честный. Хоть и сбежал.

— Сбежав, в моих глазах он вырос еще больше. Что до Варма, я восхищаюсь его умом и ничего не могу с этим поделать.

— Да, да.

— Что еще тут добавить?

— Что ты бы предпочел не убивать их.

— Именно так. Я вспомнил последнее дело, когда мы потеряли коней. Те, по чью душу мы отправились, жили убийствами. Они проливали кровь, не задумывались и заслужили смерть. Я нисколько не сомневался, когда стрелял в них.

Вспоминая то дело, Чарли немного помолчал.

— Да, ты прав. Это были тупые головорезы.

— Я совершил верный поступок, и наплевать, чем они прогневали Командора. Злые, недостойные люди. Если бы не мы их убили, они убили бы нас. Но вот Моррис и Варм… Этих двоих застрелить — все равно что поднять руку на женщин или детей.

Чарли молчал. Он думал о будущем, ближайшем и отдаленном. Я много чего еще мог ему высказать, однако решил промолчать. Хватит, наговорился. Братец понял, что я имею в виду. Вот и славно, облегчили души, да и Чарли не сильно-то против моего хода мысли. Дурной привкус ссоры в Сан-Франциско почти что прошел. Мы с братцем частенько мирились, обсуждая дела спокойно, на холодную голову.

Глава 45

Прииск Варма до темноты мы найти не успели. Пришлось разбить стоянку под дубом. Я влил Жбану спирт в глазницу. Он вновь заржал и принялся брыкаться. Когда боль прошла, улегся на землю и, бурно дыша, уставился в пустоту. Жбан почти не ел, однако я надеялся, что в нем еще прилично жизни и что скоро он поправится.

Лежа на спине и засыпая, я смотрел, как гнутся и хлещут на ветру ветки. Где-то неподалеку журчала река, но где именно, понять я не мог. Вот она, судя по звуку, на севере, а вот она, кажись, и на юге… Утром я выяснил, что река на востоке.

Прииск Варма нашли после обеда. Тут же и разбили стоянку, чтобы переночевать и чтобы Жбан отдохнул и набрался сил для перехода длиной в целый завтрашний день. А заодно мы с Чарли хотели обсудить окончание этого самого перехода.

Участок, что и говорить, Варм присмотрел удобный и живописный: на травянистом склоне песчаного берега. У подножия склона он вбил столбик с небольшой табличкой:

ЭТИ

ВОДЫ — ВРЕМЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ГЕРМАНА КЕРМИТА ВАРМА, ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ НА ОДНОЙ НОГЕ С СИЛАМИ НЕБЕСНЫМИ. ТЕХ ЖЕ, КТО ОСМЕЛИТСЯ ОКУНУТЬ ЗДЕСЬ В РЕКУ СВОИ ЛОТКИ, АНГЕЛЫ И СВЯТЫЕ УГОДНИКИ СЕЙ ЖЕ ЧАС ОКРУЖАТ И ОТКОЛОШМАТЯТ АРФАМИ ИЛИ ЖЕ ГОСПОДЬ НИСПОШЛЕТ СМЕРТОНОСНУЮ МОЛНИЮ НА НИХ.

По краям таблички вились изящно прорисованные виноградные лозы. Да, времени и сил на обустройство участка Варм не пожалел.

Чарли заметил в прозрачной воде тучную форелину и решил подстрелить ее на ужин. Пуля попала рыбине в голову — в воде тут же вспухло красное облако крови. Мертвую рыбу стало сносить течением, но Чарли выхватил ее за хвост и бросил на берег рядом со мной. Я очистил рыбу, выпотрошил и пожарил на свином сале. Целых четыре фунта рыбы мы съели без остатка, разве что не тронули потрохов и ошметков головы. А после растянулись на ковре из густой, упругой травы и заснули.

Проснувшись утром, я увидел забредшего к нам на стоянку седого мужичка. Этот маленький старатель вовсю улыбался, радовался возвраще-

нию к человеческой жизни с мешочком пыли и хлопьев, добытых пóтом и кровью.

— С добрым утречком, господа, — поздоровался он. — Я собирался кофейку себе сварить и только думал развести костер, как учуял запах дыма из вашего лагеря. Если уступите место у костерка, я и вас угощу.

Я попросил его не стесняться, и он, подбросив топлива в огонь, поставил прямо на угли закопченный чайник. При этом он бормотал под нос, словно ободряя себя самого:

— Славно, славно! Хорошо! Отличненько выходит, складно.

Каждые полминуты или около того он дергался в судорогах, и я подумал: человек так долго пробыл один, что в голове у него завелся попутчик.

— В Сан-Франциско направляетесь? — спросил Чарли.

— Ну еще бы! Четыре месяца, четыре месяца я прогорбатился на прииске. Чем ближе подбираюсь к городу, тем слабже верю, что вот, ну наконец!.. Я все тщательно продумал, до последней мелочи.

— Что это вы такое продумали?

— Все. Все, что намерен сделать, когда вернусь в город. — Мы не стали просить пояснений, да и не

нужно было. Седой старатель сам принялся выдавать планы: — Во-первых, сниму чистую комнату на самом верхнем этаже и буду взирать на то, что творится внизу. Во-вторых, закажу ванну, очень горячую. В-третьих, открою окошко, сяду в нее, в эту ванну, и стану слушать, что происходит на улице. В-четвертых, побреюсь, чтобы щеки блестели, и попрошу постричь меня, а затем причесать аккуратненько, чтобы волосок к волоску лежал. В-пятых, я приоденусь полностью, с головы до ног: куплю новые сапоги, шляпу, а также рубашку, верхнюю и нижнюю, штаны, чулки… В общем, все.

— Пойду-ка я до кустиков прогуляюсь, — прервал его Чарли и отправился в лес.

Неучтивость, однако, не сбила седого старателя с толку. Он даже не заметил, как мой братец ушел: глядя в огонь, седой говорил и говорил. Пожалуй, я бы тоже мог уйти незамеченным.

— В-шестых, я съем стейк размером с мою голову. В-седьмых, напьюсь до чертиков. В-восьмых, сниму девочку покрасивше и лягу с ней в постель. В-девятых, я попрошу ее рассказать о своей жизни, потом она попросит рассказать меня о моей, потом снова заговорит она, потом снова я и так далее. Будем общаться, как приличные люди. Что

я сделаю в-десятых, никого не касается. В-одиннадцатых, я отошлю девку прочь и растянусь на мягкой, чистой кроватке вот так. — Он широко раскинул руки. — А в-двенадцатых, парень, я завалюсь спа-ать!

Наконец вода в чайнике закипела, и седой налил нам по чашечке кофе. Вкус у напитка был дрянной, да настолько, что меня передернуло. С трудом, призывая на выручку всю свою вежливость, я поборол желание сплюнуть. Сунув же в кружку палец, на дне я нащупал камешки! Я понюхал их, облизнул и понял: седой заварил в чайнике землю. Иногда пробуешь блюдо и говоришь, мол, на вкус как земля, однако сейчас мне и правда налили воду с землей. Видно, долго пробыв в одиночестве, седой совсем тронулся умом, начал заваривать грязь вместо кофе. Я уж думал обратить его внимание на эту безумную подмену, однако, угощая меня, он едва не светился от гордости и довольства. Мне стало неловко. Да и кто я такой, разубеждать его в истине, ставшей за много дней и ночей непреложной? Ладно, дождусь, когда его опять схватит судорогой, тогда уж и выплесну грязную воду.

Вернулся Чарли. Я взглядом предупредил его не пить «кофе», и когда седой предложил угоститься,

мой братец отказался.

— Нам больше достанется, — сказал седой и налил мне еще кружку.

Я в ответ слабенько улыбнулся.

— Скажите, — заговорил тем временем Чарли, — вы поблизости никого не встречали? Мы ищем двух наших друзей. Они, скорее всего, шли вверх по течению. Один бородатый, второй нет.

— Они с собой несли много инструментов? — спросил седой.

— Знаю, что борода у одного друга рыжая.

— Точно. Они тащили с собой целую гору инструментов. При них было два мула, оба нагружены, и каждый нес вдвое больше, чем тащит мой Бенни.

Он указал на мула, оставленного рядом со Жбаном и Шустриком. Никогда бы не подумал, что мул унесет на себе столько груза.

— И что у них за инструменты были? — спросил я.

— Лотки, парусина, веревки, колья — все как обычно. Удивился я одному: каждый мул у них нес по два бочонка на двадцать пять галлонов каждый. Рыжий сказал, что в них вино, а сам не продал мне и капли. Вот скопидом! Я не меньше ихнего люблю выпить, но тащить с собой столь-

ко вина в лесную глушь — вот это небывалая жадность, которая добром не закончится. Мулы не железные, их силы имеют предел. И те двое, думаю, вскоре благополучно загнали своих зверюшек в могилу.

— Не знаете, куда наши друзья могли направиться?

— Я им рассказал о бобровой плотине, и они живо ею заинтересовались. Говорю, мол, держаться от нее надо подальше, а они — нет, нет, расскажите подробнее.

— И где же плотина?

— А-а, вот и у вас глаза заблестели. Ладно, скажу вам то же, что и тем двоим: делать у плотины нечего. Станешь там лагерем, и бобры начнут таскать у тебя все деревянное. Только отвернись, и все, нет инструмента. Войдешь в реку с лотком или с ситом — выйдешь без него. Тварюги потаскушные! О как, слыхали? По-моему, недурно вышло: этакие потаскуны деревяшки таскают.

Тут его вновь скрутило судорогой, и я выплеснул мутную воду в траву. Когда приступ закончился, седой заметил, что кружка у меня пуста. Налил еще земляной бурды, призывая пить смелее и больше. Я же поднес кружку ко рту и сомкнул губы так плотно, что ни капли внутрь

не просочилось.

Чарли сказал:

— Если наши друзья и правда отправились на плотину, там их и навестим.

— Ладно, только потом не говорите, что я вас не предупредил. О приближении к плотине узнаете, когда минуете еще один лагерь милях в пяти отсюда. И не вздумайте останавливаться и напрашиваться к этим людям в гости. Они не особенно расположены к общению. Даже напротив, это отпетые грубияны. Впрочем, не важно, вам останется проехать всего две мили. Бобровую плотину, эту здоровенную дуру, ни за что не пропустите.

Он снял с огня чайник, чтобы налить себе безумного варева, и поморщился от усилия. Я спросил: не ранен ли он. Седой ответил, что да, его ранил индеец. Они схватились на ножах, и седой победил, однако противник успел тяжело ранить его. (Потом наш гость долго валялся подле трупа, собираясь с силами.) Задрав рубашку, он показал прикрытую дерном рану под сердцем: края начали рубцеваться, однако середина превратилась в струп. Да, еще бы чуть-чуть и… Седого ранили недели три назад.

— Сильно он меня зацепил, но я все ж покрепче

буду.

Встав, он отошел к своему Бенни и стал привязывать чайник с кружкой к общей поклаже.

— Гд е ваша лошадь? — спросил Чарли.

— Я не сказал? Из-за лошади мы с индейцем и подрались. Первый раз он увел мою лапочку Джесси, пока я спал. На следующую ночь явился за Бенни, но я поджидал негодяя. Что ж, отличный сегодня день для прогулки. Если Старик Бенни может идти, то и я дорогу осилю. — Он приподнял шляпу. — Благодарю за компанию. Доберусь до города — выпью за ваше здоровье.

— Желаю вам осуществить все планы, — сказал я седому вслед. Тот, улыбнувшись безумной улыбкой, ответил:

— Хех!

И пошел дальше, уводя навьюченного Бенни.

Когда же седой отошел на приличное расстояние, Чарли спросил:

— А что не так с его кофе?

Я протянул братцу свою кружку. Он осторожно отпил и тут же сплюнул.

— Земля, — произнес Чарли.

— Знаю.

— Так он заваривал и пил землю?

— Вряд ли он понимал, что пьет землю.

Чарли отхлебнул еще немного бурды, погонял ее во рту и снова сплюнул.

— Да как же можно не понять? Земля есть земля.

Я вспомнил, как седой дергался в судорогах, вспомнил мужика с цыпленком и бородача, которому продавил череп, и высказал мысль:

— Нельзя в одиночку долго работать в глуши. Вредно для рассудка.

Чарли подозрительно и недоверчиво оглядел окружающую нас чащу.

— Давай-ка сниматься, — сказал он, сворачивая постель.

Жбан выглядел совсем плохо. Предстояло влить ему в глазницу еще порцию спирта, однако делать этого не хотелось: приступ боли отнимет у коня остатки сил, на которых он мог бы довезти меня до плотины. Жбан тяжело дышал и пить отказывался.

— Чарли, мне кажется, ему конец.

Братец окинул животину взглядом. Он не стал соглашаться со мной вслух, да и не надо было — я все понял по выражению лица братца.

— Нам осталось-то проехать совсем чуть-чуть. Думаю, у плотины мы задержимся надолго — Жбан успеет перевести дух и окрепнуть. Вливай

ему спирт, и поедем.

Тогда я объяснил, почему не желаю проводить процедуру, и Чарли в голову пришла мысль. Улыбаясь, он достал из седельной сумки бутылочку.

— Забыл? Забыл про обезболивающее средство?

— И правда, — ответил я, припомнив случай у зубного доктора.

— Ну так давай вольем Жбану малость этого зелья, а потом уже проспиртуем его глаз? Обезболивающее быстро подействует, и твой конь ничегошеньки не почувствует, вот увидишь.

Я думал, чудесное средство надлежит вкалывать, иначе оно не подействует. Но мне стало любопытно, и я — не без опаски — влил средство Жбану в глаз. Конь взбрыкнул и приготовился к боли, но когда ее не последовало, снова встал смирно. Я поспешил влить спирт. Жбан опять напружинился, однако не заржал, не взбрыкнул и не обоссался. Хорошо, что Чарли вспомнил про обезболивающее! Да и сам братец порадовался. Он вполне искренне погладил коня по носу и пожелал ему поскорее выздороветь.

Мы незамедлительно отправились вверх по течению реки. Между мной и Чарли вновь установилась родственная и партнерская приязнь,

которая, я надеялся, пройдет не скоро.

Глава 46

Лагерь к югу от бобровой плотины мы нашли весьма убогим и вызывающим жалость: яма для костра, несколько походных постелей да разбросанные тут и там инструменты и деревяшки. У границы стоянки нас встретили трое мужиков сурового вида. Выглядели они паршиво даже по меркам старателей: всклокоченные бороды, чумазые не то от сажи, не то от грязи лица, изгвазданная и потрепанная одежда. Сами они целиком смотрелись как темные поблекшие тени. Разве что глаза их — синие-синие — имели оттенок новенькой солдатской формы. Похоже, все трое братья. Двое держали наготове винтовки, третий положил руки на револьверы в кобурах.

Чарли окликнул их:

— Вы случайно не видели, тут двое на север не проходили? Совсем недавно, несколько дней назад? Один из них бородатый.

Трое молчали, и тогда уже произнес я:

— Эти двое вели с собой мулов, нагруженных винными бочками.

Ответа так и не последовало, и мы с Чарли поехали дальше. Я старался не спускать глаз с

троих чумазых типов, поскольку такие выстрелить в спину за грех не сочтут. Наконец, когда мы оставили их позади, Чарли поделился соображениями:

— Что-то не похожи они на старателей.

— Скорее всего это убийцы, — согласился я.

Они скрываются от правосудия, а чтобы не терять времени даром, пробуют добывать золото. Не особенно, впрочем, успешно, если судить по состоянию их лагеря.

Где-то через милю Жбан вдруг начал перхать и кашлять. Ногами я чувствовал, как судорожно сокращаются его бока, а в реку потянулись тягучие струны крови. Я наклонился и провел по губам Жбана рукой — ладонь и пальцы тут же почернели. Я показал кровь Чарли, и он ответил, мол, до лагеря Варма и Морриса осталось всего ничего, так что можно устроить временную стоянку. Оставить коней и подобраться к цели своим ходом.

Мы спешились и отвели животных в чащу. Я подыскал для Жбана тень, и стоило его расседлать, как конь сразу бухнулся на землю. Вряд ли он еще поднимется. Как я мог быть так жесток к нему прежде? Я поставил перед Жбаном котелок и налил в него воды из фляги — он пить не стал.

Тогда я высыпал немного овса у него перед мордой, однако и есть Жбан отказался.

— Прямо даже не знаю. Гд е мы тебе в такой глуши новую лошадь добудем, — признался Чарли.

— Погоди, может, Жбан отдохнет и оправится.

Чарли стоял позади, пока я сидел на корточках перед конем и гладил его по морде, шептал его имя в надежде утешить бедную скотину. Вывалив окровавленный язык на землю, Жбан пытался моргать вырванным глазом, но веко только проваливалось в опустевшую впадину. Внезапно сделалось до жути тошно, и я люто возненавидел себя самого.

— Нам пора, — сказал Чарли. Положив одну руку мне на плечо, вторую он опустил на рукоять револьвера. — Хочешь, я все сделаю сам?

— Нет, пусть полежит пока.

Оставив лошадей, мы двинулись дальше на север, чтобы наконец-то разобраться с Вармом.

Глава 47

Лагерь Морриса и Варма с обеих сторон укрывали высокие лесистые холмы. Встав на самой высокой точке западного склона, мы рассматривали это весьма уютное миниатюрное поселение: кони и мулы стояли плечом к плечу, в один ряд; у чистой парусиновой палатки горел в ямке костер, а инструменты и седла были сложены аккуратно. Бледно-оранжевый солнечный свет лился на ветви деревьев, отражаясь в извилистой серебристой жилке реки. Чуть вдалеке от лагеря стояла горбатая плотина, у которой лениво плескалась вода. Не знаю, работает ли смесь Варма, однако место рыжий гений выбрал поистине превосходное.

Тут всколыхнулся клапан палатки. Я присмотрелся и увидел, как из нее вылезает не кто иной, как Моррис. Его было не узнать, настолько он отличался от того лощеного джентльмена, которого мы помнили: белье пятнали грязь и соль, волосы растрепались; из-под закатанных штанин и рукавов выглядывали пропитанные чем-то пурпурным конечности. Моррис не переставая улыбался и о чем-то говорил, должно быть, с

Вармом, просто тот еще не вылез из палатки. Впрочем, слов мы не слышали — так далеко остановились от лагеря.

Аккуратно, стараясь не вызвать камнепад на тропе и не выдать тем самым себя, мы начали спускаться наискосок по крутому склону. Приближаясь к подножию холма, забрели в небольшой овражек и потеряли стоянку из виду. Когда же поднялись, то услышали голос Морриса. Ни с кем он не беседовал. Моррис напевал бодрую рабочую песенку. Похлопав меня по плечу, Чарли ткнул пальцем в сторону палатки. Оттуда, где мы остановились, запросто проглядывалось ее нутро, совершенно пустое. В этот самый момент у нас над головами прозвучала команда:

— Подняли руки. Иначе обоим по пуле в череп засажу.

Обернувшись, мы посмотрели вверх и на ветке дерева заметили мужчину, мелкого и с виду дикого. Победно сверкая глазками, он целился в нас из карманного драгуна.

— А вот и наш Герман Варм, — произнес Чарли.

— Верно, — ответил тип на дереве. — И раз вы знаете мое имя, то делаю вывод, что вы — посланники Командора. Я прав? Знаменитые братья

Систерс?

— Так точно.

— Вы проделали долгий путь, и я почти что горжусь оказанным мне вниманием. Заметьте: не горжусь, однако близок к этому. — Я переступил с ноги на ногу, и Варм окрикнул меня: — Еще раз дернешься, и я тебя пристрелю. Думаешь, дурака валяю, а, милейший? Вы у меня на мушке, и курок я спущу, не сомневайся.

Варм и правда готов был всадить мне пулю в лоб. Он разве что дырку взглядом не прожег в том самом месте, где свинец пробьет мне череп. Как и Моррис, Варм закатал штанины и рукава. Обнаженная кожа имела все тот же пурпурный оттенок. Интересно, сработала золотоискательная жидкость или нет? По лицу Варма определить этого я не смог, ибо на его лице застыла ярость. Сейчас он думал лишь о том, как защититься от нас.

Чарли тоже заметил пурпурный оттенок его кожи и спросил:

— Виноград давил, Варм?

Рыжий, как кузнечик, потер друг о друга лодыжки и ответил:

— Отнюдь.

— Так, может, сегодня твой кошель толще, чем

вчера? — спросил я.

Варм подозрительно произнес:

— Командор рассказал об изобретении?

— Ну, не то чтобы он сильно распространялся, — ответил Чарли. — О твоих занятиях мы узнали от Морриса.

— Что-то мне не верится, — произнес Варм.

— А ты у него спроси.

— А вот и спрошу. — Не спуская взгляда с нас, он дважды отрывисто и пронзительно свистнул. Издалека пришел точно такой же ответ, и Варм просвистел еще раз. Вскоре из-за деревьев на склоне показался Моррис. Улыбаясь, он шел вприпрыжку, но стоило ему увидеть нас с Чарли, как лицо его тут же приобрело выражение откровенного ужаса.

— Не бойся, они у меня на мушке, — успокоил Морриса Варм. — Я хотел осмотреть реку дальше вниз по течению и влез на дерево. И как раз вовремя. Заметил, как эти шельмецы крадутся к лагерю. Они прознали о наших опытах и теперь пытаются убедить меня, якобы это ты им все рассказал.

— Они лгут, — ответил Моррис.

— Не то чтобы ты сам рассказал, Моррис, — заговорил Чарли. — Куда вы отправились, поведал

одноглазый из «Черного черепа», но самое важное мы узнали из твоего дневника.

Лицо Морриса приобрело скорбный вид.

— Постель, — сокрушенно произнес он, вспоминая. — Прости, Герман. Я совсем позабыл о чертовом дневнике!

— Ты спрятал его под одеялом и забыл забрать? — уточнил Варм. — Не переживай, Моррис, мы сильно торопились и были заняты. Тем более ты не один виноват. Разве не я посвятил этого циклопа из «Черепа» в наши планы? И за какую цену? За горшок вонючего рагу!

— Нет, нет, Герман, я…

— Забудь, Моррис, теперь это не важно, — уверенным тоном произнес Варм. — Мы опередили их. Теперь братья Систерс у нас на мушке, а не мы у них, вот что главное. Вопрос один: как быть с ними?

Лицо Морриса сделалось тупым и невыразительным.

— Ответ один — убить их.

— Нет, вы посмотрите! — воскликнул Чарли. — Этот человечишка провел в лесу неделю, и вот он жаждет крови.

— Погоди, — сказал Варм напарнику.

— Убить их — единственный выход, — на-

стаивал Моррис. — Зароем тела здесь, и пока Командор хватится пропажи, пройдет месяц, не меньше. Мы к тому времени скроемся.

— Я только крепче спать буду, если избавлюсь от угрозы, — вслух подумал Варм.

— Пристрели их, Герман. Хватит рассусоливать.

— Мне, право слово, тошно.

Тут вклинился я:

— Можно мне сказать?

— Нет, — отрезал Моррис. — Герман, стреляй. Тебя отвлечь хотят.

— Пусть только дернутся — спущу курок, — заверил его Варм. — Эй, ты, толстый, говори, что хотел.

— Возьмите нас в долю, — попросил я. — Мы решили бросить Командора и больше на него не работаем.

— Не верю, — сказал Варм. — Ваше присутствие здесь ясно говорит об обратном.

— Сюда нас привели записи в дневнике Морриса, — вставил Чарли. — Мы хотим взглянуть на Светящуюся реку.

— И потом присвоить нашу добычу, так?

— Нас обоих впечатлило твое открытие и сила твоего разума, — сказал я. — Решение Морриса

нам понятно, мы и сами приняли точно такое же. Командор нам больше не хозяин, а посмотреть на твое изобретение в действии страсть как охота.

Слова, произнесенные мной от чистого сердца, тронули Варма. Он призадумался, целясь в меня, но ответ, к сожалению, был не в мою пользу:

— Даже если вы говорите правду, будто предали Командора. В чем я лично сильно сомневаюсь. Так вот, даже если вы не лжете, ваши помыслы, как и прежде вызывают недоверие. Проще говоря, вы — воры и убийцы, которым не место в нашем предприятии.

— Никакие мы не воры, — возразил Чарли.

— Значит, просто убийцы, что ли?

— Вы оба работаете на износ, — заметил я. — Можем помочь. Еще две пары рабочих рук в хозяйстве сгодится. Будем вас защищать.

— Защищать? От кого?

— От любого, кто посягнет на добычу.

— А кто от вас защитит?

— Возьмите нас в долю, — потребовал Чарли, теряя терпение.

Жесткий тон его голоса помог Варму определиться с решением. Рыжий запрокинул голову, наводя ствол на Чарли, однако угол, под которым он взирал на нас, оказался чересчур неудобен.

Когда я потянулся за револьвером, Варм откинулся назад до того сильно, что попросту свалился с ветки. Кувыркнувшись в воздухе, шмякнулся в густой папоротник и пропал из виду. Моррис, безоружный, бросился наутек. Чарли прицелился ему в спину, но я удержал его руку. Тогда братец вскинул другую. Поздно. Моррис скрылся в чаще.

Чарли, освободившись от моей хватки, хотел бежать следом за ним, но у того была слишком уж большая фора. Тогда братец вернулся к зарослям папоротника — отыскать Варма. Да вот беда: Варм ускользнул, ушел незамеченным. Какое-то время Чарли бессильно взирал на примятый папоротник, затем взглянул на меня и вдруг рассмеялся. Встреча с Вармом, если не считать наведенного на нас револьвера, вышла до того необычной, что ему, бледному и обескураженному, не оставалось ничего, кроме как хохотать.

Веселье, впрочем, длилось недолго. Когда мы вернулись к себе на стоянку, братца попросту охватил гнев.

Глава 48

Жбана на месте не оказалось. Он был так слаб, что мне и в голову не пришло привязать его. Однако в наше отсутствие Жбан встал и ушел.

Идя по следу из присыпанных пылью жирных капель крови, я поднялся на невысокий холм, окружающий нашу стоянку. Жбан, поднявшись сюда до меня, скатился ярдов на пятьдесят по невероятно крутому (почти отвесному) склону: собственный вес увлекал конягу, пока его туша не ударилась спиной о ствол гигантской секвойи. Он лежал, постыдно задрав ноги кверху, и я подумал о том, что за нелепая участь у всех домашних животных, сколько боли и бессмысленных мук уготовано им по жизни. Я даже хотел спуститься и проверить, не дышит ли еще Жбан, чтобы уж совсем избавить его от страданий, но конь лежал неподвижно, а значит, умер еще до моего прихода.

Я развернулся и пошел обратно в лагерь, где Чарли уже вовсю готовил оружие и патроны.

Смерть Жбана помогла успокоить его. Перестав злиться, братец тут же принялся утешать меня, предлагал вскладчину купить мне новую лошадь,

такую же крепкую и резвую, как Шустрик, если не лучше. Я принимал его заботу, сделав вид, что мне и правда горестно, тяжело, хотя не так уж и сильно я расстраивался. Жбан умер, а вместе с ним и моя к нему жалость. Он был доброй скотиной, послушной и в то же время заметно отягощал мне жизнь. Мы не подходили друг другу, и теперь только легче. (Много месяцев спустя я начну тосковать по Жбану, и тоска не пройдет еще долго, однако в тот момент, в момент его гибели, я лишь испытывал облегчение.)

— Готов? — спросил Чарли.

Я кивнул. Зная наперед, что ответит братец, я все же спросил:

— Как будем действовать?

— Силой, как же еще.

— Они должны понимать, что мы могли запросто убить их.

— Я бы и убил, если б не ты.

— Им-то откуда знать, что я тебе помешал? — Чарли не ответил, и я как бы между делом предложил: — Можно еще войти в их лагерь без оружия, с поднятыми руками.

— Мне на такое отвечать-то стыдно.

— Я лишь перебираю возможности.

— Возможностей всего две: оставить Варма в

покое или вернуться в его лагерь. Если возвращаемся, то силу использовать придется. Будь Варм ловчее, он бы застрелил нас во время первой встречи, и на сей раз он и Моррис колебаться не станут. Моррис теперь точно с оружием не расстается и разговаривать с нами не будет. — Чарли покачал головой. — Пойми, братец, действовать надо силой.

— Можно ведь еще вернуться к заначке Мейфилда…

— Мы уже об этом говорили, — отрезал Чарли. — Хочешь уйти — уходи. Но тебе придется топать назад до Сакраменто и там покупать новую лошадь. Решай сам. Я остаюсь и завершу работу с тобой или без тебя.

И я решил идти с Чарли. В конце концов, он прав: мы пришли в лагерь Варма и Морриса с миром, и нас не приняли. Свой запас милосердия братец исчерпал, да и искушение взглянуть на Светящуюся реку чересчур велико для нас обоих. Не устоять. Потом же, думал я, с убийствами надо завязывать. Если не на всю жизнь, то хотя бы на ближайшее будущее. Поделившись мыслями с Чарли, я услышал в ответ:

— Если эта идея тебе по душе, тешься ею. Но не забывай про Командора.

— Ах да. Значит, после его смерти точно завязываю.

Чарли, помолчав, добавил:

— За смертью Командора последуют еще убийства. Обвинения, долги… В общем, без крови точно не обойдется.

Выходит, предстоит пережить смутное время, а уж после-то точно уйду на покой.

— Темнеет, — сказал Чарли. — Пора нам выдвигаться, не то упустим их. Вдруг они отступят и спрячутся. Пойдем в обход и спустимся с восточной вершины холма. Застанем их врасплох, вот увидишь.

Поднявшись на ноги, Чарли помочился в огонь. Затухающее пламя отбрасывало последние отблески ему на лицо. Чарли повеселел. Он всегда становится счастливее, если есть чем заняться.

Глава 49

Мы обошли лагерь Морриса и Варма кругом, пересекли реку вброд примерно в миле вверх по течению и стали взбираться на вершину высокого холма, ровно напротив стоянки. Сквозь деревья мы видели, как мерцают угли в ямке для костра. Видели на берегу четыре винные бочки: одна пустая и опрокинутая, три других стоят ровно, не распечатанные. Ни Морриса, ни Варма видно не было. Зато их животные здесь. Значит, цель спряталась в палатке или где-нибудь поблизости: ждет во всеоружии нашего прихода. При этом Моррис, скорее всего, безостановочно молится, каясь в грехах. Варма я не знаю, но чувствую, что он преисполнен отваги и чувства правоты, кровь в его жилах бурлит. Варм себя же взял на «слабо» и жаждет увидеть, сработает засада или нет. Впрочем, что творится в его голове и голове Морриса, известно лишь им самим. Пока же я не видел ни того, ни другого, и в лагере царила могильная тишина.

Плотина же, напротив, оживала: с наступлением ночи повылазили бобры. Упитанные, в лоснящихся под млечным светом луны шубках,

они принялись за свой нелегкий труд. Они сигали с плотины в воду, выныривали в стороне и оглашали округу низкими стонами: то ли сетовали на тяжкую бобриную долю, то ли подбадривали друг друга. Потом выбирались на берег в поисках веток, которые переправляли обратно к плотине. На верхушке этой конструкции, словно наблюдая за трудами сородичей, восседал самый жирный бобер.

— О, ты посмотри, начальник, — сказал я братцу. Чарли тоже следил за бобрами и кивнул в знак согласия.

И вот глава бобровой стаи неуклюже плюхнулся в воду и поплыл к берегу. Вышел нерешительно, будто опасаясь, что земля не выдержит его веса, однако осторожничал он недолго. Осмелев, бобер двинулся не куда-нибудь, а в лагерь к бочкам с золотоискательной жидкостью. Бесстрашно и решительно он сунул голову в пустую бочку. Запах из ее нутра у него вызвал отвращение, и вожак переметнулся ко все еще закупоренным сосудам. Встав у одной из бочек, бобер впился зубами в ее обод — захотел, наверное, опрокинуть ее и откатить или отволочь к воде. Вот смехота! Давно я так не веселился. Чарли же оставался угрюм и сосредоточен, понимая, что бобер, этот

незваный гость, непременно заставит Варма и Морриса реагировать. Если они, конечно же, наблюдают за лагерем. Не прошло и секунды, как со дна долины раздались щелчки. Чарли оживился и мотнул головой.

— Ага! Слышал?

Вновь защелкало, и тут уже я разглядел, как темноту пронзают размытые черные тени — камни, устремленные в сторону упертого грызуна. Бобер тем временем сумел-таки опрокинуть бочку. Проследив за тем, откуда камни вылетают, мы увидели густую рощицу деревьев и кусты. Моррис и Варм засели аккурат под нами, у самого склона холма. Не сговариваясь, мы с Чарли начали красться вниз, чтобы зайти врагу с тыла.

— Беру на себя Морриса, — прошептал Чарли. — Ты следи за Вармом. Не убивай только, если он не даст повод. Стрельни разок ему в руку — так он еще сможет работать и говорить.

Я почувствовал, как раздуваюсь, как нутро мое растет и ширится, а разум тонет в черноте, словно в море пролитых чернил, которые все прибывают и прибывают. Обычное ощущение перед убийством. Кожу покалывало, волосы поднимались дыбом. Я становился кем-то иным или же просто выпускал на волю другую свою суть

— ту, что всегда рада выйти из мрака и творить беззаконие. Во мне боролись два чувства: страсть и позор. Почему мне так нравится преображаться в животное? Я задышал часто и бурно. Чарли же оставался холоден и собран. Жестом он велел и мне успокоиться. Братец давно привык управлять мной: сначала подогреет, разозлит, а потом бросит в бой. Увы мне, увы кровопроливцу бездушному.

Вот я различил в темноте место, где схоронились Моррис и Варм. Видел смутные очертания их рук, когда эти двое швыряли в бобра камнями. Сейчас начнется пальба, и укрытие осветится ярким пламенем из стволов: каждый листик, каждую веточку станет видно как днем. Я даже представил застывшие в страхе и изумлении лица Варма и Морриса, когда они поймут, что их обнаружили.

Чарли вдруг хлопнул меня по груди: остановил, заглянул в глаза и позвал по имени, отрывая от мыслей.

— Чего? — спросил я, немного расстроенный столь грубым возвращением на землю.

Чарли ткнул в темноту пальцем и произнес тихо-тихо:

— Гляди.

Я мотнул головой, чтобы окончательно прогнать наваждение, и посмотрел в указанную сторону.

С юга к лагерю вышли трое. По винтовкам я сразу признал в них синеглазых братьев, что засели вниз по реке. При первой встрече, стоило мне упомянуть бочки с вином, их настороженные позы как-то сразу переменились. Вот они и пожаловали за пойлом.

Жирный бобер уже приволок добытую с таким трудом бочку к кромке воды, но тут старший из трех братьев ударил его ногой в живот. Бобер, покрыв порядочное расстояние по воздуху, шлепнулся в реку. Разгневанный, он принялся бить по воде плоским хвостом, предупреждая сородичей. Те разом побросали дела и нырнули, спасаясь в нутре плотины. Там они скучкуются, и жестокий человек не причинит им вреда. Их вожак покинул место действия последним. Двигался он неторопливо: то ли удар в живот ослабил его, то ли старый бобер спасал остатки гордости. Все же есть в этих животных нечто от нас, от людей: они мудры, осторожны и рассудительны.

Старший из братьев тем временем откатил бочку на место и после заглянул в палатку. Найдя ее пустой, он громко позвал:

— Эгей! Хозяева!

Мне показалось, что Моррис и Варм сдерживают смешки. Я озадаченно посмотрел на Чарли, и тут смешки сделались громче, перерастая в нездоровый хохот. Трое на берегу обеспокоенно зашевелились, стали переглядываться.

— Кто здесь? — позвал здоровяк.

Смех умолк, и раздался голос Варма:

— Здесь мы, а там кто?

— Мы с прииска чуть ниже по течению, — ответил старший брат. Пиная бочку, он пояснил: — Хотим купить у вас винца.

— Вино не продается.

— Заплатим как в Сан-Франциско.

Здоровяк потряс в воздухе кошелем, желая продемонстрировать честность намерений. Никто не ответил, и он, вглядываясь в темноту, позвал:

— Чего это вы в тени заныкались? Боитесь?

— Да не особенно, — ответил Варм.

— Так выходите, потолкуем по-мужски, как люди.

— Не выйдем.

— И вино не продадите?

— Не продадим.

— Ну так я возьму бочку и пойду восвояси?

Варм долго думал над ответом и наконец про-

изнес:

— Восвояси, дружок, ты унесешь полмошонки, не более.

Тут уже Моррис не выдержал и, поддавшись настроению, захохотал как блажной. До того потешила его душонку угроза Варма. Чарли же, улыбаясь, взглянул на меня и сказал:

— Да они там вдвоем нализались!

Три брата отступили на песчаный берег и принялись шептаться. Когда же они договорились, старшой, кивнув, выступил вперед и произнес:

— Я смотрю, вы изрядно приняли на грудь, так что еще до восхода солнца начнете клевать носами. Брага хорошо усыпляет. Будьте покойны, к тому времени мы вернемся и заберем вино. А заодно и ваши жизни.

Ни ответа, ни издевки, ни смешков не последовало. Старший из братьев, гордо и напоказ вскинув подбородок, отступил к реке. Да, замашки у него барские, и напыщенного тона хватило, чтобы двое в засаде притихли. Впрочем, мы-то слышали, как Моррис и Варм быстро перешептываются. Поначалу совсем тихо, затем громче и горячее, пока наконец спор не зазвучал в полный голос. Моррис отчетливо выкрикнул:

— Не надо, Герман!

В следующую секунду грохотнул драгун, и старший из братьев повалился на землю, сраженный выстрелом в лоб.

Оставшиеся двое тут же припали на колено и открыли огонь из винтовок. Пьяная парочка ответила беспорядочной пальбой. (Небось, пригнулись там и зажмурились.) Чарли, не теряя времени, велел мне:

— Пристрели тех двоих. Если Варма убьют, все будет напрасно.

Со своего места я видел нападавших как на ладони. Двадцать секунд, и они мертвые валяются рядом с телом старшего брата.

Отражаясь от склонов, от верхушек деревьев, по долине понеслось рваное эхо выстрелов. И вслед за ним взлетел к небесам победный боевой клич Германа Варма. Рыжий гений не догадался, что это мы помогли ему в обороне. Решив, будто убийство трех братьев целиком его и Морриса заслуга, он безудержно ликовал.

Чарли, не сходя с места, выкрикнул:

— Победа не твоя, Варм! Это мы с братом стреляли так метко. Слышишь меня?

Бесноватые вопли тут же затихли. Моррис и Варм вновь зашушукались, оставаясь под прикрытием кустов и деревьев.

— Я так понял, что слышишь, — сделал вывод Чарли.

— Который из вас говорит? — спросил Варм. — Подлец или Жирдяй? С Подлецом разговаривать не желаю.

Чарли жестом велел мне подняться и держать слово. Я встал, надеясь произвести впечатление серьезного и уверенного человека. Впрочем, уверенности-то мне как раз не доставало. Смущенный, я заставил покраснеть и братца. Откашлявшись, я позвал:

— Эгей, там!

— Это ты, Жирдяй? — спросил Варм.

— Меня зовут Эли.

— Из вас двоих ты здоровяк? Тот, что пошире?

Моррис сдавленно захихикал.

— Здоровяк, здоровяк, — подтвердил я.

— Пойми, я вовсе не хочу тебя обидеть. Мне и самому бывает трудновато встать из-за стола. Так уж повелось, некоторым есть охота больше других. Ну и что нам теперь, с голоду помирать?

— Варм! — отрезал я. — Ты уже в стельку, но нам надо с тобой поговорить о важном. Сможешь? Или нам поговорить с Моррисом?

Варм спросил:

— Чего обсудить-то хотите?

— То же, что и прежде. Вы берете нас в долю, и мы работаем с вами заодно.

Ущипнув меня, Чарли прошептал:

— Ты что удумал?!

— С этим тройным убийством наша позиция слегка изменилась, — ответил я.

— Чего? Что изменилось? Эти двое так и сидят в темноте, готовые пристрелить нас.

— Да погоди ты. Посмотрим, что ответят. Мы еще можем добиться своего, не проливая крови.

Чарли сел и привалился спиной к дереву. Задумчиво пожевав губу, он ткнул пальцем в темноту: продолжай, мол.

— Варм, — позвал я. — Если считаешь, что обсуждать больше нечего, то вместо нас заговорят револьверы. Поверь, я от чистого сердца и абсолютно серьезно предлагаю мир.

Варм хохотнул.

— Ну да, ты предлагаешь отдать вам часть добычи. В противном случае вы нас застрелите. Видишь ли, по нашему расчету, предложение невыгодно.

Я ответил:

— Предлагаю честный труд. Свою долю мы заработаем. И потом, если б мы хотели вашей

смерти, разве стали бы тогда убивать людей, что лежат перед вами?

Моррис вякнул что-то неразборчивое, и Варм передал нам:

— Моррис говорит: он вроде снял того, что был слева.

— Ничего подобного.

Варм какое-то время молчал, не говоря со мной. Впрочем, он и с Моррисом не перешептывался.

— Вы ранены? — спросил я.

— Морриса слегка задело, в руку. Жить будет, но руку жжет.

Я предложил:

— У нас с собой лекарство, которое снимет жжение. Есть спирт — промыть рану. Позвольте нам работать вместе с вами и защищать от бандитов и всякого, кто покушается на вашу территорию. Подумай, Варм. Сегодня днем вы были у нас в руках, и если б мы захотели, то убили бы вас.

Варм не ответил. Он молчал очень долго, и не было слышно даже, как они с Моррисом шепчутся. Похоже, им потребуется все имеющееся у них мужество, дабы решиться принять в свою компанию некогда кровожадных братьев Систерс. Потом вдруг послышался слабенький звук, постепенно набирающий силу. Сначала я не понял, что́

слышу, но после, догадавшись, не поверил ушам. Меньше всего я ожидал, что Герман Варм станет насвистывать песенку. Мелодия, пусть и незнакомая, пришлась мне по вкусу, такая неспешная и тоскливая. Слова к такой музыке повествуют о несчастной любви и безвременной смерти.

Варм, не переставая насвистывать, покинул укрытие и направился к лагерю по изогнутому хребту бобровой плотины. Отменный слух у него, отменный: мелодия в его исполнении гладко скользила по нотам, звуча то громче, то тише, переливчато, а временами сливаясь с бормотаньем реки. Варм все насвистывал, а Чарли тем временем встал и пошел вниз. Что будет дальше, я не знал, не знал и Чарли. Не догадывались ни о чем и Варм с Моррисом. Впереди нас ждала неизвестность, и вот я, не таясь, пошел ей навстречу.

Варм ждал, глядя вверх на склон холма и пытаясь высмотреть в темноте, как мы с братцем спускаемся. Мелодия с его губ срывалась все более чувственная, романтичная. Варм насвистывал ее, широко раскинув руки: ни дать ни взять артист на сцене приветствует публику.

Мы пересекли плотину и вышли на берег. Встали лицом к лицу с Вармом, и тогда же его мелодия смолкла. Он — дикий с виду мужичонка

— был ниже меня где-то на фут. От него разило перегаром и горьким табаком. К телу с весьма объемным брюхом крепились тонкие ручонки и ноги. Варм смотрел на нас совершенно без страха, а значит, смерти он не боялся. Нравится мне этот человек, очень. И его смелый выход из укрытия и демонстрация силы духа уж точно впечатлили моего братца. Мы по очереди — сначала Чарли, затем я — скрепили с ним союз рукопожатием. Потом образовалась пауза — никто не знал, что сказать или сделать.

Моррис, по-прежнему не готовый к общению, предпочел остаться в кустах с запасом виски.

Глава 50

Подбросив топлива в костер, мы расселись у огня, дабы обсудить условия партнерства. Чарли захотел немедленно вылить в реку вторую бочку, но Варм возразил. Сказал, что они с Моррисом пьяны да и просто вымотались. Моррис, кстати, наконец вылез из укрытия: зажимая рану и морщась, он тем не менее старался не подавать виду, храбрился. Наш договор сильно беспокоил его. Я же следил за тем, как Чарли поглядывает на Морриса. Что на уме у братца? Не задумал ли он чего против Морриса? О, хвала небесам, Чарли совершенно беззлобно предложил забыть прошлые обиды. Моррис машинально пожал ему руку. Глядя же на меня, он только пожал плечами и протянул плоскую серебряную фляжку.

Кончики усов Морриса истрепались, глаза покраснели и опухли.

— Герман, я устал.

— Денек выдался долгий, — очень тепло ответил Варм. — Иди-ка ты поспи. Утром, свежие и отдохнувшие, разделим работу на четверых.

Я отпил из фляги и передал ее Чарли. Тот, отхлебнув виски, передал флягу Варму. Тот лишь

пригубил огненной воды и, завинтив колпачок, спрятал ее во внутренний карман сюртука. Хватит, мол, на сегодня пьянствовать. Поплевав на ладонь, он пригладил волосы и оправил лацканы. Виски совсем залил ему глаза, и блюсти деловой тон давалось Варму с трудом.

Порешили на том, что половина добычи отойдет нам с Чарли. Вторую Варм использует на создание некой компании.

— Компания — это вы с Моррисом? — спросил Чарли.

— Да, но это вовсе не значит, что заработанное мы пропьем. Деньги пойдут на новые экспедиции, только более масштабные, и потому затраты вырастут. И если они себя оправдают в той степени, на какую мы рассчитываем, то компания быстро наберет обороты. Мы одновременно станем разрабатывать по несколько мест, а если кто-то из работников проявит себя достойно — возьмем в партнеры. Пока же проверим: сумеете ли вы, два брата, честно поработать до конца экспедиции, не перерезав нам с Моррисом глотки.

Что ж, справедливо, подумалось мне. А Варм тем временем принялся чесать зудящие лодыжки и икры.

— Вы вчера много насобирали? — спросил я.

Варм ответил:

— Большую часть времени мы, впечатленные, скакали в воде, как малые дети. Так радовались и поздравляли друг друга, что чуть не забыли собрать золото. Впрочем, за четверть часа, пока оно не перестало сиять, мы наковыряли столько, сколько при обычных условиях добывали бы месяц. Но да, смесь действует, как я и рассчитывал. Даже лучше.

Тут он, несказанно довольный, обернулся и посмотрел на реку. Как я завидовал в тот момент Варму, как я завидовал! Он на славу потрудился умом и руками и ныне пожинает плоды. Он обрел богатство земное и духовное. Я же иду по пути бездумно, не слушая сердца. Чарли взирал на Варма без восхищения, скорее с любопытством, задумчиво. Варм не заметил наших взглядов и продолжил рассказ:

— Господа, я в жизни не видел ничего прекраснее: сотни сотен самородков сияют, как свечи. Ты ходишь по песку, по колено в воде и собираешь их, собираешь ведрами… О, какой приятный труд!

Варм словно воочию наблюдал то, о чем нам рассказывал. Я затрепетал, глядя на реку. Неужели это все правда?

— Еще сутки, — произнес Варм, — и вы сами убедитесь.

Он опять принялся чесать голени, на сей раз ожесточеннее. В свете костра я заметил: окрашенная в пурпурный, кожа еще сильнее потемнела; местами Варм расчесал ее чуть ли не до мяса. Заметив наши любопытные взгляды, он кивнул.

— Да, верно, кое-чего я не учел. Я знал, что золотоискательная жидкость очень едкая, но рассчитывал, что, растворенная в воде, она вреда не причинит. В будущем надо будет экипироваться защитой для ног.

Из палатки раздался голос Морриса. Варм, извинившись, отошел, а когда вернулся, лицо его имело мрачное выражение. Оказалось, сообщил Варм по секрету, Моррис плохо переносит тяготы походной жизни.

— Бог свидетель, я в долгу перед этим человеком, но видели бы вы его лицо, когда я заставил его бросить пудру и одеколон. Ума не приложу, как Моррис добрался из Орегона до Сан-Франциско с таким-то лишним багажом!

— Как его рука? — спросил я.

— Пуля прошла вскользь. Насколько я могу судить, Моррису ничего не грозит, но вернуть ему присутствие духа не помешало бы. Ваше при-

сутствие давит на него, да еще ноги — ему даже хуже, чем мне. Вы вроде привезли лекарство? Ваша помощь, думаю, успокоит Морриса.

Чарли послал меня забрать вещи со стоянки, а сам остался обсудить с Вармом последние детали партнерства. Когда я вернулся, ведя под уздцы нагруженного седлами и двойным багажом Шустрика, братец уже перетащил три трупа к костру. Я сразу понял его намерения, зато Варм догадаться не мог.

— Может, лучше спрятать их в лесу? — предложил он. — Не хотелось бы с утра глазеть на эти морды.

— Рассветные лучи их не коснутся.

Чарли бросил один труп прямо в огонь.

— Что ты делаешь? — спросил Варм.

— Вы ветильным маслом не богаты?

Только сейчас до Варма дошло. Он вынес масло, а я передал ему спирт и обезболивающее. И пока Варм заботился о Моррисе, я помогал Чарли избавляться от трупов: мы с головы до пят облили их горючим, и вскоре все три брата, сложенные в кучу, весело горели. Глядя на почерневшие останки, я подумал: дорого же стоит спокойствие. Из палатки высунулся Варм. Посмотрев на мрачное зрелище, он грустно произнес в пустоту:

— Хватит с меня на сегодня.

Он скрылся в палатке, и вновь мы с братцем остались вдвоем.

Чарли принялся раскладывать постель. Глядя на него, я думал спросить, что он чувствует, о чем помышляет прямо сейчас. Так сильно хотелось верить, что он наконец поступил по совести. Однако нужные слова не шли на ум, я боялся услышать ответ, да и просто взяла свое усталость. Стоило прилечь, и я провалился в глубочайший и тяжелейший сон без сновидений.

Глава 51

Когда я проснулся, солнце уже било в глаза, в ушах стоял шум реки, зато рядом не было Чарли. Только Варм чопорно подошел к горке пепла, оставшейся после костра, и занес, как для удара, длинную палку. Указал на черно-серый череп одного из убитых нами братьев и произнес:

— Видишь? Смотри внимательно. — Он ткнул своим орудием в самый купол черепа, и тот рассыпался в прах. — Нечего сказать, по-людски ушел.

Уловив в его речи оттенок скорби, я не удержался и спросил:

— Ты ведь не богобоязненный человек, Варм?

— Я нет. Надеюсь, и над тобой Господь не довлеет.

— Боюсь, что и сам не знаю.

— Ты всего лишь не хочешь отправиться в ад. Но на том и зиждется религия: на страхе угодить в некое ужасное место, откуда не спасет даже самоубийство.

Ну вот, и угораздило же с утра да про Бога заговорить. Варм вновь посмотрел на горку пепла.

— Мозги, надо полагать, совсем спеклись? — подумал он вслух. — От жара они превращаются

в воду, улетучиваются, и вот уже столь драгоценный орган облачком дыма уносится прочь с попутным ветром.

— Гд е Чарли?

— Они с Моррисом отправились купаться.

Варм, ткнув палкой, развалил еще один череп.

— Вместе пошли?

Взглянув вверх по течению, Варм ответил:

— Моррис все жаловался на зуд в ногах, и твой брат предложил унять его при помощи купания.

— Давно они ушли?

— С полчаса как, — пожал плечами Варм.

— Отведешь меня к ним?

Варм нисколечко не встревожился, и волновать его понапрасну я не хотел, однако поторапливал, как мог, под предлогом, якобы сам упарился и хочу освежиться. Варм оказался не из торопливых. Напротив, он проявлял (и требовал того же от других) внимание почти к любым мелочам. Натягивая сапоги, он поинтересовался:

— Как думаешь, что стало с тем, кто первым придумал оборачивать ноги листьями или лоскутами кожи? Почти наверняка этого человека кастрировали и прогнали из племени. — Варм хохотнул. — А может, его попросту закидали камнями!

Что на это ответить, я не знал, но Варм и не нуждался в ответах. Мы пошли вверх по течению, и он продолжил свою речь:

— Конечно, в ту пору ноги у людей были покрыты твердыми мозолями, и обувь носили скорее для фасону, нежели из нужды. Особенно в краях с теплым климатом.

Варм указал на парящего неподалеку орла. Птица камнем кинулась к воде и взмыла ввысь, унося в когтях жирную рыбину. Варм от восторга зааплодировал. Ноги его по-прежнему беспокоили, и мою помощь он принял с благодарностью. Мы шли по мягкому песку, и Варм раза два просил остановиться, передохнуть. Мне жутко не хотелось медлить, и в то же время я не решался объяснить Варму истинную причину спешки. Впрочем, он и сам додумался. Хитро хихикнув, он спросил:

— Что, не доверяешь братцу, да?

Серьезный вопрос, особенно если учесть предмет нашего договора и то, что Чарли сейчас один на один с ослабшим компаньоном Варма. Однако в глазах собеседника я заметил лукавую искорку. Варм будто предлагал перемыть Чарли косточки.

— Порой я просто не понимаю его, — уклончиво

ответил я.

— По-моему, до вчерашней ночи, когда вы спасли нас, Моррис твоего брата презирал. И тем не менее сегодня утром они уходили рука об руку. Что скажешь, Эли?

— Ничего. Разве что на Чарли это не похоже.

— Думаешь, он предложил помощь не искренне?

— Да просто странно, вот и все.

Варм остановился, чтобы почесать ноги: кожа совсем потемнела, пошла волдырями. Он едва не сдирал ее до мяса, в такую ярость приводил его зуд. Вот незадача: химия озолотила его и в то же время причиняет такую боль и расстройство. В конце концов Варм принялся шлепать ладонями по ногам и тем, похоже, унял раздражение. Оправляя штанины, он спросил:

— Ты ведь не думаешь, что Чарли убьет старину Морриса?

— Не знаю. Надеюсь, что нет.

Я помог Варму встать, и мы пошли дальше.

— Признаюсь, очень необычно разговаривать о таких вещах.

Варм покачал головой.

— Подобные мысли лучше высказывать. Тем более наши вам ясны. Что мы с Моррисом можем

поделать? Наши жизни в ваших руках, однако мы, конечно, предпочли бы задержаться на этом свете.

— Умеешь же ты набирать людей, Варм.

— Да уж, компания пестрая, — мрачно ответил он. — Городской пижон и двое убийц.

Я расхохотался, и Варм спросил, что тут смешного.

— У тебя руки и ноги пурпурные, Чарли гуляет с Моррисом, в костре дымятся три трупа, а у подножия холма гниет мой издохший конь.

Варм проникся моим романтическим взглядом и посмотрел на меня с улыбкой.

— Да ты поэт, Эли. — Потом спросил разрешения задать личный вопрос и, получив согласие, поинтересовался вот чем: — Я уже разговаривал на эту тему с Моррисом и теперь хочу узнать, как же случилось, что ты стал работать на Командора.

Я ответил:

— Долгая история, но главная беда в том, что мой братец с ранних лет привык к жестокости. Благодаря нашему папочке, дурному человеку. Стоило кому-нибудь оскорбить Чарли, и простой дракой на кулаках или даже на ножах не заканчивалось. Чарли доводил дело до конца,

и бой завершался смертью обидчика. А уж если ты убил человека, за него обязательно придет отомстить либо друг, либо отец, либо брат… И все повторится. Порой Чарли оказывался один против нескольких противников, и тогда в драку ввязывался я. Характер у меня для мальчика был очень горячий, и я вскипал от ярости, когда кто-то чинил вред моему старшему брату — тогда еще Чарли относился ко мне с любовью и защищал. Его дурная слава росла, и вместе с ней число противников. Постепенно до людей стало доходить, что, бросая вызов одному из братьев Систерс, они вызывали на бой сразу двух. Мы открыли в себе способность и жажду убивать. Себе на горе, я думаю, но так вышло, что о нас прознал Командор и пригласил работать на него. Поначалу требовалось действовать только кулаками: выбивать долги и всякое такое. Позже Командор приблизил нас к себе, повысив жалованье, и вот уже тогда стал поручать убийства. — Варм слушал до того внимательно и с такой серьезной миной, что я невольно рассмеялся. — По твоему лицу я вижу, как ты относишься к моему ремеслу, Варм. Не осуждаю, более того, Чарли я уже предупредил: это мое последнее дело.

Варм резко остановился и посмотрел на меня

потерянным, испуганным взглядом. Я спросил, в чем дело, и он ответил:

— Полагаю, последним ты называешь дело, которое вы с братом провернули до этого? Вы ведь не собираетесь довести до конца нынешнее задание Командора?

Мы обогнули излучину реки, и я заметил Чарли. Он как раз вышел из воды и направлялся к сложенной на берегу одежде. Моррис — неподвижно, брюхом кверху — оставался в реке. При виде нас Чарли широко улыбнулся и помахал рукой. Помахал нам и Моррис: живой и невредимый, открыв глаза, он сел и окликнул нас. Сердце мое тяжело бу́хало в груди. Казалось, оно не гонит кровь по венам, а истекает ею. Обернувшись к Варму, я ответил на недавний вопрос:

— Я просто неверно выразился, Герман. На Командора мы больше не работаем, даю тебе слово.

Варм пристально вгляделся мне в лицо. Его поза выдавала несгибаемость, настороженность и усталость, но вместе с ними еще и некую силу, свет, словно бьющий из сердца небольшого костра. Точно не скажу, но таких людей вроде бы называют харизматичными. Во всяком случае Варм явно был не от мира сего.

— Я тебе верю, — наконец произнес он.

Мы присоединились к остальным. Моррис позвал, не выходя из воды:

— Герман! Ты просто обязан освежиться. Купанье поможет!

Моррис кричал, легко и свободно, сбросив оковы чопорности и сдержанности. Он перестал быть собой, перестал быть серьезным и радовался этому.

— Как дитя веселится, — заметил Варм. Плюхнулся на песок и посмотрел на меня, щурясь от яркого солнца. — Эли, будь добр, помоги снять сапоги.

Глава 52

Вечером мы с Вармом присели у костра. Я ждал, пока стемнеет, чтобы увидеть золотоискательную формулу в действии. Желая скоротать время, Варм попросил поведать о себе, перечислить все опасные приключения, да только мне не хотелось их вспоминать. Хотелось забыть о себе хоть ненадолго. В ответ я попросил исповедаться Варма, на что он, в отличие от меня, согласился охотно. Ему, похоже, нравилось повествовать о своих похождениях, но говорил он не гордо, не себялюбиво.

Варм словно видел историю своей жизни необыкновенной и потому спешил ею поделиться. Так, за один присест у костра он и поведал мне о себе.

Герман Варм появился на свет в 1815 году в Вестфорде, что в штате Массачусетс. Мать его — сама пятнадцати лет отроду — бежала, едва оправившись и окрепнув после родов. Бросив сына на попечение отца, Ганса — иммигранта из Германии, часовых дел мастера и изобретателя.

— Большой эрудит, неутомимый любитель головоломок, который решал задачи на раз, но не

мог справиться с бедами в собственной жизни. А таковых он имел предостаточно. С ним… было трудно ужиться. Довольно сказать, что батюшка имел странные привычки.

— Например? — спросил я.

— О, привычки за моим батюшкой водились настолько отвратительные, настолько особенные в своей извращенности, что лучше тебе о них не знать. Если у тебя есть хоть капля воображения, твой желудок на месте извергнет ужин. Обойдемся без подробностей.

— Понимаю.

— Нет, и скажи спасибо, что не понимаешь. Собственно, из-за странностей отец и покинул родную Германию. Под покровом ночи, второпях и потратив на переезд почти все сбережения. Америка не понравилась ему с первого взгляда, и он до самой смерти продолжал ее люто ненавидеть. Помню, выглянет по осени в окно на живописнейший массачусетский пейзаж и сплюнет со словами: «Позор Луне и Солнцу за то, что освещают эту землю!» В Берлине, великом метрополисе, он мог развернуться, а здесь ему не хватало, скажем так, благодарной и почтенной публики. Отец чувствовал себя ущемленным.

— Что же он изобрел?

— Отец занимался доработкой уже существующих изобретений. К примеру, он снабдил карманные часы небольшим компасом на циферблате. Для дам он создал отдельную модель: в форме слезы, пастельных тонов. Отец купался в деньгах и любви, пока скандал не разрушил его репутацию. Тогда он и переехал в Америку. Приезжий в чудной одежде и почти не говорящий на английском оказался не нужен даже в захудалых часовых фирмах, чьи лучшие мастера и в подметки не годились моему батюшке. В бедности его разум, и без того пораженный тьмой, стал еще больше погружаться во мрак. Отец выдавал все более зловещие и бессмысленные изобретения, пока наконец не сосредоточил усилия на усовершенствовании орудий пыток и убийства. Гильотину он назвал механическим воплощением изобретательской лености и человеческого несовершенства. Его собственная модель не просто отделяла голову от туловища, она рассекала человека на множество ровных кубиков. Это гигантское полотно из перекрещивающихся серебряных лезвий батюшка окрестил «Die Beweiskraft Bettdecke» — «Покров решающего аргумента». Еще он изобрел веерный пистолет: пять стволов, угол между первым и последним

составляет триста градусов, и все стреляют одновременно. Свой скоростной пулеметатель отец назвал «Das Dreieck des Wohlstands», или «Треугольник процветания», в вершине которого сам стрелок.

— Ну, не такая уж и плохая мысль.

— Нет, ужасная. Если, конечно, не отбиваешься от пятерых врагов, каждый из которых соизволит встать перед стволом.

— Твой отец проявил смекалку.

— Он проявил пренебрежение безопасностью и практичностью.

— Все равно, пятиствольный пистолет — штука занятная.

— Отрицать не стану, но тогда, когда мне было всего тринадцать лет, отцовские изобретения меня нимало не радовали. Напротив, вселяли в меня ужас. Я никак не мог отделаться от мысли, что однажды он испробует какую-нибудь задумку на мне. И сегодня я понимаю: простая боязливость, мнительность тут ни при чем. И потому я ни капли не расстроился, когда однажды весенним утром отец ушел. Собрал вещи, не оставив никаких напутствий или распоряжений, просто потрепал меня по голове и был таков. Позднее в Бостоне он покончил с собой. При помощи

топора.

— Топора?! Разве такое возможно?

— Не знаю, но вот что говорилось в письме: «С прискорбием сообщаем, что пятнадцатого числа мая месяца Ганс Варм покончил жизнь самоубийством посредством топора. Личные вещи переходят в ваше распоряжение».

— Так, может, его убили?

— Нет, не думаю. Если кто и нашел способ убить себя топором, так это мой отец. Его вещи мне так и не отдали, а мне было интересно, чем он жил тогда, в конце пути.

— Что же было дальше, когда ты остался один?

— Две недели я прожил в нашем доме, а потом вдруг объявилась матушка: писаная красавица двадцати восьми лет. Прознала об уходе батюшки и тут же примчалась увезти меня в Вустер, где и жила все это время. Бросать сына после родов ей было страшно жаль и неохота, но она боялась мужа: тот часто напивался и угрожал ей ножами, вилками, еще чем-нибудь острым. Я так понял, что замуж матушка вышла не по доброй воле, и брак она вспоминала с содроганием. Однако прошлое осталось в прошлом, и мы радовались счастливому воссоединению. Первый месяц в Вустере матушка только и делала, что держала

меня да плакала. Собственно, в этом поначалу и заключались наши с ней семейные отношения. Я уж боялся, что перемены так и не наступят.

— Похоже, матушка тебе досталась добрая.

— В самом деле. Пять лет мы прожили как у Христа за пазухой, в ладу друг с другом. Матушке от родителей в Нью-Йорке досталось наследство, и мы не знали нужды: стол всегда был полон, одежда чиста и опрятна. Матушка всячески поощряла мою тягу к знаниям, ибо уже в том нежном возрасте неуемное любопытство заставляло меня поглощать сведения по всем предметам: от инженерии до ботаники и химии. О да! К несчастью, блаженство долго не продлилось. Став взрослым мужчиной, я стал напоминать матушке отца как видом, так и норовом. Увлеченный занятиями, я почти не покидал своей комнаты. Матушка хотела привить мне более здоровые интересы, однако меня обуял гнев такой силы, что испугались мы оба. Тогда же я пристрастился к выпивке. Пьянчугой не стал, но еще больше уподобился отцу: грубил, унижал матушку. Она не хотела повторения прошлой истории, ее можно понять, и мало-помалу любить меня перестала. Между нами ничего не осталось, и я покинул дом — иного выхода не видел. Прихватил кое-какие пожитки,

немного денег и отправился в Сент-Луис. Вернее в Сент-Луис отправились мои вещи и деньги, и странствие само собой прервалось. Близилось зимнее время, меня убил бы холод или тоска (а может, и то, и другое). Я продал лошадь и женился на жирной бабе по имени Юнис. Не по любви, она мне даже не нравилась.

— Зачем же жениться на нелюбимой особе?

— В доме у нее стояла пузатая печка, которая жарила, как угли в преисподней. А судя по размерам собственного брюха Юнис, в кладовой имелся солидный запас провианта, вдвоем мы бы перезимовали. Вот ты смеешься, но то был мой единственный мотив: кров и еда. Черт, я на крокодилихе б женился, уступи она мне место на ложе. Впрочем, если вспомнить меру доброты Юнис… Можно сказать, что на крокодилихе я и женился. Ни чувств, ни страсти — ничем таким моя супруга не обладала. В ней ощущалось полное отсутствие привлекательности или даже полная ее противоположность. В Юнис я видел бездонный колодец отрицательных качеств, враждебности. Какая она была страхолюдина! Воняло от нее перепревшими листьями. Одно слово — животное. Когда деньги от продажи лошади закончились и Юнис поняла, что сношаться я

с ней даже не помышляю, она, недолго думая, спихнула меня с кровати на пол. Жар от печи припекал мне голову, тогда как холод из-под половиц морозил зад.

Так растаяли мои надежды на сытую зимовку. Юнис стерегла от меня коврижки, как медведица, и порой жаловала миской водянистой баланды. В общем-то, не совсем дурная баба, но и крохи добра в ней приходилось разглядывать о-очень внимательно — не ровен час проглядишь. Однако зима выдалась жутко холодной, и я решил закусить удила, любой ценой переждать морозы в доме Юнис, обокрасть ее по весне и убежать в рассвет. Оставить за собой последнее слово. Юнис раскусила мой план и успела опередить. Возвращаюсь как-то домой из салуна и вижу: за столом сидит здоровенный урод, а перед ним тарелка с коврижками. Я сразу все понял, пожелал им удачи и пошел прочь.

— Великодушно с твоей стороны.

— Как же! Час спустя я вернулся с намерением поджечь им хату. Тот гигант поймал меня над коробком спичек и отвесил такого пинка под зад, что я в прямом смысле улетел! Юнис видела, как было дело, и первый раз при мне захохотала. Долго она смеялась… Как бы там ни было, а получив

такой болезненный урок от жизни, я в ней разочаровался. Скатился до банального воровства. Голову ломал: не мог понять, отчего наступила такая полоса неудач. Всего несколько месяцев назад я наслаждался обществом своих книг, чистый, ухоженный, имея крышу над головой, довольный всем. И вот ни с того ни с сего, не учинив греха, оказался на улице. По ночам проникал в чужие амбары и хоронился под стогами обоссанного сена, просто чтобы не замерзнуть насмерть. И вот однажды я сказал себе: «Герман, мир ополчился против тебя!» Пора было дать сдачи.

— Что ты крал?

— Вначале только самое необходимое: буханку хлеба — там, одеяло — здесь, пару шерстяных чулок… Все, без чего ни один человек жить не может. Потом заматерел, стал понаглее, жаднее. Со временем начал таскать все, до чего только мог дотянуться. Просто так, из порочного удовольствия. Крал то, что мне и даром не нужно: дамские сапожки, колыбельки… Однажды стащил со скотобойни отсеченную коровью голову. Для чего? На что она могла мне сгодиться? Когда голова стала слишком тяжелой, я бросил ее в реку. Проплыв немного, она наскочила на камень и утонула. Воровство овладело мной, как болезнь. Я

крал, наверное, потому что таким образом хотел отомстить всем, кто не голодает, не мерзнет на улице, кто не одинок. И тогда же я душой и телом попал в плен к зеленому змию. А ты еще свою жизнь называешь порочной.

— Мой отец был пропойцей. Сейчас пьянствует Чарли.

— Яд зеленого змия по-прежнему отравляет мне жизнь. Похоже, я никогда не избавлюсь от своего проклятия. Конечно, можно навсегда завязать с алкоголем. Бросить и все тут. Я ведь познал свою суть, знаю, что пьянство совсем не мое. Почему бы не отказаться от спиртного? Да потому, что это слишком логично. Слишком правильно и разумно. Скользкая это дорожка, даже не сомневайся. Шли дни, за ними месяцы, я обрастал грязью изнутри и снаружи, становился порочнее. Встречаются типы, которые гордятся своим маникюром, хвастаются, что раз в неделю обязательно купаются в горячей ванне, и не хотят думать о бедности. Причесав бороды, они отправляются на службу в церковь, где сидят терпеливо на скамейках и ждут перемен от хорошего к лучшему. Позволь же заметить: я был не из таких, скорее полной их противоположностью. Меня неудержимо влекло к грязи. Больше и больше

мне хотелось купаться в ней и даже жить. Я только радовался, когда выпали зубы. Когда клочьями лезли волосы. Если коротко, я стал безумцем, юродивым, что ползает по улицам деревни. Только моей деревней стал не городишко с соломенными крышами, а Соединенные Штаты Америки. Наконец мной овладела мания: убежденность, будто я весь состою из выделений тела.

— Как это?

— Я считал себя ходячей кучей отбросов. Экскрементов. Кости свои я представлял как затвердевшее дерьмо, кровь как дерьмо жидкое. Сам не знаю почему, не проси объяснять. Я болел цингой, много пил, мой разум воспалился, и вот так пришла эта навязчивая идея.

— Живая куча дерьма. Ну надо же…

— Мне нравилось так о себе думать. Любимым занятием у меня стало бродить по улицам, в толпе и трогать за руки одиноких дам. Вид моей собственной грязи на их голой коже радовал несказанно.

— Народ, надо думать, тебя не сильно жаловал.

— Самого меня? Нет, зато любили мусолить связанные со мной сплетни. Впрочем, на одном месте я подолгу не задерживался, так что уличные легенды обо мне так и оставались уличными

легендами. Помешательство отнюдь не сделало меня дураком, и я придерживался правила: нашкодил — двигай дальше, не жди поимки и наказания. Украв лошадь, я гнал ее в соседний город, где вновь принимался искать жертву. Грязь, уродство, чернейшие из грехов — так продолжалось изо дня в день. Я не жил, просто существовал в ожидании смерти. А потом, проснувшись както поутру, я обнаружил себя там, где никак не ожидал оказаться. Угадай где? Сразу скажу, не в каталажке.

— Ну вот, ее-то я и собирался назвать.

— Хорошо, отвечу. Страдая от похмелья, какого не знал и не узнает ни один сапожник, я пробудился в казарме народного ополчения. Отмытый, побритый, стриженый и в солдатской форме. Трубили подъем, и я уж распрощался с жизнью: думал, помру с испуга, так ничего и не поняв. Потом меня схватил за руку один солдатик живчик и прокричал: «Подъем, Герман! Еще раз проспишь — отправят на губу!»

— Вот это, черт возьми, перемены! Что же случилось?

— Тот же вопрос я задал себе сам. Но ты поставь себя на мое место: откуда мне было знать?!

— Ну, я бы спросил у кого-нибудь.

Приняв серьезный вид и позу, Варм произнес:

— Простите, добрый человек, не скажете, как получилось, что я вступил в ряды народного ополчения? Право, сущая мелочь, но сам я вспомнить не могу.

— Да, неловко начинать беседу таким вот образом, — признал я. — Но что поделаешь? Нельзя же было оставаться в неведении!

— Именно его я и предпочел на время. Сдался. Пойми, Эли, в голове у меня творился такой кавардак! Напиваясь, я частенько останавливался в каком-нибудь месте на час, на два, а то и на вечер. Но где и как быстро я примкнул к солдатам?

И почему они меня все знали? Как можно было забыть столь важный шаг в жизни? До поры до времени я решил не высовываться и следовать за всеми.

— А потом выяснил?

— Это все были проделки того самого живчика, солдатика по имени Джеремайя. Время от времени, когда ему становилось особенно скучно, он выбирался в город в поисках опустившегося пропойцы-бездельника. Напоив его до беспамятства, выпытывал личные сведения и тащил обратно в лагерь. Там одевал в военную форму и укладывал на койку. Собственно, так он поступил

и со мной.

— Ох, и разозлился ты, наверное?

— Да не то чтобы… К тому времени, как вскрылась правда, я понял: в ополчении мне нравится. Жизнь среди солдат даровала много полезных перемен. Нас регулярно заставляли мыться. Поначалу баню я невзлюбил, но со временем привык. Возвращение к чистоплотности избавило меня от бесовской привычки считать себя ходячим говном. Меня кормили, одевали. Спать на солдатской койке оказалось вполне удобно, в казармах было сухо и тепло, а по вечерам даже перепадал глоточек-другой выпивки. Мы резались в карты и горланили песни. Крепкие ребята эти военные — сироты, никому ненужные, собранные вместе одним призванием и не знающие, чем занять свободное время. Так, тихо и беззаботно прошло с полгода, я начал подумывать: не дезертировать ли? Но тут мне посчастливилось сдружиться с подполковником по фамилии Бриггз. Если бы не он, Эли, мы бы тут с тобой не сидели в ожидании, когда река отдаст нам свои сокровища.

— И что же произошло?

— Ты слушай, слушай. Прохожу я как-то мимо комнаты Бриггза, смотрю, а дверь, которая обычно не только закрыта, но еще и заперта на

засов, даже не захлопнута. Всем рядовым, не одному мне, было любопытно разузнать о подполковнике, потому как если обычный офицер лишь может крыть матом и раздавать приказы, то подполковник наш ходил вечно скромный, застенчивый. Хрупкий такой, седенький, он постоянно носил мечтательную мину, подолгу запирался у себя в комнате бог знает для чего. Тайны в армии — диковина, и я не устоял перед соблазном, захотел разузнать, в чем дело. И вот, значит, открываю дверь, заглядываю и вижу… Ну, Эли, догадайся, что я увидел?

— Даже не представляю.

— Не-ет, ты угадай.

— Сдаюсь, Герман, не томи.

— Ну и правильно, как тебе догадаться-то? В общем, слушай. Заглядываю внутрь, а подполковник наш стоит один, крепко задумавшись, посреди комнаты в белоснежном халате. На столе перед ним горелки, мензурки и всякие прочие лабораторные принадлежности. И по полу кругом разбросаны толстенные книги.

— Бриггз был химик?

— Увлекался ею и, как я выяснил, очень серьезно. Один лишь вид его приборов пленил меня, околдовал. Сам не понимая, что делаю, я вошел

в комнату, приблизился к столу и завороженно посмотрел на оборудование. Тут подполковник заметил меня. Я, значит, стою рядом с ним, разинув варежку, а он, покраснев, орет на меня и велит выметаться! Я давай просить прощения, но Бриггз и слушать не стал — вытолкал за дверь. В ту ночь я не мог заснуть. Близость книг и лабораторной утвари пробудила забытую тягу к знаниям. При свете свечи я написал записку Бриггзу: поведал о своем прошлом, об отце и попросил взять меня в помощники. Послание просунул ему под дверь, и уже утром подполковник вызвал меня к себе. Поначалу он отнесся к просьбе настороженно, зато потом, убедившись в искренности моих намерений, заключил со мной сделку: я стал работать у него ассистентом и в качестве платы получил допуск к оборудованию и книгам. Мне даже позволили время от времени проводить собственные опыты. Я с радостью забросил карты, бурбон и сальные байки с товарищами, устроив довольно современную — насколько позволяли казарменные условия — лабораторию. Чутье и знания, почерпнутые в библиотеке Бриггза, привели меня в итоге в царство Света.

Варм налил себе кружку кофе. Хотел угостить

меня, но я отказался, и тогда он, пригубив напиток, продолжил историю.

— Сколько лет мой ум простаивал! Забросив науку, я постепенно опускался на дно. Забывал питать как тело, так и душу. И вот, раскрыв первую одолженную у Бриггза книгу, я содрогнулся: что, если мой мозг не сумеет воспринять ни слова из прочитанного? Отвыкнув от учения, он мог отторгнуть новое знание. Мозг, знаешь ли, это тоже мускул. Представь, Эли, я только приготовился к тяжелым упражнениям, однако мозг мой — нет, ты представь! — все эти годы сам о себе заботился и ждал того часа, когда я смахну с него пыль и вновь пущу в работу. И вот пришел заветный день, мой мозг жадно поглощал страницу за страницей, книгу за книгой с такой невероятной силой и живостью, будто боялся вновь оказаться не у дел. Мне же оставалось подкармливать его, и награда не заставила себя ждать. Через несколько месяцев мне в голову пришла идея золотоискательной жидкости. Пришла столь неожиданно, что я как сидел на стуле, так вместе с ним на пол и бухнулся. Будто камнем в грудь зарядили. Бедняга Бриггз не понял, в чем дело. Я на какое-то время попросту утратил дар речи, а потом схватил бумагу и чернила, вновь

сел за стол и где-то час писал не отрываясь.

— Как отнесся к идее подполковник?

— Не знаю. Своим открытием я с Бриггзом не поделился, чего он мне так и не простил. Не то чтобы я не доверял ему, просто тайну вроде моей ни один человек при себе долго держать не сможет. Слишком уж ноша тяжелая. Бриггз жутко оскорбился и запретил мне приходить. Тогда я попытался продолжить работу в собственной казарменной лаборатории. Впрочем, от затеи пришлось отказаться: ребятам больно нравилось таскать у меня заметки или просто портить их. Я вновь задумался о дезертирстве, но меня опередил сосед по койке: он бежал, его схватили и в тот же день расстреляли. Мысль о побеге сразу утратила привлекательность. В отчаянии, испугавшись, что мое открытие пропадет втуне, я обратился к тому, по чьей вине я и попал в ополчение: «Джеремайя, мне надо покинуть армию. Прошу, скажи, что для этого надо сделать?» В ответ Джеремайя положил мне руки на плечи и произнес: «Герман, если тебе надоело, просто развернись и ступай прочь. По правде, ты не зачислен в ополчение». Вот так и выяснилось, что я не подписывался на службу. В тот же вечер ребята закатили праздник для меня, поутру я

покинул лагерь и устроил неподалеку скромную лабораторию. Прошел примерно год проб и ошибок, прежде чем я добился желаемого результата: сумел заставить золото светиться. Правда, на короткое время. Потом изменил формулу, и золото стало светиться дольше, но при этом принимало серый окрас. Я нечаянно сжег лабораторию почти дотла… В общем, приходилось не сладко. Выведя же наконец нужный рецепт, я узнал, что в Калифорнии нашли золото, и отправился на запад по Орегонской тропе. Так меня занесло в Орегон, а там и к Командору… Что было дальше, ты знаешь.

— Можно и так сказать.

Варм поскреб ноги и руки. Посмотрел вверх и, обернувшись через плечо, позвал:

— Что скажешь, Моррис? Небо уже достаточно темное?

— Еще минутку, Герман. Вот только добью мерзавца — он уже загнал себя в угол!

— Это мы еще посмотрим, — ответил Чарли.

Они сидели в палатке и играли в карты.

Глава 53

С наступлением ночи четверо встали на берегу и одновременно спустили штаны. За спинами у нас высоко взвивалось пламя костра. Мы выпили по три глоточка виски — в самый раз, чтобы отвлечься от холода воды и как следует выполнить работу (а после еще и вспомнить подробности). Вожак бобров и сегодня восседал на плотине. Пристально следя за нами, он почесывался по-собачьи. Едкая золотоискательная жидкость и ему подпортила шкурку. Однако где же все остальные? По-прежнему прячутся? Отдыхают? Едва моих стоп коснулась вода, я засмеялся, точно блаженный, и поспешил унять радостное чувство. Отчего-то мне показалось, что откровенно веселиться сейчас неуместно, неуважительно. По отношению к кому или чему? Точно бы я не сказал, но чувствовал: остальные сейчас затаили дыхание по той же самой, необъяснимой причине.

Дотемна мы успели прикатить к берегу и откупорить бочку с жидкостью. Стоило мне вдохнуть ее запах, как легкие ожгло пламенем. Моррис держался в стороне, поглядывая на воду с опаской.

— Как твои ноги? — спросил я.

Глянув себе на голени, Моррис покачал головой.

— Плохо, — ответил он.

Варм сказал:

— Я поставил на огонь горшок с водой и приготовил мыло. Отмоемся после работы. Первый раз мы с Моррисом не догадались очистить кожу, теперь расплачиваемся за недальновидность. — Обернувшись к Моррису, он спросил: — Еще одну ночь не потерпишь?

— Хватит рассусоливать, — пробормотал тот.

Раздражение на ногах у него поднялось аж до бедер: побагровевшую и расчесанную кожу покрывали жирные волдыри, наполненные буроватой жидкостью и слегка провисающие под собственным весом. Моррис едва стоял на ногах, и когда он почти вошел в воду, я подумал: «Зачем его мучить?»

— Моррис, тебе, пожалуй, не стоит сегодня работать, — сказал я.

— И вы лишите меня доли? — попытался он пошутить.

Впрочем, неудачно — слабость голоса выдала страх. Варм тоже заметил, что Моррис боится, и поспешил поддержать мой совет:

— Эли прав. Посиди-ка, отдохни. Я все равно с тобой поделюсь.

— Я тоже, — сказал я.

Чарли проявлять щедрость отнюдь не спешил, однако под нашими с Вармом взглядами он наконец сдался и кивнул.

— Хорошо, Моррис, от меня тебе тоже перепадет.

— Вот видишь, — сказал Варм.

Моррис не спешил отступать. В нем заговорила уязвленная гордость.

— Давайте я только у бережка поработаю, — предложил он.

— Молодец, что не сдаешься, — похвалил его Варм, — но вдруг ты без ног останешься? Нет, лучше посиди, сегодня мы сами справимся. Догонишь завтра, идет?

Печально опустив взгляд, Моррис не ответил. Варм, напротив, просиял и поделился соображениями:

— В прошлый раз золото светилось особенно ярко там, где мы вылили в реку смесь. Сегодня, думаю, стоит взболтать воду. Поработаем палками: разгоним по реке золотоискательную жидкость, так она поможет исследовать большую площадь.

Моррису идея пришлась по душе, и мы нашли

для него ветку подлиннее. Варм отвел его за руку к плотине, а сам, турнув бобра с ее верхушки, отправился на противоположный берег. Оттуда велел нам с Чарли опорожнить бочку в реку и предупредил, чтобы ни капли смеси не коснулось кожи.

— Сами видите: даже растворенная в воде, она причиняет жуткую боль. В чистом виде проест дыру в плоти. — Он указал на вторую бочку, расположенную в двадцати ярдах вверх по течению. — Опорожнив одну бочку, бегите ко второй и выливайте жидкость из нее тоже.

— А третья? — спросил Чарли. — Почему бы не вылить жидкость из трех разом и сегодня же покончить с работой?

— Опорожняя две бочки, мы итак испытываем удачу, — ответил Варм.

— Если закончим сегодня, завтра утром можем сниматься и отвезем Морриса к врачу.

— Тогда нам всем понадобится доктор. Чарли, прошу тебя, не отвлекайся. Когда опустошите вторую бочку, Моррис размешает в реке жидкость. А вы, как заметите сияние, хватайте ведра и приступайте к работе. Без промедления!

Мы с Чарли присели у первой бочки, готовясь ее опрокинуть. Руки до самых плеч дрожали. Я

так не возбуждался с тех пор, как первый раз возлег с женщиной. Точно так же в предвкушении у меня закружилась голова. Я ждал, что река вот-вот должна ожить, засиять. Чарли, заметив мое волнение и трепет, спросил:

— Ты как? Все хорошо?

Я ответил, что вроде бы да. Поддев нижний край утопающей в притоптанном песке бочки, мы сосчитали до трех и подняли ее. Затем осторожно и медленно, боком, словно крабики, пошли к берегу. Войдя в бегущую холодную воду, Чарли сначала зашипел, а потом рассмеялся. Я вторил ему, и мы на какое-то время задержались на месте просто для того, чтобы посмеяться вдвоем. Над головами у нас светили яркие луна и звезды. Мимо текла черно-серебристым полотном река. Плескалась жидкость в тяжелой бочке, точно такая же, черно-серебристая. Наконец мы опрокинули бочку, и смесь, густая-прегустая, полилась через край. Еще никогда я, наверное, не ощущал себя таким смелым и сильным.

Сливая жидкость в реку, мы шаг за шагом отступали к берегу. Наружу вырвались пары и запах — они вновь обожгли мне нос и легкие. Я чуть не сблевал — так воняло из бочки. Глаза просто горели и постоянно слезились.

Вылив все, мы отбросили бочку и метнулись ко второй. Опорожнили ее и спешно выбрались на берег. Стали смотреть, что будет дальше. Варм с противоположного берега отдал команду Моррису мутить воду. Тот приступил к делу, но, хиленький, изможденный, справлялся плохо, недостаточно быстро. Тогда Варм добыл себе ветку и принялся молотить ею по воде изо всех сил. В этот момент я услышал за спиной треск. Оказалось, Чарли топориком вскрыл третью бочку.

— Ты что делаешь? — спросил я.

— Выльем все три, — ответил братец, пыхтя и сковыривая крышку.

Варм, заметив Чарли, закричал:

— Бросьте! Оставьте!

— Выльем третью и завтра же будем свободны! — ответил ему Чарли.

— Нет, отойди от бочки! — продолжал Варм. — Эли, останови брата!

Я подошел было к братцу, но тот уже поднял бочку сам. Сделал один тяжелый шаг, второй, на третьем он оступился, и густая жидкость всколыхнулась и перелилась через край. Потекла вниз, накрыв по пути пальцы правой руки. Чарли уронил бочку, и золотоискательная смесь пропала зазря, впитавшись в песок.

Согнувшись пополам, Чарли скрипел зубами. Я схватил его за руку и взглянул на ожог: кожу до самого запястья покрыли волдыри, которые то вздувались, то опадали, словно горловой мешок у лягушки. Чарли нисколько не испугался, но разозлился: он раздувал ноздри по-бычьи, с подбородка упругими нитями свисали слюни. С благоговейным трепетом я заглянул братцу в глаза: в них горел огонь чистой ненависти и открытого вызова, пренебрежения к боли. Я схватил с огня горшок с подогретой водой, омыл Чарли руку и обернул ее лоскутом ткани, оторванным от рубашки. Варм не видел, что произошло с бочкой, не знал, какая беда постигла моего братца.

— Мужики, торопитесь! — кричал он со своего берега. — Ослепли, что ли?! Спешите!

— Ведро держать сможешь? — спросил я у Чарли.

Он попробовал сжать руку в кулак и от боли сильно наморщил лоб. Торчащие из-под повязки кончики пальцев уже распухли. Черт, а ведь Чарли правша, как ему теперь стрелять? О том же, наверное, подумал и сам братец в тот момент, когда жидкость только обожгла ему кисть.

— Эта рука мне еще пригодится, — сказал он.

— Работать-то сможешь?

Чарли ответил, что постарается, и я накинул ему ручку ведра на предплечье. Чарли кивнул, и я, схватив другое ведро, повернулся к реке.

Пока мы возились с обожженной рукой моего братца, жидкость начала действовать: золото засветилось, да так ярко, что я невольно заслонил ладонью глаза. Дно реки сияло, каждый камешек, каждый поросший мхом булыжник в ней стал виден как днем. Самородки и хлопья золота, еще несколько мгновений назад такие холодные и скрытые от глаза, теперь сияли чистым желтым и оранжевым светом, четко, словно звезды на небе.

Варм уже вовсю работал: его рука ходила туда-сюда — под воду и обратно, словно живой поршень. Оглядываясь в поисках самородков побольше, он действовал хладнокровно и с толком, однако лицо его и глаза, освещенные сиянием золота, выдавали наивысшую, полную степень довольства и радости. Моррис, совсем изможденный, не в силах мутить воду дальше, отложил ветку и смотрел на реку блаженно и тихо, словно одурманенный опиумом. Я глянул на Чарли: выражение у него на лице смягчилось, морщины разгладились. Братец позабыл о гневе и боли. Увлеченный зрелищем, он сглотнул и посмотрел

мне в глаза. Улыбнулся.

Глава 54

В пресном мире, где все подчиняется рассудку и числам, прошло двадцать минут, прежде чем золото перестало сиять. Однако мгновения, проведенные за работой, не показались ни долгими, ни короткими, их вообще нельзя было сосчитать и измерить. Мы выпали из времени (во всяком случае так мне показалось). Необычное дело подняло дух на такую высоту, где секунды и минуты не то что не действуют, они просто не существуют. И это возвышенное состояние — говорю за себя — пришло не столько от вида быстро растущих золотых горок, сколько от мысли, что я участвую в невероятном приключении благодаря уму и силе разума одного-единственного человека.

Меня никогда не занимал вопрос бытия: счастлив я быть человеком или нет? Но сейчас мной овладела гордость за пытливый и упорный человеческий разум. Я определенно радовался жизни и тому, кто я есть. Из наших ведер били столбики яркого света, и ветви деревьев близ берега озарялись сиянием из реки. Долину обдувал теплый ветер, и, отражаясь от воды, он ласкал мое лицо и трепал волосы.

Я навсегда запомню эту ночь — один сказочный ее отрезок, как самый счастливый. Позже он казался даже чересчур счастливым — такой радости людям познавать недозволено. По сравнению с ним и теперь блекнет все, что я считал в жизни ярким. Впрочем, и это, должно быть, справедливо, радовались мы не долго. После все пошло под откос. Наступил мрак, какого я и представить не мог. Нас посетила смерть, и не в одном своем обличье.

Глава 55

Возвращаясь назад по краю плотины, Моррис оступился и упал в самую глубокую часть реки, ушел под воду целиком, с головой, да так и не вынырнул. К тому времени золото перестало сиять, а мы с Чарли сидели на берегу и торопливо отмывались от едкой смеси. Признаться, сначала мы даже и не ощутили, как она действует на кожу: холодная вода в реке, занемевшая плоть, возбуждение, радость — все это приглушило чувствительность. Зато потом, когда золото вновь сделалось невидимым, по рукам и ногам стало расползаться жуткое жжение. Оно целиком заняло нас, не позволяя больше ни о чем думать. Мы скребли руки и ноги, спеша поскорее отмыться. Чарли отстал, и я, сделав дело, помог ему. И как раз когда я закончил мыть братцу ноги, мы услышали Морриса. Вынырнув наконец, он кричал.

Мы с Чарли побежали к берегу. К тому времени Варм вышел на середину плотины. С полным золота ведром он сильно кренился вправо. Чарли крикнул ему, что рядом осталась лежать ветка Морриса — ее можно протянуть бедолаге и помочь выбраться на сушу. Однако Варм не услы-

шал. Мрачно посмотрев вниз, он отставил ведро в сторону и уверенно шагнул прямо в отравленную воду. Вынырнул с Моррисом в охапку. Глаза у того были закрыты, но он дышал. Челюсть отвисла, язык вывалился, и в раскрытый рот затекала вода.

Когда же они вдвоем выбрались на берег, мы с Чарли ринулись им навстречу. Варм остановил нас, сказал: к ним нельзя прикасаться. Тогда мы отошли в сторонку и стали смотреть, как эти двое, запыхавшиеся и изможденные, лежат на песке. Я сбегал за подогретой водой и первым делом окатил Морриса. Тот застонал. Потом Варма. Он поблагодарил меня. Впрочем, вода быстро закончилась, так и не смыв до конца едкую дрянь.

Делать нечего, мы с Чарли оттащили двоих несчастных к мелководью выше по течению и погрузили их в чистую воду. Потом я сбегал за мылом, и мы с братцем принялись отмывать Морриса с Вармом, утешая их, приговаривая, мол, скоро все закончится, все будет хорошо. Но им постепенно становилось только хуже, и вскоре Моррис с Вармом кричали в голос от боли. Они катались по песку, корчась и дрожа, словно их жарили на медленном огне. Впрочем, именно так они себя, должно быть, и чувствовали.

Тогда мы вынесли их на берег. Я вылил остатки обезболивающего средства им на лица и головы. Глаза Моррису и Варму застила молочно-серая пленка. Моррис признался, что ничего не видит, и следом о том же сообщил Варм. Моррис заплакал. Варм вслепую взял его за руку, и вместе они зарыдали. С душераздирающими криками и стонами эти двое покидали нас. Вопили они хором, словно боль терзала их одновременно и одинаково.

Я посмотрел на Чарли и скрытно, одним только взглядом, спросил, что будем делать. Братец так же, взглядом, ответил: ничего. И верно, мы уже ничего не могли поделать, кроме как убить страдальцев.

Глава 56

На рассвете умер Моррис. Мы оставили его на берегу, а Варма отнесли в палатку. Он бредил и, едва мы уложили его на койку, спросил:

— Моррис! Моррис, сколько мы сегодня добыли? Который час, Моррис?

Мы с братцем не ответили. Просто вышли наружу и стали ждать, когда Варм заснет или же испустит дух. Небо покрылось низко нависшими тучами. Мы с Чарли улеглись у костра и проспали до обеда. Когда заморосил дождик, я сел и заметил сразу две вещи. Во-первых, Моррис изменился за последние несколько часов и выглядел совсем иначе. Его окоченевшее, бледное тело, некрасивое и как будто лишенное веса, напоминало прибитый к берегу кусок древесины. А во-вторых, бобры повылазили на песок и сдохли. Девять мертвых зверьков лежали в ряд на песке совсем недалеко от лагеря. Было в этом зрелище нечто прекрасное и в то же время зловещее, предостерегающее. Бобры лежали на животах, закрыв глаза, вожак — в центре, чуть ближе к нам. Черт, неужели они выбрались из воды и хотели подкрасться ко мне и братцу, пока мы

спали? Неужели задумали напасть? Отомстить за то, что мы отравили их дом рукотворным ядом? Слава богу, я никогда не узнаю, что творилось перед смертью в их головах.

Жаль, что Моррис погиб так быстро, едва приняв решение бросить Командора. Интересно, счел ли он свою смерть заслуженной? Наказанием за предательство? Раскаялся ли, сожалел? Надеюсь, что нет, хотя с Морриса сталось бы. Проклятый Командор, так заморочил голову бедолаге. Ненавижу!

Ярость обуяла меня, да такая, какой я никогда не испытывал. Все, участь Командора предрешена. Легче мне, конечно, не стало, но это до поры, до времени. Пока же надо отдыхать и набираться сил, пусть на сердце и горько: такая славная выдалась ночь, и так нелепо она завершилась.

Я встал и осмотрел свои ноги. Засыпая несколько часов назад, думал: проснусь, а они уже покроются жирными волдырями. Но нет, ничего подобного я не заметил: от середины бедер и ниже кожа лишь покраснела, будто сгорев на полуденном солнце. На ощупь она была теплая, слегка зудела и только. Ничего похожего на ожоги у Морриса и Варма. Надеюсь, со временем хуже не станет.

Чарли все еще спал, лежа на спине и широко раскрыв глаза. Перед его штанов оттопырился. Смотреть противно, зато полноценный стояк — это верный признак, что у братца все хорошо. Никогда не знаешь, в каком виде нам даруются добрые знаки.

Закатав одну штанину, я осмотрел ногу братца: точно как и у меня, она только покраснела и лишилась волос. Однако пальцы правой руки, пурпурные и раздутые, казалось, готовы лопнуть. Еще эти бобры дохлые, Моррис… До чего же мне тошно. Надо бы растолкать Чарли и поговорить с ним о руке. Хотя нет, пусть отдыхает.

И тут я вспомнил, что последний раз чистил зубы в Сан-Франциско. Прихватив щетку и порошок, я отправился вверх по реке. Отскреб язык, десна и зубы, сплюнул пену, словно картечь, в воду и прополоскал рот. Потом услышал из палатки голос Варма.

— Герман? — позвал я.

Варм не ответил. Тогда я вернулся к стоянке и одного за другим унес бобров с пляжа: брал их за хвосты и бросал в воду к югу от плотины. Зверьки оказались тяжелей, чем я думал, а хвосты походили скорее на рукотворные предметы, нежели на отростки живого тела. Чарли к тому времени

проснулся и сел на месте. Он смотрел на то, как я избавляюсь от последних бобров. Занятие, что и говорить, странное, однако братец ничего не сказал. Напротив, он следил за мной со скучающим видом. Позабыв об увечье, Чарли хотел смахнуть с лица муху и тут же поморщился от сильной боли, когда пальцы ударились друг о друга.

Выбросив последнюю тушку, я присоединился к братцу. Он как раз пытался снять с кисти повязку, но ткань присохла накрепко и отошла с лоскутом кожи, оголив костяшки и пальцы. Больнее Чарли не стало, но вид руки вызывал отвращение и страх. Я предложил обработать ее остатками спирта, перед тем как снять повязку целиком. Чарли ответил, что для начала он хочет перекусить. Я приготовил нам скромный завтрак — кофе и бобы. Отнес порцию Варму, но тот спал, и я не решился его будить. Все тело его приобрело красный и пурпурный оттенки. Волдырей на ногах стало вдвое больше, и все они, лопнув, истекли желтовато-бурым гноем. Пальцы почернели, и в палатке пахло гнильцой. Думаю, еще до заката Варм отправится вслед за Моррисом.

Когда я вышел, Чарли уже переливал спирт в один из горшков Варма, в другом он кипятил чистую рубашку. Братец сразу признался: сороч-

ку, что сейчас колыхалась в воде, он достал из седельной сумки Морриса. Он посмотрел на меня, ожидая упреков, но я смолчал. Чего уж тут… Чарли опустил руку в горшок со спиртом, и тут же на лбу у него взбухла и забилась жирная V-образная вена. Ему бы закричать, а он терпел молча. Потом, когда боль унялась, братец протянул руку мне, и я снял повязку — как и прежде, ткань отошла вместе с кожей. Ну все, с рукой можно попрощаться. Чарли тоже это понял, однако не сказал ничего. Я палкой вынул рубашку Морриса из горшка и подождал, пока она остынет. После аккуратно, стараясь закрыть пальцы, чтобы Чарли не видел их и лишний раз не огорчался, замотал братцу изувеченную кисть.

Похоронить Морриса я решил подальше от воды, где песок переходит в землю. Могилу короткой лопаткой Варма я копал несколько часов. Тогда не понял и сейчас понять не могу, для чего вообще делают короткие лопатки, если есть обычные, добротные, с длинными черенками. Скажу честно, рыть могилу этаким совком — чистой воды самоистязание. Всю работу я проделал один, Чарли только помог перетащить тело Морриса к яме и сбросить его вниз. В остальное время братец сидел на берегу сам по себе, дважды отлучался

куда-то. Куда и зачем, я решил не выпытывать. Достаточно было, что Чарли просто молча присутствует на завершении церемонии.

У нас на руках оставался дневник Морриса. (Почему мы не вернули его, пока владелец был жив? Да просто в голову не пришло.) Что с ним делать? Зарыть вместе с Моррисом? Я спросил мнения Чарли, и братец ответил, что мнения на сей счет у него нет. В конце концов я решил оставить дневник при себе, потому как история Морриса интересна и неповторима. Лучше пусть ее узнают живые люди и восхитятся. В том, как жалкий, скрюченный труп Морриса лежит на дне могилы, не было ни капли достоинства. Грязное, пурпурное тело не вызывало ничего, кроме отвращения. Оно уже не было Моррисом, однако я произнес речь, как если бы взирал на него в прежнем виде:

— Прости, Моррис, я знаю, ты предпочел бы похороны попышнее. Что ж, ты показал всем мужской характер. Наверное, тебя это мало утешит, но мы с братом тебя уважаем.

Моя речь не впечатлила Чарли, да он и не слушал меня. Похоже, я немного перестарался и слова подобрал уж слишком напыщенные, однако произносить речи на людях не мое дело,

мне не за это платили. Вспомнив о подарке от бухгалтерши Мейфилда, я достал из кармана сюртука шелковую ленту и бросил ее в могилу. Мелочь, но каплю шика добавила. Новенькая, чистая и блестящая, лента развернулась на груди Морриса.

Я спросил у Чарли: не поставить ли крест? Братец ответил, что лучше спросить у Варма.

Когда я вошел в палатку, тот уже не спал. Услышав меня, он насторожился.

— Герман, — позвал я.

Моргнув, он посмотрел в мою сторону затянутыми молочной пленкой глазами.

— Кто здесь?

— Это Эли. Как себя чувствуешь? Рад слышать твой голос.

— Гд е Моррис?

— Моррис умер. Я похоронил его у холма. Как думаешь, крест ставить надо?

— Моррис… умер?

Варм замотал головой и тихо заплакал. Я вышел из палатки.

— Ну? — спросил меня Чарли.

— Зайду позже, еще раз спрошу. Хватит с меня плачущих мужиков.

Глава 57

Мы сложили все золото вместе — добытое вчера и позавчера (усилиями только Варма и Морриса). Всего получилось примерно ведро, то есть целое состояние. Я с трудом мог поднять добычу и попросил Чарли помочь мне. Братец не захотел. Я сказал, что ноша тяжелая, а он ответил, дескать, не сомневается.

Чисто из практических соображений и привычно заботясь о будущем, я стал поглядывать на лошадь Морриса. Крепкое животное. Поборов чувство вины, я оседлал ее и погонял вверх-вниз по мелководью. Шагал скакун плавно и даже благородно. Никаких чувств я к нему пока не испытывал, но если притремся друг к другу, кто знает… К этой лошади я буду относиться по-доброму, жаловать сахарком и доверием.

— Возьму себе лошадь Морриса, — сказал я Чарли.

— А-а, — протянул он в ответ.

Варм был так плох, что везти его куда-то мы не решились. Да и жить-то ему оставалось всего ничего. Варм едва ли чувствовал мое присутствие, но я оставался рядом. Негоже человеку

умирать в одиночестве. Чарли напомнил, что мы не знаем рецепта золотоискательной жидкости. Я ответил:

— Что ж теперь, пытать умирающего, пока он не выдаст все до последнего знания?

Очень мрачный, Чарли произнес:

— Не говори со мной так, Эли. Я сам потерял рабочую руку и просто говорю, что у меня на уме. В конце концов, может, Варм и сам захочет передать нам секрет.

Говоря так, братец смотрел в сторону, чего я прежде за ним ни разу не замечал. Да ведь он сейчас совсем, как я! Прежде он наверняка не ведал страха, теперь же, испытав его, не знал, как быть, что делать с этим новым чувством. Тогда я извинился за грубость и резкость. Братец извинения принял. Тут Варм позвал меня, и мы с Чарли вошли в палатку.

— Да, Герман?

Обмякнув на койке, Варм слепо глядел в потолок. Его грудь вздымалась и опадала неестественно быстро. Дышал Варм тяжело, с присвистом.

— Эли, — произнес он. — Я придумал эпитафию для Морриса.

Взяв карандаш и бумагу, я припал на колени у постели Варма и попросил диктовать. Варм

откашлялся и сплюнул прямо в воздух жирный комок слизи. Тот, описав изящную дугу, шлепнулся Варму на лоб. Вряд ли он заметил, а если и заметил, то даже не почесался, не попросил утереть ему лицо.

— Здесь лежит Моррис, — начал он, — добрый человек и друг. Он наслаждался прелестями городской жизни, но был рад и поработать руками. Он умер свободным, что, если честно, скажешь далеко не о каждом. Люди скованы собственным страхом и собственной глупостью, отчего не могут трезво взглянуть на беды в жизни. Они предпочитают и дальше страдать в неудовольствии, даже не пытаясь найти в жизни смысл и тем улучшить ее. Эти трусы умирают, унося в сердцах только прокисшую, грязную и пресную кровь, слабую, как водица. И память о них не стоит выеденного яйца (надеюсь, меня поймут). Люди почти все идиоты, но Моррис был не таков. Он ушел слишком рано, не совершив многого, на что был способен. И если есть на небе Бог, то он распоследняя сволочь.

Варм помолчал. Сплюнул уже не вверх, а вбок, на пол.

— Бога нет, — решительно произнес он и закрыл глаза.

Хотел ли Варм, чтобы это последнее утверждение вошло в эпитафию? Спрашивать я не стал. Он не в своем уме, и высекать его речь на камне не стоит. Впрочем, я утешил его, пообещав изготовить надгробие для Морриса. Варм поблагодарил меня и Чарли. Мы с братцем вышли и сели у костра.

Потирая запястье изувеченной руки, Чарли произнес:

— Тебе не кажется, что пришло время отчаливать?

Я мотнул головой.

— Варма нельзя бросать, пока он не умрет.

— А вдруг он еще несколько дней промучается?

— Значит, все эти дни будем с ним.

На этом мы поставили точку, и родилось наше новое братство. Чарли перестал быть главным, я больше не буду плестись у него в хвосте. Нет, мы не поменялись ролями. Мы их похерили. И с тех пор, даже сегодня, мы общаемся трепетно, словно боясь оскорбить друг друга. С чего так внезапно умерли наши старые узы, не могу сказать. Они угасли, как свеча. Мне, разумеется, сразу стало тоскливо. Растрогавшись, я скучаю по старой манере общения с Чарли. Не раз в голову приходил

вопрос: куда делся тот наглый, но привычный мне старший братец? Не знаю, ушел он и все тут.

Ждать смерти Варма долго не пришлось. Какие там дни, миновало всего несколько часов. С наступлением ночи мы с Чарли улеглись у костра. Делать что-либо не было ни малейшего желания, и тогда же Варм позвал сиплым голосом:

— Э-эй!

Чарли сказал, что не пойдет к нему, и в палатку я отправился один.

Варм уже готовился отойти в мир иной. Он и сам знал об этом, боялся. Я уж думал, что перед самой кончиной он обратится к Господу, станет молить о скором и легком переходе на Небеса, но нет. Варм остался тверд, не отступил в последний момент. Со мной говорить он не захотел, попросив позвать Морриса. Забыл, несчастный, что его друг мертв.

— Почему он не пришел? — судорожно хватая ртом воздух, спросил Варм.

— Моррис умер еще утром. Герман, ты позабыл?

— Моррис? Умер?!

Кожа у него на лбу сложилась гармошкой, рот застыл в гримасе агонии, десна блестели от крови. Варм отвернулся, пытаясь вдохнуть: воздух

проходил с трудом, рывками, словно горло чем-то закупорило. Я неловко переступил с ноги на ногу, и Варм обернулся на звук.

— Кто здесь? Это ты, Моррис?

Тогда я сказал:

— Да, это я, Моррис.

— О, Моррис! Где же ты пропадал?

В голосе Варма я слышал такое облегчение, даже радость, что у меня самого в горле встал ком.

— Я хворост принес.

Варм заметно ожил:

— Что-что? Хворост? Веточки для костра? Ай, молодчинка! Ночью разожжем костер, большой костер. Всю стоянку осветит. Славно будет пересчитать наше золото, а? Что скажешь?

— Да, Герман, славно.

— А что остальные? Куда они убежали? Я смотрю, этот Чарли не больно-то любит честный труд.

— Да, все больше в стороне отсиживается.

— Не спешит исправляться?

— Нет, как был лентяем, так им и остался.

— Но и дурным человеком его больше не назовешь.

— Да, Герман, ты прав: Чарли на самом деле хороший.

— А второй? Этот Эли, где он?

— Где-то здесь, поблизости.

— Совершает обход? Сторожит нас?

— Бродит себе в потемках.

Понизив голос, Варм произнес:

— Не знаю, как тебе, а мне этот малый по душе, даже очень.

— Да, и знаешь, Герман, ты ему тоже понравился.

— Что такое?

— Я говорю: ты ему тоже нравишься.

— Да ты никак ревнуешь?

— Нет!

— Я польщен, очень! Столько людей собралось вокруг, и все такие честные, достойные. Меня так долго никто не принимал… — Губы Варма изогнулись в грустной усмешке. Он смежил веки, и в уголках побелевших глаз выступили слезы. Я утер их рукой. Больше Варм глаз не открыл. — Моррис, если мне не суждено пережить эту ночь, продолжай мою работу. Используй формулу.

— Сейчас не время о ней. Отдыхай, не трать силы.

— Мне в голову пришла мысль: если смазать кожу свиным салом, оно защитит от ожогов.

— Отличная идея, Герман.

Судорожно вздохнув, Варм произнес:

— Моррис, Моррис… Я тебя словно тысячу лет знаю!

— И у меня то же чувство.

— Так жаль, что ты умер прежде меня.

— Ничего, мне уже не больно.

— Я так хотел помочь тебе. Думал, подружимся.

— Мы и так друзья, Герман.

— Я, — сказал Варм. — Я…

Он распахнул рот, и из самых недр его глотки раздался непонятный звук. Словно треснул и разломился некий твердый кусок нутра. Что бы ни случилось, боли Варм не испытывал. По крайней мере, он даже не вскрикнул. Я опустил ему на грудь ладонь и успел застать момент, когда сердце встрепенулось последний раз и затихло.

Испустив дух, Герман Кермит Варм уронил голову на бок, и часы его жизни остановились. Его правая рука свесилась с койки, и я поправил ее. Когда она свесилась второй раз, я все оставил как есть. Вышел из палатки. Чарли по-прежнему сидел у костра, и вроде бы ничего не изменилось. За исключением одной существенной детали.

Глава 58

Когда я вышел к братцу, по лагерю шастало с полдюжины индейцев. Краснокожие рылись в наших сумках, осматривали коней и мулов, искали, что бы такого ценного прикарманить. Стоило мне высунуть нос из палатки, как один из индейцев, вооруженный винтовкой, мотнул стволом в сторону Чарли: садись, мол, рядом. Я и сел.

Ни я, ни Чарли оружия при себе не оставили: ремни с кобурами, как обычно на привал, мы сложили под седлами. Но даже будь братец при револьвере, вряд ли он сумел бы оказать сопротивление. Чарли молча смотрел на пламя, время от времени бросая взгляды на незваных гостей — только так, чтобы не привлечь их внимания.

Ведро золота стояло между нами, и, возможно, индейцы его не заметили бы, не попытайся Чарли скрыть добычу, накрыв ведро шляпой. Индеец с винтовкой это сразу увидел и заподозрил неладное. Он подошел к нам и заглянул под шляпу. Индеец с самого начала хмурился, и даже содержимое ведра его не обрадовало. Впрочем, он нашел его достойным внимания и подозвал к костру членов отряда.

Вместе краснокожие устроились у огня и по очереди заглянули в ведро. Один даже расхохотался, и на него тут же шикнули — видимо, велели заткнуться. Другой индеец посмотрел на меня и резким тоном о чем-то спросил. Рассудив, что он желает знать, откуда золото, я ткнул пальцем в сторону реки. В ответ индеец удостоил меня презрительного взгляда. Его товарищи опустошили ведро, равными долями рассыпав самородки и хлопья по сумкам из телячьей кожи. Затем они встали и принялись обсуждать некое серьезное дело, указывая то на меня, то на Чарли.

Тем временем индеец с винтовкой заглянул в палатку и прямо ахнул. Таких эмоций от индейца ожидаешь в последнюю очередь, но этот и правда ахнул, громко, по-бабьи, и вывалился из палатки наружу. Зажав рот ладонями, он выкатил полные страха и стыда глаза. Побежал к товарищам, на ходу жестами веля им отойти подальше. Он описал увиденное, и весь отряд тут же поспешил прочь, скрылся во тьме. Странно, индейцы не забрали оружие, лошадей, оставили нам жизни. Видимо, подумали, что в лагере у нас чума или проказа. А может, просто сочли золото достаточным откупом.

— Варм умер, — сказал я братцу.

— Спать что-то хочется, — ответил он.
И что вы думаете? Он лег и заснул.

Глава 59

Варма я похоронил утром, рядом с Моррисом. Хоронил в одиночку — Чарли помогать не стал, просто сидел рядом и мозолил глаза.

Свою единственную сумку Варм при жизни набил до отказа записками. Я пролистал их в поисках формулы, но так ничего и не понял: не потому, что не знаком с химией и прочими науками, просто писал Варм как курица лапой.

Наконец я сдался, положил записки Варму на грудь и засыпал могилу землей и песком. Надгробий ни над Вармом, ни над Моррисом ставить не стал. Хотя, пожалуй, следовало бы отметить этих двоих как верных друзей и отважных исследователей. Однако в тот момент я чувствовал себя странно, потерянным, разум будто застило мороком. Хотелось поскорее отправиться в обратный путь. Так мы и поступили: едва я закончил с могилой, мы с Чарли оседлали коней и поехали прочь.

Палатка осталась стоять неразобранной, костер по-прежнему курился. Обернувшись на лагерь, я подумал: вожаком мне не быть, но и командовать собой далее не позволю. Хочу управлять только

собственной жизнью, сам себе стану хозяином.

Чтобы конь Варма и мулы не умерли с голоду, я отвязал их. Лошадь не тронулась с места, зато мулы посеменили за нами. Я выстрелил поверх их голов — бедные животные бросились наутек, вниз по реке, до того резво перебирая копытами, что вместо коренастых ножек я теперь видел размытые пятна. Не заклейменные, эти скотинки кому-нибудь еще пригодятся.

Следуя северо-западной тропой, мы добрались до отеля Мейфилда за три дня. По дороге почти не разговаривали, а если и случалось общаться, то беседовали мы учтиво и вполне дружелюбно. Братец, наверное, прикидывал, чем станет промышлять остаток жизни. О том же задумался и я. Вспомнив события недавних дней, решил: если это задание и правда последнее, то конец карьеры выдался поистине впечатляющий. Надо непременно навестить матушку, если она, конечно, еще жива. Я стал представлять, как возвращаюсь к ней, прошу извинить. Даже придумал несколько фраз, с которых начну. И постоянно в моем воображении матушка прощала меня, обняв за шею кривой рукой и целуя в щеку над щетиной.

Мысли о возвращении успокоили меня, и дорога до Мейфилда, несмотря на все пережитые

злоключения, выдалась очень даже приятной. Где-то на полпути я заметил братцу:

— Левой рукой ты действуешь быстрее многих.

— Многие не все, — ответил Чарли.

Вспоминая о том, как индейцы отняли добытое на реке золото, я испытывал смешанные чувства. С одной стороны, правильно, что не нам владеть этим богатством — собирая ведро, я испытывал горькое сожаление. С другой — я бы вряд ли смирился с потерей, если бы не схрончик в подвале у Мейфилда. С его помощью я думал изменить свою жизнь, и потому, когда милях в двух от городка я уловил запах дыма, в сердце у меня зародилась тревога. Предчувствие чего-то очень и очень недоброго.

За время, что мы скакали до гостиницы, тревога переросла в гнев, а после в бессильное смирение. Гостиница сгорела дотла вместе с близлежащими домами. Войдя на пепелище, я поискал взглядом печку — та была опрокинута. Двинулся к ней, уже зная: схрон потерян. Поняв окончательно, что увезти с собой нам уже нечего, я обернулся к Чарли. Братец, сгорбившись, сидел на Шустрике в лучах весеннего солнца.

— Все пропало.

— Надо напиться, — как никогда обдуманно и

прочувствованно ответил Чарли.

Впрочем, гостиница сгорела, и посидеть где-то, чтобы напиться по-человечески, стало попросту негде. Пришлось, как последним забулдыгам, купить бутылку бренди в аптеке и распить ее на обочине.

Сидя на тротуаре, мы смотрели на останки гостиницы. Пожар погас несколько дней назад, но над пепелищем все еще вились столбики дыма, как призраки гигантских змеев. Когда бутылка опустела наполовину, Чарли спросил:

— Как думаешь, это Мейфилд устроил поджог?

— Кто ж еще?

— Должно быть, он не покидал городка. Спрятался где-нибудь и дождался, пока мы уедем. Сказал последнее, веское слово. — Я согласился, и тогда Чарли подумал вслух: — Интересно, где твоя подружка?

— Странно, я про нее даже не вспомнил.

Впрочем, чему удивляться…

В самом конце дороги я заметил мужчину и тут же признал в нем нытика. Как и прежде, он вел коня под уздцы и лил горькие слезы. Отрешенный, словно впавший в тихое безумие, он прошел мимо, бормоча себе под нос нечто несвязное и не заметив нас. Ни с того ни с сего на меня напал

такой гнев, что я подхватил с земли камень и запустил им в нытика. Тот, получив в плечо, обернулся.

— Пш-шел вон отсюда! — крикнул я.

Не знаю, что вызвало ярость. Я будто прогонял ворона, клюющего труп. Что с пьяного взять? Когда нытик, весь такой ничтожный и жалкий, поплелся дальше, я признался братцу:

— Не знаю, что дальше.

— Лучше пока об этом не думать, — посоветовал Чарли и тут же обрадованно воскликнул: — Ты только глянь! Это ж моя настоящая любовь!

В нашу сторону шла девка — шлюха, прежде работавшая на Мейфилда.

— Ну здравствуй, здравствуй, как-тя-там! — радостно поприветствовал шлюху Чарли.

Она остановилась перед нами, явно с похмелья: глаза красные, руки трясутся; полы платья замызганы. Потом она с размаху запустила мне в лоб чем-то твердым. Оказалось, это монеты, те самые сто долларов, что я оставил бухгалтерше. Глядя на деньги, я рассмеялся, хотя и понял: моя возлюбленная мертва. Впрочем, я не то чтобы любил ее, просто мне нравилась мысль, будто она любит меня, будто я не так одинок. Ни печали, ни скорби, однако, в сердце не родилось.

Я посмотрел на шлюху и спросил:

— Ну, и что с того?

Девка сплюнула на землю и развернулась, потопала прочь. Я подобрал деньги и половину отдал Чарли. Братец свои пятьдесят долларов спрятал в сапог, изящно оттопырив мизинец оголенной ноги. Я свою денежку тоже заныкал в сапоге, и после мы с Чарли расхохотались, как будто только что изобразили финал современной комедии.

Допивая последние капли бренди, мы сидели уже на земле. Так и уснули бы на ней, если бы шлюха не вернулась с товарками. Девки встали тесной группой, глядя на нас полными ненависти глазами. Еще бы, Мейфилда нет, гостиница сгорела, и для них наступили тяжелые времена: нечем больше надушить волосы, платья никто не выстирает, не накрахмалит. Разгневанные, шлюхи костерили нас с братцем на чем свет стоит.

— Хороша парочка, нечего сказать!

— Валяются в грязи!

— А брюхо-то, брюхо у этого, вы поглядите!

— Второй, кажется, руку поранил.

— Хоть конюхов убивать перестанет.

Стараясь перекричать их, Чарли спросил меня:

— Слышь, че это они раскаркались?

— Мы же их хозяина прогнали, ты забыл? —

Шлюхам я попытался объяснить: — Это не мы сожгли отель. Это Мейфилд. То есть думаю, что это он. Но не я и не мой братец точно.

Шлюхи еще больше распалились.

— Не смей говорить о Мейфилде!

— Он был хорошим!

— Платил нам!

— Дал крышу над головой.

— Мейфилд сволочь, но вы еще большие сволочи по сравнению с ним!

— Точно подмечено, девочки.

— Ну, и что нам делать с этими свиньями?

— Да, что делать-то с ними?

— А ну-ка, разом…

Шлюхи навалились на нас, прижав к земле. Сквозь живую стену я услышал хохот Чарли и поначалу сам нашел происходящее смешным, пока не обнаружил, что не могу пошевелиться, а ловкие руки шлюх вынимают все до цента из моих карманов.

Мы с Чарли одновременно стали бороться, кричать и ругаться, но чем больше старались высвободиться, тем сильнее держали нас шлюхи. Когда Чарли завопил от боли, я по-настоящему испугался — его шлюха каблуком наступила ему прямо на больную руку. Тогда я укусил нависшую

надо мной девку прямо через платье в вонючий выпуклый живот. Та рассвирепела, выхватила у меня из кобуры револьвер и приставила дуло ко лбу. Я затих и больше не дергался. В глазах шлюхи горело пламя чистого гнева, и я уже приготовился увидеть, как из черного жерла ствола вырвется белая вспышка. Но девка не выстрелила.

Обобрав нас, шлюхи убрались восвояси. К счастью, они не догадались стянуть с нас обувку, и сто долларов мы сберегли.

Еще одно небольшое отступление

Лежа в грязи, я уснул под солнцем полумертвого городка. Проснулся только с закатом. Передо мной стояла странная девочка — та, с которой я повстречался в прошлый раз. Новое платьишко, волосы чистые, только что вымыты и перетянуты широким красным бантом. Изящно сложив ручки на груди, она пристально, выжидающе смотрела… не на меня, на Чарли.

— Опять ты.

Девочка шикнула на меня, приставив пальчик к губам, и указала на братца: Чарли сжимал в руках полную воды банку с крышкой. На дне кружился дьявольский осадок из черных крупиц. Точно такими были присыпаны кулачки девочки, как и в прошлый раз. «Это яд», — дошло до меня. И стоило Чарли поднести банку ко рту, как я ударил его по рукам. Банка отлетела в лужу грязи, отравленная вода расплескалась.

Мрачно посмотрев на меня, девочка спросила:

— Зачем ты так?

— Давай-ка мы с тобой поговорим. Помнишь, что ты мне сказала в прошлый раз?

Растерянно взглянув на банку, она ответила:

— Я много чего говорила.

— Помнишь, ты назвала меня береженым?

— Ну, помню.

— Скажи, пожалуйста: я по-прежнему береженый?

Девочка взглянула на меня, и по ее глазам я понял: ответ она знает, но говорить не хочет.

— Надежно ли защищен? — не сдавался я. — Навсегда ли?

Раскрыв было рот, она тут же закрыла его.

— Не скажу, — ответила девочка.

Развернувшись ко мне спиной, она пошла прочь, только краешек платья мелькнул у меня перед глазами. Я поискал камень — хотел бросить ей в спину, но поблизости ни одного не нашлось. Чарли так и сидел, пялясь на опрокинутую банку.

— Черт, умираю от жажды, — сказал он.

— Тебя ж убить хотели.

— Кто, она?

— В прошлый раз эта девочка отравила собаку.

— Такая лапочка… Зачем бы ей травить меня?

— Это коварно, и ей это нравится.

Чарли, прищурившись, посмотрел на алеющий горизонт и лег на спину. Закрыв глаза, он произнес:

— Ну и жизнь!
И рассмеялся.
Не прошло и двух минут, как братец заснул.

Конец небольшого отступления

Глава 60

В Джексонвилле доктор отнял Чарли руку. Боль к тому времени ослабла, но плоть загнила, и, кроме ампутации, ничего не оставалось. Доктор Крейн, несмотря на пожилой возраст, сохранил острый глаз и твердость руки. В петлице он носил розу, и я как-то сразу проникся к нему доверием. Мне он показался человеком принципиальным. Стоило же упомянуть, что с деньгами у нас с братцем туго, и врач отмахнулся, будто вопрос оплаты для него был не важнее второстепенной мысли.

Когда Чарли пожелал напиться перед операцией, случилось неожиданное: врач запретил ему, сказав, дескать, спирт вызовет обильное кровотечение. Чарли уперся рогом, наплевав на возможные неприятности. Ему если что в башку втемяшится, то берегись! Тогда я отвел Крейна в сторонку и попросил дать братцу обезболивающее, только без предупреждения. Сочтя совет разумным, доктор ему последовал. Мы успешно обманули Чарли, и ампутация прошла так гладко, как только может она пройти, да еще в гостиной собственного дома доктора, при свечах. Гангрена поднялась выше запястья, и пришлось отхватить

руку до середины предплечья. Работал Крейн специальной пилой, которую, по его словам, для хирургов и создали. Когда доктор закончил, его лоб блестел от пота, а коснувшись случайно полотна ножовки, Крейн обжег палец. Он заранее приготовил ведерко для отрезанной руки, но немного не рассчитал, и ампутированная конечность шлепнулась на пол. Крейн был так занят культей Чарли, что пришлось мне самому обо всем позаботиться. Я подошел и поднял отрезанную руку, не тяжелую и не легкую, перехватив поперек запястья. Из среза в ведро свободно вытекала кровь. При иных обстоятельствах я бы не стал хватать Чарли за руку таким вот образом. Но сейчас она казалась мне странно чужой, и я даже покраснел.

Пригладил большим пальцем жесткие черные волосы и внезапно ощутил, будто глажу по руке самого братца. Тогда я поставил — не положил, поставил! — руку в ведро и вынес из комнаты. Нечего Чарли смотреть на нее, когда очнется.

После операции мы перевязали Чарли руку и уложили его, опоенного лекарством, на высокую кровать. Крейн сказал, что братец еще не скоро придет в себя, и мне лучше выйти на воздух. Поблагодарив доктора, я покинул дом и отправился

в ресторан на краю города, где ужинал еще по пути в Сан-Франциско. Заняв тот же столик, что и в прошлый раз, я дождался официанта — того же самого. Признав меня, он насмешливо поинтересовался: не принести ли еще моркови с ботвой. Однако став свидетелем ампутации и видя капли крови у себя на штанинах, голода я не испытывал совершенно и попросил только бокал эля.

— Вы что же, совсем от еды отказались? — спросил официант и хмыкнул себе в усы.

Его тон показался мне оскорбительным, и я произнес:

— Меня зовут Эли Систерс, шлюхин ты сын, и я пристрелю тебя на месте, если не поторопишься.

Выпучив глаза, официант поспешил прочь, на ходу постоянно оглядываясь. Потом он со всем почтением и кротостью, на какие был способен, поставил трясущимися руками передо мной бокал эля. Странно, откуда во мне столько гнева и грубости? Покидая ресторан, я решил заново научиться скромности и спокойствию. Посвящу отдыху целый год! Точно, двенадцать месяцев проведу в раздумьях и безмятежности. Какое блаженство! Однако прежде, чем отдаться во власть мечты и неги, мне предстоит одно дельце. И провернуть его надо в одиночку.

Глава 61

К десяти вечера мы наконец добрались до нашей с братцем хижины в пригороде Орегона. Дверь была сорвана с петель, а мебель внутри перевернута и поломана. Я сразу же направился в дальнюю комнату, где в стенном тайнике позади зеркала мы хранили заначку, и нисколько не удивился, обнаружив на месте двадцати двух сотен долларов один-единственный листочек бумаги. Записку.

Дорогой Чарли!

Я такая сволочь, забрал все твои бабки. Сейчас я бухой, но, когда протрезвею, вряд ли что-то верну. Бабки Эли тоже у меня, так что прости. Ты мне всегда нравился, если только не задирал меня по пьяни. С вашей заначкой уеду далеко-далеко. Если хочешь — догони, желаю удачи. Да вы все равно еще заработаете, бабки к вам так и липнут. Прощаюсь, конечно, по-свински, но такой уж я, и мне нисколько не жаль. В моих жилах течет порочная кровь. Или башка у меня дурная? Короче, я неисправим.

Рекс

Сложив записку, я вернул ее в тайник, а после собрал ногой разбросанные по полу осколки зеркала. Я ни о чем не думал, просто ждал, пока мысль сама придет в голову. Или пока в опустевшем сердце родится хоть какое-нибудь чувство. Не дождавшись, вышел на улицу и снял Чарли с Шустрика. Перед отъездом доктор Крейн вручил нам пузырек морфина, и всю дорогу мой братец пребывал почти что в блаженном, одурманенном состоянии. Хорошо, что я додумался привязать его к седлу и вести коня на веревке. Чарли то и

дело выныривал из ступора, замечая, что руки больше нет. Осознав же ее отсутствие, братец от потрясения впадал в уныние.

Я проводил Чарли в его комнату и помог улечься на голый покосившийся тюфяк. Потом сказал, что мне надо отлучиться по делу, и братец даже не спросил по какому. Ему было не до меня. Зевнув и громко щелкнув зубами, он помахал мне культей.

Я оставил братца лежать в наркотической дреме, а сам вышел. На пороге задержался и оглядел наше поврежденное скудное имущество. Я никогда особенно не любил этот дом, но при виде заляпанных вином простыней, битых тарелок и чашек понял: больше я сюда не вернусь.

До города был час езды. Много дней я провел в дороге, но усталости не испытывал. Рассудок сохранил трезвый и свободный от страха.

Особняк Командора стоял погруженный во тьму, только теплился жиденький свет в окнах верхнего этажа. Луна висела высоко. Я спрятался под раскидистым кедром на границе владений. В этот момент через заднюю дверь вышла служанка. Неся под мышкой пустое корыто, она тихонько ругалась по пути к отдельному домику. Я выждал пятнадцать минут и, когда служанка

не вернулась, прокрался к черному ходу. Девушка забыла запереть дверь, и я беспрепятственно проник на кухню. Здесь было тихо и прохладно, кругом царил порядок. Чем, интересно, Командор обидел служанку? Я снова оглянулся на ее домик. Ничего не изменилось, разве что девушка зажгла на подоконнике свечу.

Я поднялся на второй этаж по застеленным ковром ступенькам и застыл у двери в комнату Командора. Изнутри доносилась отборная брань: Командор распекал кого-то из подчиненных. Кого и за что — я не понял, виновный едва слышно бормотал извинения. Получив нагоняй, он направился к двери. Когда подошел совсем близко, я вжался в стену со стороны петель.

Револьвера при мне не было. Вооруженный лишь круглым штыком, я приготовился, однако человек вышел и меня не заметил, сразу стал спускаться вниз, на первый этаж. Он покинул особняк через черный ход, и я приник к окну в конце коридора, проследил, как разобиженный прихвостень Командора входит в домик служанки. Вот он выглянул в окно, и я шмыгнул в тень, присмотрелся к перекошенному лицу, по которому сразу понял: этот человек умеет творить только зло. И тем не менее вот он стоит, оскорб-

ленный, униженный, не в силах отстоять свою гордость. Потом он задул свечку, погрузив домик во тьму, а я прокрался назад, к открытой двери в комнату Командора.

Она занимала второй этаж полностью: никаких стен, просто мебель расставлена так, чтобы создать ощущение разделенности. В темноте горели редкие настольные лампы да канделябры. Из-за китайской ширмы в дальнем углу поднимались сизые клубы сигарного дыма. Заслышав голос Командора, я застыл на месте, подумал, что в комнате, кроме нас двоих, еще кто-то есть. Однако хозяину дома не ответили, и я понял: он один, просто, нежась в ванне, ведет разговор с кем-то воображаемым. Как-то странно купание воздействует на мозги…

Сжав рукоятку штыка покрепче, я пошел к ширме. Ступать старался по коврам — те скрадывали шум от шагов. Обогнув ширму, я вскинул клинок, приготовился вонзить его в сердце Командору и… застыл, невольно отведя руку в сторону. Тот отмокал в воде, положив на глаза салфетку. Передо мной в медной ванне лежал человек, чье влияние ощущалось даже в самом дальнем, глухом уголке этой страны: безволосое тело, впалая костлявая грудь; пепел с кончика сигары вот-вот упадет в

воду. Дребезжащим голоском Командор говорил:

— Господа! Сегодня я задам вопрос, на который не многие знают ответ. Посмотрим, сможете ли ответить вы. Итак, что делает человека великим? Кто-то говорит, богатство. Другие — сила характера. Третьи утверждают, будто велик тот, кто владеет собой. Или же тот, кто яро поклоняется Богу. Однако стойте, я отвечу сам. Скажу, что делает человека великим, и надеюсь, сегодня вы прислушаетесь ко мне и примете мои слова всем сердцем и душой, усвоите их смысл. Ибо — да! — я намерен одарить величием и вас!

Кивнув, он поднял ладонь, принимая воображаемые аплодисменты. Потом глубоко затянулся сигарой. Пепел упал в воду и зашипел. Отводя его подальше от себя, Командор наугад поплескал рукой.

— Благодарю. О, благодарю, спасибо. — Набрав полные легкие воздуха, он заговорил уже с нажимом, громче: — Велик тот, кто в силах отыскать в нашем материальном мире пустоту и наполнить ее частицей себя! Велик тот, кто одной только силой воли способен на пустом месте сколотить состояние! И, наконец, велик тот, кто из ничего способен сделать нечто! Перед собравшимися здесь я говорю — и поверьте мне на слово, госпо-

да: мир вокруг нас и есть это самое ничто!

И тогда одним быстрым движением я отбросил штык и надавил на плечи Командору. Как только его голова оказалась под водой, он замолотил по воздуху руками и ногами. Кашляя и задыхаясь, Командор издавал причудливые звуки:

— Кхэх, кхэк, кхэх!

Они отражались от стенок ванны и волнами проходили через ноги мне в живот. Командор теперь бился за жизнь не как человек, а как животное. Он рвался наверх с удвоенной силой и яростью, но я держал его. Держал крепко, не давая подняться. Чувство правоты придавало смелости, ничто не сбило бы меня с пути, не помешало довести начатое до конца.

Салфетка спала с глаз Командора, и он взглянул на меня из-под воды. Я не хотел видеть его глаз, однако передумал, решив, что так правильнее, и заглянул в них. Я поразился увиденному: Командор, как и многие до него принявшие смерть, просто-напросто испугался. Он признал меня и все равно, кроме страха, ничего не испытывал.

В глубине души я, наверное, даже хотел, чтобы Командор увидел мое лицо и запоздало раскаялся. Надо было выказывать мне большее уважение, а теперь время упущено. Однако мир у него перед

глазами, скорее всего, взрывался красками, на смену которым пришла бездна. Черная, как ночь или все ночи вместе взятые.

Когда Командор наконец сдох, я приподнял его, так чтобы голова немного торчала над поверхностью воды. Словно он захлебнулся по пьяни. И не было ни капли достоинства в такой кончине: мокрые волосы облепили череп, у самого лица плавает окурок сигары.

Выйдя через переднюю дверь, я поехал обратно в нашу хижину. Чарли спал и ехать куда-либо наотрез отказался. Начхав на протесты братца, я взгромоздил его на Шустрика, привязал к седлу, и мы отправились к матушке.

Эпилог

Высокая трава серебрилась росой в рассветных лучах. Когда мы ехали по тропинке к дому, Чарли, добивший пузырек с морфином, храпел на широкой спине Шустрика. Я столько лет не видел отчий дом и передумал всякое. Вдруг он разрушен? И что делать, если не застану матушку? Но вот я увидел его, дом: он в полном порядке, недавно покрашенный, сзади появилась пристройка, огород зеленеет, а среди посадок торчит пугало. Оно мне кого-то напоминало. И я понял кого. Папашу. Пугало было одето в отцовский сюртук, шляпу и штаны.

Спешившись — я так и ездил на коне Морриса — я подошел и пошарил в карманах у пугала. Отыскалась одна сгоревшая спичка. Спрятав ее себе в карман, я взошел на крыльцо. Долго не решаясь постучать в дверь, просто смотрел на нее, пока наконец матушка — она услышала, как я иду — сама не вышла в ночной сорочке. Посмотрела на меня без тени удивления, потом глянула мне за плечо и спросила:

— Что это с ним?

— Повредил руку и сильно расстроился.

Нахмурившись, матушка попросила обождать ее на крыльце. Якобы не хотела, чтобы кто-то видел, как она укладывается в постель. Мне-то ничего объяснять было не нужно. И потому я сразу сказал:

— Я приду, когда позовешь, матушка.

Она ушла, а я присел на перила, покачивая ногой и внимательно оглядывая дом. Сердце сладко заныло. Посмотрев на Чарли, привязанного к седлу, я вспомнил проведенные здесь дни.

— Не так уж и плохо тут жилось, — обратился я к спящему братцу.

Тут меня позвала матушка, и я прошел через весь дом в заднюю комнату, в пристройку. Матушка лежала на высокой медной кровати, застеленной мягким хлопком.

— Куда очки подевались?

Она пошарила вокруг себя рукой.

— Они у тебя на лоб сдвинуты.

— Что? Ах, да. Вот они, правда. — Опустив очки на нос, матушка посмотрела на меня. — Вернулся, значит. — Потом, нахмурившись, она спросила: — Так что там с Чарли?

— Приключилась беда, и Чарли остался без руки.

— Руку потерял, значит? — произнесла матушка. Покачав головой, она пробормотала: — Словно безделушку какую.

— И вовсе это не безделушка ни для меня, ни для него.

— Как все случилось?

— Руку опалило, началось заражение. Доктор сказал: оно поразит Чарли в сердце, если руку не ампутировать.

— Поразит в сердце?

— Так сказал доктор.

— Вот прямо так и сказал?

— Как я понял.

— Гм… Чарли было больно, когда резали руку?

— Саму ампутацию Чарли проспал. Сейчас говорит, что культю жжет, а срез зудит. Но морфин помогает. Думаю, Чарли скоро поправится, щеки у него порозовели.

Матушка откашлялась, потом еще раз. Покачала головой из стороны в сторону, словно взвешивая в уме слова. Когда я попросил ее не молчать, она сказала:

— Твоему возвращению, Эли, я очень даже рада. Ничего такого не подумай, но… Ты мне вот что скажи: почему решил навестить меня? Ведь столько лет прошло.

— Очень захотелось к тебе. Очень-очень, невмоготу прямо. Я и приехал.

— Да, да, да, — кивнула матушка. — Я, правда, не поняла ничего. Изволь объясниться.

Тут я расхохотался, но, заметив, что матушка шутить не настроена, попытался состряпать более или менее правдоподобный ответ:

— Понимаешь, я выполнял очень долгое и тяжелое задание и уже в самом конце вдруг подумал: отчего бы нам не быть вместе, ведь мы так хорошо ладили? Ты да я, да Чарли?

Она будто не слушала меня или просто не поверила. Желая сменить тему разговора, матушка спросила:

— Как твои приступы гнева?

— Случаются время от времени.

— Успокоительный метод практикуешь?

— Прибегаю к нему, да.

Кивнув, матушка взяла с ночного столика чашку с водой. Отпила из нее и промокнула лицо воротничком сорочки. Рукав немного сполз, и я заметил место, в котором сломанное некогда предплечье срослось неправильно. Искривленная кость наверняка причиняла матушке неудобство. Подумав так, я ощутил призрачную боль в собственной руке — боль сочувствия. Гля-

дя на мою физиономию, матушка улыбнулась — улыбнулась прелестно, ведь в молодые годы она славилась красотой.

— Знаешь, ты ничуть не изменился, — сказала она.

Словами не передать, какое я почувствовал облегчение.

— Дома я чувствую себя прежним, а вдали от него перестаю быть собой.

— Ну так оставайся.

— С удовольствием, матушка. Я так соскучился по тебе, вспоминал постоянно. Да и Чарли, наверное, тоже.

— Чарли думает только о себе, больше ни о ком.

— Трудно за ним уследить, всякий раз от рук отбивается. — Из груди чуть не вырвался всхлип, но я вовремя погасил его. Выдохнул, взял себя в руки и спокойно произнес: — Не надо бы его оставлять снаружи. Можно мне ввести братца в дом?

Долго я ждал, пока матушка ответит, да так и не дождался. И тогда сказал:

— Чего мы с Чарли только не пережили. Видели такое, что многим даже не снилось.

— Это так важно? — спросила матушка.

— Теперь, когда все закончилось, да.

— Закончилось? Что закончилось?

— Хватит с меня такой жизни. Хочу осесть, никаких больше разъездов.

— В этом доме тишины тебе хватит. — Обведя комнату рукой, она сказала: — Ты заметил, как я поработала? Жду похвалы, любой.

— Шикарно ты потрудилась.

— В сад заглядывал?

— Сад замечательно выглядит. И дом тоже. И ты. Кстати, как себя чувствуешь?

— Ни так ни сяк, то хорошо, то плохо. — Подумав, матушка добавила: — Ни так ни сяк бывает чаще.

Раздался стук, и в комнату вошел Чарли. Сняв шляпу, он повесил ее на культю.

— Здравствуй, матушка.

Она пристально посмотрела на него и наконец ответила:

— Ну здравствуй, Чарли.

Смотреть на него она не переставала, и тогда братец обернулся ко мне.

— Я сначала и не понял даже, куда ты меня привез. Смотрю: дом вроде знакомый, а где он… — Шепотом братец спросил: — Пугало видел?

Матушка смотрела на нас, и на губах ее играло подобие улыбки, грустной, совсем не веселой.

— Вы голодны, мальчики?

— Нет, матушка, — ответил я.

— Я тоже не голоден, — произнес Чарли. — Помыться бы не помешало.

Матушка ответила, что он волен принять ванну, если желает, и братец уже в самых дверях посмотрел на меня. Взгляд его был прост и наивен. И куда подевался тот забияка? Когда Чарли наконец удалился, матушка заметила:

— Его не узнать.

— Чарли просто устал.

— Нет.

Похлопав себя по груди, она печально покачала головой. Тогда я объяснил, что Чарли утратил рабочую руку.

— Надеюсь, вы, мальчики, не ждете от меня сочувствия по этому поводу?

— Мы от тебя вообще ничего не ждем, матушка.

— То есть ничего, кроме бесплатного жилья и кормежки?

— Мы найдем работу.

— И какую же?

— Ну, я подумывал открыть факторию.

— То есть вложиться в нее? — уточнила матушка. — Ты ведь не встанешь сам за прилавок?

Придется много общаться с людьми.

— Вот именно за прилавок я встать и хотел. Что, трудно представить?

— Если честно, то очень.

Я тяжело вздохнул.

— Да какая разница, чем мы займемся? Деньги приходят и уходят… — Я покачал головой. — Разницы нет, и ты об этом прекрасно знаешь.

— Ну ладно, — уступила матушка. — Вы с братом можете занять свою прежнюю комнату. Если всерьез собираетесь тут обосноваться, позже мы пристроим еще одну. И когда я говорю «мы», то имею в виду тебя и Чарли. — Взяв со столика зеркальце на ручке, она принялась поправлять волосы. — Мне стоит радоваться, что вы с братом по-прежнему держитесь друг друга. С самого детства вы неразлучны.

— Сколько раз мы ссорились и снова мирились…

— Это отец вас сблизил. — Матушка опустила зеркальце. — Хоть одно доброе дело сделал.

Я сказал:

— Пойду, пожалуй, прилягу.

— Разбудить тебя к обеду?

— А что на обед?

— Тушеная говядина.

— Вот и ладно.

Подумав, матушка переспросила:

— То есть? «Вот и ладно» значит «разбуди меня» или «вот и ладно» — «дай поспать»?

— Обязательно меня разбуди.

— Хорошо. Ступай, отдохни.

Развернувшись, я посмотрел в дальний конец коридора. Парадная дверь была открыта, и вход сиял чистым белым светом. Уже на пороге комнаты мне показалось, будто матушка окликнула меня. Я обернулся, и она вопросительно посмотрела на меня в ответ.

— С тобой все хорошо? — спросил я. — Ты звала меня?

Матушка жестом поманила меня, и я подошел. Цепляясь за мою руку, как за веревку, она приподнялась и обняла за шею, поцеловала меня в щеку, над самой щетиной, влажными холодными губами. Ее волосы, лицо и шея пахли сном и мылом.

Уже в нашей с Чарли комнате я прилег на тюфяк, прямо на полу. Хорошая комнатка, чистая. И ничего, что маленькая — на время сойдет идеально. Я и забыл, когда последний раз приходил туда, куда зовет меня сердце. Когда был собой доволен.

Я провалился в сон, однако через несколько

минут внезапно проснулся. Мне слышался чей-то голос… Да нет, просто Чарли моется в соседней комнате. Он молчал и точно не заговорил бы, зато журчанье воды — то, как она мелкими волнами бьется о стенки ванны, а потом, тихо всплеснув, замолкает, как изредка падают капли — мне и напомнило отзвуки голоса. Будто кто-то тихо рассуждает вслух то грустно, то радостно. И мы с братцем, хотя бы сейчас, свободны от всех мирских страстей и напастей.

До чего же легко и приятно.

Выражаю признательность

Лесли Нейплсу
Густаво де Витту
Гэри де Витту
Нику де Витту
Майку де Витту
Майклу Дэггу

Ли Бодрю
Эбигейл Холстин
Дэниелу Галперну
Саре Холлоуэй
Саре Маклахлен
Мелани Литтл
Питеру Макгигану
Стефании Абу
Дэниелу Макгилливрею
Ханне Браун Гордон
Джерри Калайяну

Филиппе Аронсону
Эмме Аронсон
Мари-Катрин Вахер

Азазель Джейкобс

Монте Мэттсону
Марии Семпле
Джорджу Майеру
Джонатану Эвисону
Дэйву Эриксону
Дэну Стилзу
Дэнни Палмерли
Элисон Дики
Джону Си Рейли
Карсону Меллу
Энди Хантеру
Отису «Псу»